

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 1.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

2023
1(44)

ISSN 2587-554X
Эп № ФС77-77600

ISSN 2587-554X

Эл № ФС77-77600

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление

№ 1 (44)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Зуева И.А.,

д-р экон. наук, профессор кафедры финансового учета Московского университета имени С.Ю. Витте;

Заместитель главного редактора:

Гаврилова Э.Н.,

*канд. экон. наук, доцент кафедры финансового учета
Московского университета имени С.Ю. Витте*

Редакционный совет

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, профессор, ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Заместитель председателя – Пилипенко П.П., *д-р экон. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Технологического университета, г. Королев, директор Центра развития профессиональных компетенций;*

Члены редсовета – Гринберг Р.С., *д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, академик Международной академии менеджмента, научный руководитель Института экономики РАН;*

Тебекин А.В., *д-р техн. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Московского университета им. С.Ю. Витте, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства Института экономики РАН;*

Макрусов В.В., *д-р физ.-мат. наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования, профессор кафедры управления Российской таможенной академии;*

Сахаров Г.В., *д-р экон. наук, профессор, действительный член РАЕН, профессор кафедры экономической безопасности Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ;*

Крылатых Э.Н., *д-р экон. наук, профессор, академик РАН, заведующая кафедрой макро- и микроэкономики факультета Российско-немецкой высшей школы управления Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации;*

Бурцева Т.А., *д-р экон. наук, доцент, профессор РТУ МИРЭА;*

Гусева В.И., *д-р экон. наук, профессор, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета, Кыргызская Республика;*

Зубенко В.В., *д-р экон. наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;*

Тумин В.М., *д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Московского политехнического университета;*

Сейдахметова Ф.С., *д-р экон. наук, профессор, профессор Алматинской академии экономики и статистики, Казахстан;*

Фролов А.В., *д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической Академии Министерства Иностранных Дел РФ, Россия;*

Холбеков Р.О., *д-р экон. наук, профессор, профессор Ташкентского государственного экономического университета, Узбекистан;*

Разовский Ю.В., *д-р экон. наук, академик РАЕН, профессор кафедры менеджмента Московского университета им. С.Ю. Витте;*

Балтов М., *д-р, PhD, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности и международному сотрудничеству Бургасского свободного университета, Республика Болгария;*

Колитарни Дж., *д-р, профессор, руководитель лаборатории аквакультуры и рыболовства Тиранского аграрного университета, Албания;*

Каштякова Э., *канд. экон. наук, доцент, доцент Экономического университета в Братиславе, Словакия;*

Молдашбаева Л.П., *канд. экон. наук, доцент, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Казахстан;*

Русак Е.С., *канд. экон. наук, зав. кафедрой экономики предприятий Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256

Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10;

Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ	7
<i>Соболь Татьяна Сергеевна, Шарай Анна Игоревна</i>	
ОНТОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ.....	16
<i>Салихов Борис Варисович, Салихова Ирина Сергеевна</i>	
ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСЛУГАМИ В СИСТЕМЕ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ЛЮДЬМИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ	25
<i>Дерен Иванна Ивановна, Самофатова Ксения Алексеевна</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ВЫБОРА МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РФ	35
<i>Шамалова Елена Викторовна, Костромина Елена Александровна</i>	

ЭКОНОМИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖКИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ.....	42
<i>Соловьева Татьяна Сергеевна</i>	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	53
<i>Садыков Марат Альбертович, Сунтело Наталья Петровна</i>	
APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES FOR THE PURPOSES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT	61
<i>Kamyshnikov I.N.</i>	

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	69
<i>Чепик Анатолий Георгиевич</i>	

УПРАВЛЕНИЕ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ	77
<i>Анисимов Александр Юрьевич, Малиновский Максим Олегович</i>	
УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА.....	85
<i>Веретёхин Андрей Васильевич</i>	

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА	91
<i>Баранов Дмитрий Никитич</i>	

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ	99
<i>Корчагин Рудик Левович</i>	

CONTENTS

ECONOMY

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT.....	7
<i>Sobol T.S., Sharay A.I.</i>	
ONTOLOGY OF INTELLECTUAL CAPITAL AS A BASIS FOR THE CREATIVE ACTIVITY OF ECONOMIC AGENTS IN THE MODERN ECONOMY.....	16
<i>Salikhov B.V., Salikhova I.S.</i>	
ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL MODEL OF PROVIDING SERVICES OF LONG-TERM CARE SYSTEM FOR OLDER PEOPLE.....	25
<i>Deren I.I., Samofatova K.A.</i>	
RESEARCH OF SIGNIFICANT FACTORS OF CHOOSING A MEDICAL ORGANIZATION FOR CONSUMERS OF MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	35
<i>Shamalova E.V., Kostromina E.A.</i>	

ECONOMICS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

SUPPORT FEATURES AND PROBLEMS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA.....	42
<i>Soloveva T.S.</i>	
THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF SPECIAL TAX REGIMES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES.....	53
<i>Sadykov M.A., Suptelo N.P.</i>	
APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES FOR THE PURPOSES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT.....	61
<i>Kamyshnikov I.N.</i>	

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA: CONDITIONS AND PROSPECTS.....	69
<i>Chepik A.G.</i>	

MANAGEMENT

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF BUSINESS PROCESS MANAGEMENT.....	77
<i>Anisimov A.Yu., Malinovsky M.O.</i>	
MANAGEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF A COMMERCIAL ORGANIZATION BASED ON AN INTEGRATED STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACH.....	85
<i>Veretyokhin A.V.</i>	

THE POTENTIAL OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES	91
<i>Baranov D.N.</i>	
FEATURES OF MANAGEMENT DECISION-MAKING BY TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURS	99
<i>Korchagin R.L.</i>	

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Соболь Татьяна Сергеевна¹,

канд. экон. наук, доцент,
e-mail: tsobol@miiv.ru,

Шарай Анна Игоревна¹,

e-mail: asharay@rambler.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

На протяжении девяти лет Россия находится под влиянием санкций, введенных рядом стран Европы и США. С 2014 и по 2022 год со стороны мирового сообщества были выдвинуты санкции, которые оказали существенное влияние на все сферы общественной жизни страны. При этом наблюдается постепенный переход от точечных ограничений в отношении отдельных лиц и предприятий к блокировке целых отраслей российской экономики. Последствия введенных санкций серьезно отражаются на российской экономике. В статье проведен анализ влияния антироссийских санкций на экономику страны. Отмечено, что санкционное воздействие на экономику страны отразилось на сокращении объема ВВП, росте инфляции, сокращении объема импорта, сокращении объемов внешней торговли России. В статье проанализированы перспективы развития экономики страны в условиях продолжающихся санкций. Предложен возможный сценарий дальнейшего развития с учетом адаптации к современным реалиям развития экономики.

Ключевые слова: экономические санкции, санкционная политика, последствия введения антироссийских санкций, российская экономика, инфляционные процессы в стране, темпы инфляции, санкционные ограничения, перспективы развития экономики России

THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN ECONOMY UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

Sobol T.S.¹,

candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: tsobol@miiv.ru,

Sharay A.I.¹,

e-mail: asharay@rambler.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

For nine years, Russia has been under the influence of sanctions imposed by a number of European countries and the United States. From 2014 to 2022, sanctions were put forward by the world community, which had a significant impact on all spheres of the country's public life. At the same time, there is a gradual transition from targeted restrictions on individuals and enterprises to blocking entire sectors of the Russian economy. The consequences of the imposed sanctions seriously affect the Russian economy. The article analyzes the impact of anti-Russian sanctions on the country's economy. It was noted that the sanctions impact on the country's economy was reflected in the reduction in GDP, inflation growth, reduction in imports, and reduction in the volume of Russia's foreign trade. The article analyzes the prospects for the development of the country's economy in the context of ongoing sanctions. A possible scenario for further development is proposed, taking into account adaptation to the modern realities of economic development.

Keywords: economic sanctions, sanctions policy, the consequences of anti-Russian sanctions, the Russian economy, inflationary processes in the country, inflation rates, sanctions restrictions, prospects for the development of the Russian economy

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-7-15

Введение

Санкции представляют собой «ограничительные меры против определенных государств, отдельных компаний или физических лиц, применяемые в качестве наказания за какие-либо проступки или действия. Создаваемые таким образом препятствия для деятельности могут не только затрагивать отдельные направления развития и сферы экономики, но и носить всеобъемлющий характер» [1]. Ключевой целью современной санкционной политики выступает оказание воздействия на государство – объект данной политики, чтобы последнее изменило свое поведение (прекратило какие-либо действия). В то же время иногда санкционные ограничения имеют обратное влияние – государство находит способы их обхода, соответственно, улучшает свои позиции, несмотря на желание других стран не допустить этого (к примеру, речь может идти о наращивании объемов внутреннего производства, развитие сфер, которые ранее «закрывались» импортируемыми товарами/услугами и т.п.). Санкции, несомненно, налагают экономические издержки на страну, которая их ввела [2; 3]. Против России, начиная с 2014 и по 2022 год, со стороны мирового сообщества были выдвинуты санкции, которые оказали существенное влияние на все сферы общественной жизни страны. Выдвинутые санкции оказали колоссальное влияние не только на экономику России, но и на весь мир. Санкционные ограничения явились существенным препятствием развития мировой экономики в целом [2].

Результаты введения антироссийских санкций

Начиная с 2014 года и по настоящее время со стороны мирового сообщества выдвигаются санкции, которые оказывают существенное влияние на все сферы общественной жизни страны. При этом наблюдается постепенный переход от точечных ограничений в отношении отдельных лиц и предприятий к блокировке целых отраслей российской экономики [4].

В 2014 году, после первой волны санкций, российская экономика испытала спад. В период с 2014 по 2016 год наблюдалось: сокращение ВВП, рост инфляции, сокращение объемов экспортно-импортных потоков, обесценивание национальной валюты, сокращение потока иностранных инвестиций. Постепенно российская экономика смогла приспособиться к санкциям и не допустить того серьезного негативного эффекта, на который рассчитывали западные страны. На сегодняшний день ситуация с санкционным воздействием на экономику страны повторяется: вновь сокращается объем ВВП, растет инфляция, сокращается объем импорта [4].

2022 год стал рекордсменом по количеству санкций в отношении России [1]. Только в 2022 году страна получила ограничения в: блокировке российских финансовых активов, в том числе валютных резервов Банка России за рубежом; замораживании российского Центрального банка и отключении других банков от системы международных платежей SWIFT; отмены использования на территории других стран банковских карт международных платежных систем Visa и MasterCard; запрет на размещение с 01.03.22 года за рубежом облигационных займов Российской Федерации; запрет на обслуживание криптокошельков; эмбарго на импорт в страны ЕС из России углеводородов (нефти, газа, каменного угля), химических удобрений и ряда цветных металлов и т.д. [5].

На протяжении девяти лет Российская Федерация находится под влиянием санкций, введенных рядом стран Европы и США. Последствия введенных санкций серьезно отразились на российской экономике [1]. На рисунке 1 представлена динамика реального ВВП России с досанкционного 2013 года и по сегодняшний день.

Как следует из представленных на рисунке 1 данных, после введения в конце 2014 года антироссийских санкций, в 2015 году произошло сокращение объемов реального ВВП России – на 1,7 %. В 2016 году роста экономики не наблюдалось: объем ВВП остался на прежнем уровне. На конец 2017 года экономика России постепенно стала частично выздоравливать: прирост ВВП к показателю 2016 года составил 2,64 %. В последующие два года ситуация еще более стабилизировалась: в 2018 году объем ВВП вырос на 2,6 %, в 2019 году – еще на 2,76 %.

В 2020 году вновь наблюдается сокращение ВВП (на 3,27 % по отношению к уровню 2019 года), но, как видится, связано оно было с действием других факторов, несанкционного характера (ковид-

пандемия и сопутствующие факторы). В 2021 году в связи с приспособлением субъектов хозяйствования к деятельности в условиях пандемии, экономика России вновь начала расти: объем ВВП – на 3,99 % по отношению к 2020 году. Вместе с тем в связи с введением нового пакета антироссийских санкций в 2022 году, объемы ВВП вновь сократились до уровня 2020 года.

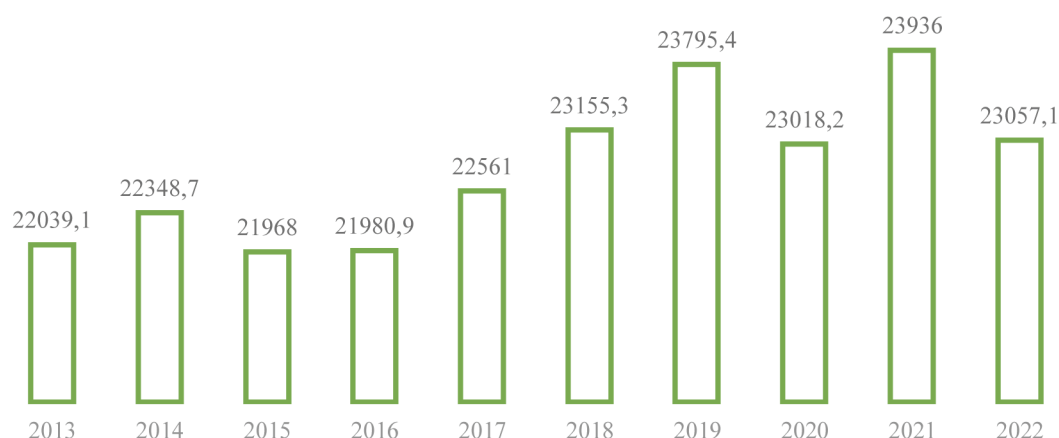

Рисунок 1 – Динамика реального ВВП России в 2013–2022 гг. (за III квартал), млрд руб.¹

Воздействие санкционной антироссийской политики отразилось и на инфляции (рисунок 2).

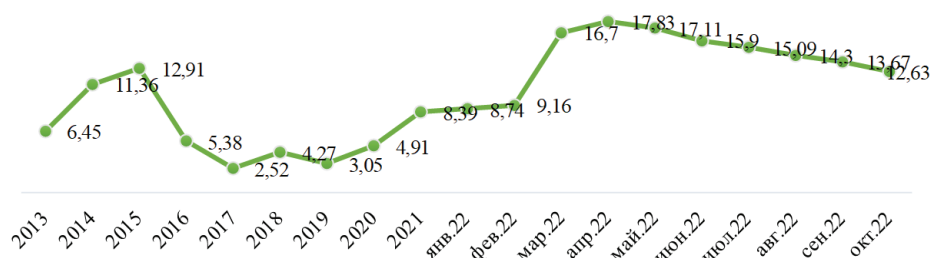

Рисунок 2 – Динамика уровня инфляции в России, 2013–2022 гг., %²

Как следует из представленных на рисунке 2 данных, после введения в 2014 году экономических санкций показатель инфляции превысил отметку в 11 %. В следующем году темпы инфляции ускорились до 12,91 %. В 2016 году наблюдается сокращение уровня инфляции, а по итогам 2017 года она достигла рекордно низкого значения – 2,52 %. В последующие четыре года темпы инфляции не превышали 5 %. По итогам 2021 года показатель инфляции составил 8,39 %. На приблизительно том же уровне остался уровень инфляции и в январе 2022 года. В то же время, начиная с февраля 2022 года, темпы инфляции в стране ускоряются. Так, по итогам февраля 2022 года инфляция в России составила 9,16 % годовых; в марте 2022 года она выросла еще на 7,54 п.п., достигнув значения 16,7 %; в апреле уровень инфляции в стране достиг рекордного значения за весь анализируемый период – 17,83 %. В последующем предпринимаемые Банком России совместно с Правительством РФ меры немного стабилизировали ситуацию в стране: с мая 2022 года наблюдается ежемесячное сокращение темпов инфляции до 12,63 % годовых по итогам октября 2022 года (т.е. до уровня 2015 года).

Воздействие санкционной антироссийской политики отразилось и на сокращении объемов внешней торговли России (таблица 1).

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

Таблица 1 – Экспортно-импортные потоки в 2013–2022 гг. (за III квартал), млрд долл. США³

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт	149,05	143,50	91,85	84,80	99,68	127,95	119,81	89,71	146,25	153,0
Импорт	125,49	116,90	75,21	73,60	88,99	88,87	93,42	74,62	98,95	84,61

Как следует из представленных в таблице 1 данных, общая величина экспортно-импортных потоков в указанный период имеет волнообразный характер вариации. В 2014–2016 годах общие объемы импорта и экспорта в Российской Федерации неуклонно снижались, достигнув, соответственно, 73,6 млрд долл. и 84,8 млрд долл. США (за первые три квартала 2016 года).

В 2017–2018 годах данная тенденция сменилась на положительную, в результате чего объемы импорта и экспорта начали расти, составив в 2018 году 88,87 млрд долл. США и 127,95 млрд долл. США (аналогично, за первые три квартала). В то же время данные показатели все равно меньше уровня 2013 года – объем экспорта на 14,16 %, а объем импорта на 29,18 %.

В 2019–2020 годах вновь наблюдается сокращение показателей экспортно-импортных операций, с последующим ростом их объемов по итогам 3 квартала 2021 года (до 146,25 млрд долл. США по экспортным операциям и до 98,95 млрд долл. США по операциям импорта). По итогам 3 квартала 2022 года стоимостной объем экспорта товаров и услуг вырос на 4,62 % в связи с благоприятной ценовой конъюнктурой на мировом рынке, в то время как стоимостной объем импорта товаров и услуг в условиях новых санкций сократился на 14,49 % (в большей степени связано это было с запретом на поставки в Россию высокотехнологичной продукции США, странами ЕС, Канадой, Новой Зеландией, Японией, Южной Кореей, Тайванем; уходом с российского рынка ряда зарубежных фирм; сокращением грузоперевозок, проблем с логистикой⁴).

Изменились показатели внешней торговли с десятью крупнейшими странами-импортерами, с которыми в досанкционном году Россия имела наиболее развитые торговые отношения (таблица 2).

Таблица 2 – Оценка изменения торговых отношений России с десятью основными странами-импортерами в 2013–2021 гг. (данные за 2022 год отсутствуют)⁵

Страна-импортер	Значение, млн долл. США		Темп прироста, 2021/2013, %	Изменение места в структуре импорта России, 2021 к 2013
	2013 год	2021 год		
КНР	53 065,4	72 699,9	37,00	1–1
Германия	37 915,9	27 361,9	–27,84	2–2
США	16 538,3	16 872,2	2,02	3–3
Украина	15 794,0	4156,3	–73,68	4–10
Италия	14 555,5	12 034,1	–17,32	5–6
Беларусь	13 959,3	15 636,6	12,02	6–4
Япония	13 564,7	9127,4	–32,71	7–7
Франция	13 012,4	12 209,1	–6,17	8–5
Польша	8325,8	5809,8	–30,22	9–8
Великобритания	8115,2	4455,4	–45,10	10–9

Анализ данных, представленных в таблице 2, показал, что тройка стран-лидеров по импорту в Россию (КНР, Германия, США) является устойчивой и не изменилась за изучаемый период.

Однако Германия и США сократили импортные поставки в Россию, в то время как торговые связи с КНР, напротив, лишь укрепилась. Кроме того, улучшились экономические отношения с Беларусью. А вот экономические отношения России с Украиной серьезно пострадали (объем импорта сократился практически в четыре раза), что неудивительно, учитывая сложившиеся обстоятельства. Значительно ухудшились также импортные отношения с Великобританией (сокращение объемов импорта на

³ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

⁴ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

⁵ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

45,10 %), Японией (сокращение объемов импорта на 32,71 %), Польшей (сокращение объемов импорта на 30,22 %), Германией (сокращение объемов импорта на 27,84 %), а также Италией (сокращение объемов импорта на 17,32 %).

Также введенные санкции вызвали усиление изменчивости на валютном рынке [6; 7]. Санкционные ограничения привели к сокращению инвестиционной активности иностранных инвесторов (рисунок 3).

Рисунок 3 – Динамика объема инвестиций в российскую коммерческую недвижимость и доли иностранного капитала за 2013–2022 гг. (данные за 2022 год – по итогу 1 полугодия)⁶

Как следует из представленных на рисунке 3 данных, доля иностранных инвестиций в российскую недвижимость резко сократилась в 2015–2016 годах (на 18,9 п.п. в 2015 году и затем еще на 7,7 п.п. в 2016 году). В 2017 году ситуация с иностранными инвестициями практически не изменилась: их доля в общем объеме составила 12,9 %. В 2018–2019 годах интерес иностранных инвесторов к российской недвижимости вновь начинает расти: доля иностранных капиталовложений составляет 19,9 % и 19,3 % соответственно. Вместе с тем в 2020 году наблюдается их резкий спад – до 6,2 %, затем в 2021 году – до 3,3 %, а по итогу 1 полугодия 2022 года – до рекордных 1,8 %.

Таким образом, за девять лет активных санкционных войн российская экономика в значительной степени приспособилась к существованию в рамках частичной изоляции. Несмотря на прогнозы, которые звучали со стороны Запада, российская экономика не разрушилась, но, безусловно, введенные ограничения не могли не нанести ей серьезный ущерб.

Перспективы развития экономики России в условиях санкций

Перспективные направления развития российской экономики в условиях нового санкционного давления на среднесрочную перспективу определены в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов»⁷. Разработаны и предложены три сценария развития экономики России в период 2023–2025 годов – базовый и два альтернативных.

Согласно базовому сценарию, предполагается, что дальнейшее развитие мировой и отечественной экономики будет продолжаться по заданным в 2022 году трендам. Данный сценарий рассчитан на основании прогнозируемого сохранения в среднесрочном периоде со стороны недружественных стран ограничений на российские экспортно-импортные операции, а также на сотрудничество в сфере технологий [2; 7]. Предполагается ежегодное сокращение цены на нефть: в 2023 году – 70 US\$ за баррель; в 2024 году – 60 US\$ за баррель, а в 2025 году – 55 US\$ за 1 баррель нефти марки Urals. Что касается цены на природный газ, постепенно она должна выровняться от завышенной в текущем году до стабильной в последующей трехлетке [8].

⁶ Аналитический обзор Knight Frank Research об объемах инвестиций в российскую недвижимость. – URL: https://rgud.ru/documents/2022_07_14_knight_frank_investment_H1.pdf (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

⁷ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

Согласно расчетам, произойдет уменьшение стоимостных объемов экспорта, связанного с сокращением стоимости экспортируемой продукции, а также с воздействием санкционной политики на ее фактические объемы. Одновременно с этим будет происходить восстановление стоимостного объема импорта (после его уменьшения в текущем году). При этом следует заметить, что способствовать данному восстановлению будут формирование новых механизмов страхования и финансирования, налаживание процессов логистики, торгового сотрудничества с новыми партнерами, а также наращивание оборотов уже запущенного в текущем году механизма параллельного импорта [9].

К концу 2022 года объем ВВП России уменьшится относительно уровня 2021 года в пределах 3–3,5 %. В 2023 году сокращение ВВП продолжится – еще на 1–4 %. В 2024 году, в свою очередь, ожидается рост данного показателя до 1,5 % с последующим закреплением положительного тренда и в 2025 году (объем ВВП по итогам года увеличится на 1,5–2,5 %) [8].

Следует обратить внимание на темпы инфляции. По итогам 2022 года уровень инфляции составит порядка 12–13 %. В то же время в 2023 году ожидается замедление ее темпов до 5,0–7,0 %, а по итогам 2024 года – выравнивание до установленного Банком России таргета в 4 %, который в 2025 году не должен превышать. На такую положительную динамику инфляционных процессов в стране окажут воздействие следующие факторы: структурная перестройка отечественной экономики, отложенный эффект проведенной частичной мобилизации [9].

В ближайшие два года в связи с воздействием санкционной политики США и ряда европейских стран произойдет уменьшение физических объемов экспортно-импортных операций. По итогам 2022 года данное сокращение будет значительным: экспорт – в пределах 15–16 %, а импорт – в диапазоне 22,5–23,5 %. В 2023 году объемы экспортируемых товаров/услуг вновь сократятся – на этот раз на 7,5–11,5 %, в свою очередь, сокращение физических объемов импорта в этом периоде уменьшит темпы; более того, по итогам года прогнозируется рост его фактического объема (но не более 0,5 %). В 2024 году ожидается замедление уменьшения фактического объема экспорта (в пределах 1–3 %), тогда же объемы импортируемых товаров вырастут на 3–5 %. В крайнем прогнозном году – 2025 – возможно незначительное (не более 2 %) увеличение объемов экспорта (что будет связано с восстановлением экспорта товаров нефтяного сектора, а также услуг) при одновременном росте импорта в пределах 1–3 % [7].

Что касается такого показателя, как изменение расходов на потребление домохозяйств, то в текущем году, согласно проведенных расчетов, их совокупный объем должен уменьшиться на 3–3,5 %. В 2023 году сокращение составит в пределах 3 %. Связана такая динамика с приспособлением домохозяйств к новым реалиям (в условиях неопределенности население в большей степени придерживается политики накопления сбережений, а не их траты). В 2024 году ожидается рост данного показателя, темп его составит около 3,5–4,5 %, с последующим увеличением в 2025 году еще на 1,5–2,5 %⁸.

Второй из представленных сценариев – «Ускоренная адаптация», он разработан с учетом влияния тех же факторов, что и базовый, при этом предполагает, как следует из названия, адаптацию к новым реалиям и избежание масштабной рецессии. При этом цена на нефть и геополитическая обстановка в целом аналогичны тем, что в базовом сценарии.

Согласно данному сценарию, предполагается, что формирование стоимостных объемов экспорта будет иметь большее значение, чем в базовом прогнозе, что возможно в связи с незначительным, но все-таки налаживанием логистических и транзитных процессов, более быстрым поиском новых партнеров, более ускоренным развитием механизма параллельного импорта [8]. Ключевым толчком должно выступить ускоренное оживление внутреннего спроса. На наш взгляд, новые экономические связи с дружественными странами будут способствовать более ускоренному восстановлению отечественной экономики, уже в конце 2023 года будет виден результат в виде незначительного, но все-таки роста ВВП. Развитие параллельного импорта поспособствует наполнению рынка как ранее известными российскому потребителю, так и новыми товарами; компенсация недостатка предложения в анализируемом прогнозе произойдет значительно быстрее, чем в базовом.

Несомненно, все эти факторы окажут положительное воздействие на темпы инфляции российской экономики. Нам представляется, что уже в конце 2023 года ее уровень достигнет установленного

⁸ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

Банком России таргета, при этом применение жестких мер денежно-кредитной политики не потребуются. В последующие два года темпы инфляции будут оставаться вблизи целевых значений.

Динамика темпов ВВП в сценарии «Ускоренная адаптация» будет выглядеть следующим образом: сокращение в 2023 году в пределах 2 % с последующим ростом в 2024 году до 2,5–3,5 % и 2–3 % в 2025 году.

Фактические объемы экспортируемых товаров/услуг по итогам текущего года уменьшатся на 15–16 %, в 2023 – на 1,5–5 %, лишь в 2024–2025 годах ожидается небольшой прирост (но не более 0,5–3 % ежегодно). Аналогичная ситуация в 2022 году обстоит с фактическим объемом импортируемых товаров/услуг: показатель сократится на 22,5–23,5 %; в дальнейшем объемы импорта растут: в 2023 году – на 7–11 %, в 2024 году и 2025 году – на 11–13 % и 3–5 % соответственно⁹.

Третий прогноз – «Глобальный кризис», он основан на гипотезе об ухудшении экономического развития страны в связи с влиянием сразу двух факторов, которые усиливают друг друга. Предполагается значительное ухудшение мировой экономики (имеется в виду в сравнении с базовым прогнозом); ухудшение геополитической обстановки, усиление антироссийской санкционной политики западными странами (в т.ч. введение дополнительных ограничений на экспортируемые Россией товары и услуги). Согласно мнению экспертов, стоимость 1 барреля нефти Urals значительно уменьшится, в сравнении с базовым прогнозом, и составит 35 US\$ в последующие два года с небольшим увеличением в 2025 году (до 40 US\$).

Все вышеуказанные факторы значительно повлияют на структурные преобразования в российской экономике, усложнят ее адаптацию к новым санкционным реалиям. В этой связи сокращение объемов ВВП продолжится в 2023–2024 годах. Рост показателя при таких условиях может произойти только по итогам 2025 года (но он будет незначительным – не больше 1 %).

Инфляционные процессы в стране в рамках данного прогноза будут выглядеть следующим образом: рост темпов до 13–16 % в 2023 году (в связи с девальвацией отечественной валюты и недостаточным предложением на рынке товаров и услуг). Лишь к окончанию 2025 года предполагается снижение темпов инфляции до целевых ориентиров.

Фактические объемы экспортируемых товаров/услуг по итогам текущего года уменьшатся на 15–16 %, в 2023 – на 26,5–30,5 %, в 2024 году – еще на 14–16 %, лишь в 2025 году ожидается небольшой прирост, но не больше 1 %. Аналогично, ожидается уменьшение фактических объемов импортируемых товаров/услуг: по итогам текущего года – в пределах 22,5–23,5 %, по итогам 2023 года еще больше – на 28,5–32,5 %, в 2024 году еще на 17,5–19,5 %, лишь в 2025 году прогнозируется его прирост, но не более 0,5–2,5 %¹⁰.

Таким образом, развитие экономики страны в условиях санкций, к сожалению, возможно только по одному из трех предложенных сценариев. Выбор должен быть сделан согласно изменению экономической ситуации и состоянию экономики России на современном этапе развития. На наш взгляд, наиболее вероятен базовый вариант, так как дальнейшее развитие мировой и отечественной экономики, по всей видимости, будет продолжаться по заданным в 2022 году трендам. Будут сохранены ограничения на российские экспортно-импортные операции, снижен объем сотрудничества в сфере технологий, предполагается ежегодное сокращение цены на нефть [5]. Однако необходим рост стоимостных объемов экспорта, налаживание логистических и транзитных процессов, более быстрый поиск новых партнеров, ускоренное развитие механизма параллельного импорта. Ключевым толчком должно выступить ускоренное оживление внутреннего спроса. Новые экономические связи с дружественными странами будут способствовать восстановлению отечественной экономики. Развитие параллельного импорта будет способствовать наполнению рынка как ранее известными российскому потребителю, так и новыми товарами; компенсация недостатка предложения в анализируемом прогнозе произойдет значительно быстрее, чем в базовом.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования необходимо отметить, что на протяжении девяти лет (начиная с 2014 года) Россия находится под влиянием санкций, введенных рядом стран

⁹ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Официальный сайт Банка России. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст: электронный.

Европы и США. Последствия антироссийских санкций серьезно отражаются на всех сферах общественной жизни страны. Так, например, санкционное воздействие на экономику страны отразилось на сокращении объема ВВП, росте инфляции, сокращении объема импорта, сокращении объемов внешней торговли России. Необходимо отметить, что российская экономика в значительной степени приспособилась к существованию в рамках частичной изоляции и, несмотря на прогнозы, которые звучали со стороны Запада, не разрушилась.

Дальнейшее развитие экономики страны в условиях антироссийских санкций возможно по одному из трех сценариев: базовому (наиболее вероятному), сценарию под названием «Глобальный кризис» (предполагающему заметное ухудшение внешних экономических и геополитических условий), и сценарию «Ускоренная адаптация» (предполагающему более быструю адаптацию российской экономики).

Проанализировав перспективы развития экономики страны в условиях продолжающихся антироссийских санкций, авторами предложен интегрированный сценарий, включающий в себя наиболее вероятный базовый вариант (так как дальнейшее развитие мировой и отечественной экономики, по всей видимости, будет продолжаться по заданным в 2022 году трендам) с элементами ускоренной адаптации к современным реалиям развития российской экономики. На наш взгляд, предложенное направление развития российской экономики может быть использовано для разработки механизма новой государственной политики противодействия антироссийским санкциям.

Список литературы

1. *Амирова С.А.* Экономические санкции: теоретические и исторические аспекты // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 4. – С. 138–143.
2. *Фонарева Е.Д.* Влияние экономических санкций // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции ученых, специалистов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов (г. Нижний Новгород, 25–27 мая 2022 г.). – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева, 2022. – С. 347–349.
3. *Алиев Р.З.* Цели и особенности экономических санкций в международном праве // Проблемы и перспективы реализации междисциплинарных исследований: сборник научных трудов. – Ижевск: Агентство международных исследований, 2021. – С. 77–80.
4. *Кроливецкая В.Э., Кроливецкая Л.П.* Антироссийские санкции в 2022 году и ответная реакция на них // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2022: сборник научных трудов. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. – С. 312–314.
5. *Гутман С.С., Кадзаева В.В.* Теоретические подходы к изучению экономических санкций // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2022. – № 4 (28). – С. 31–35.
6. *Долматова В.Ю., Безуглова М.Н., Салман О.Ф.* Влияние антироссийских санкций на экономику Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 130–134.
7. *Еремина А.Е.* Экономические санкции: понятие, типология, особенности // Постсоветский материк. – 2019. – № 4 (24). – С. 78–93.
8. *Казанцев С.В.* Влияние антироссийских санкций на экономическое развитие Российской Федерации // Развитие и безопасность. – 2022. – № 1 (5). – С. 34–43.
9. *Сеитбелялова А.Т.* Влияние экономических санкций на экономику России // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сборник научных трудов. – Симферополь: Изд-во Типография «Ариал», 2021. – С. 588–591.

References

1. *Amirova S.A.* Ekonomicheskie sankcii: teoreticheskie i istoricheskie aspekty // Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva. – 2022. – № 4. – S. 138–143.
2. *Fonareva E.D.* Vliyanie ekonomicheskikh sankcij // Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i perspektivy: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii uchenyh, specialistov, prepodavatelej vuzov, aspirantov, studentov (g. Nizhnij Novgorod, 25–27 maya 2022 g.). – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni R.E. Alekseeva, 2022. – S. 347–349.

3. *Aliev R.Z.* Celi i osobennosti ekonomicheskikh sankcij v mezhdunarodnom prave // Problemy i perspektivy realizacii mezhdisciplinarnyh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov. – Izhevsk: Agentstvo mezhdunarodnyh issledovanij, 2021. – S. 77–80.
4. *Kroliveckaya V.E., Kroliveckaya L.P.* Antirossijskie sankcii v 2022 godu i otvetnaya reakciya na nih // Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskie chteniya-2022: sbornik nauchnyh trudov. – Gatchina: Gosudarstvennyj institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologij, 2022. – S. 312–314.
5. *Gutman S.S., Kadzaeva V.V.* Teoreticheskie podhody k izucheniyu ekonomicheskikh sankcij // Nauchnyj vestnik YUzhnogo instituta menedzhmenta. – 2022. – № 4 (28). – S. 31–35.
6. *Dolmatova V.Yu., Bezuglova M.N., Salman O.F.* Vliyanie antirossijskikh sankcij na ekonomiku Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2022. – № 2. – S. 130–134.
7. *Eremina A.E.* Ekonomicheskie sankcii: ponyatie, tipologiya, osobennosti // Postsovetskij materik. – 2019. – № 4 (24). – S. 78–93.
8. *Kazancev S.V.* Vliyanie antirossijskikh sankcij na ekonomicheskoe razvitie Rossijskoj Federacii // Razvitie i bezopasnost'. – 2022. – № 1 (5). – S. 34–43.
9. *Seitbelyalova A.T.* Vliyanie ekonomicheskikh sankcij na ekonomiku Rossii // Nacional'nye ekonomicheskie sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva: sbornik nauchnyh trudov. – Simferopol': Izd-vo Tipografiya «Arial», 2021. – S. 588–591.

ОНТОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Салихов Борис Варисович^{1,2},
д-р экон. наук, профессор,
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru,

Салихова Ирина Сергеевна^{1,3},
д-р экон. наук, профессор,
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru,

¹Институт проблем рынка Российской академии наук, г. Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

³Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Цель статьи заключается в выявлении сущности интеллектуального капитала как специфического фактора созидательной деятельности экономических агентов в современном хозяйстве. Методологическим основанием исследования является системный подход к поиску качественной определенности феномена «интеллектуального», а также диалектическая взаимосвязь объективного и субъективного в анализе современной экономики. Предложены следующие результаты проведенного логико-гносеологического анализа, содержащие элементы научной новизны: во-первых, определена сущность интеллекта как нравственно-мыслительной формы человеческого разума; во-вторых, отмечены важнейшие аспекты критического нарастания сложности в современной экономике, что предопределяет актуализацию духовно-нравственной формы человеческого капитала при соответствующем «трансфере» действующей научной парадигмы; в-третьих, разработана трактовка сущности интеллектуального капитала как системного фактора созидательной деятельности в рамках требований принципов гуманизма, добра и справедливости. Научно-практическое значение ключевых положений статьи состоит в императиве расширенного воспроизводства интеллектуальной формы современного человеческого капитала как факторной основы духовно-нравственного вектора социально-экономического развития.

Ключевые слова: интеллект, нарастание сложности, интеллектуальный капитал, нравственность, фактор творчески-трудового созидания

ONTOLOGY OF INTELLECTUAL CAPITAL AS A BASIS FOR THE CREATIVE ACTIVITY OF ECONOMIC AGENTS IN THE MODERN ECONOMY

Salikhov B.V.^{1,2},
doctor of economic sciences, professor,
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru,

Salikhova I.S.^{1,3},
doctor of economic sciences, professor,
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru,

¹Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³Moscow Witte University, Moscow, Russia

The purpose of the article is to identify the essence of intellectual capital as a specific factor in the creative activity of economic agents in the modern economy. The methodological basis of the study is a systematic ap-

proach to the search for the qualitative certainty of the “intellectual” phenomenon, as well as the dialectical relationship between the objective and the subjective in the analysis of modern economics. The following results of the conducted logical-epistemological analysis, containing elements of scientific novelty, are proposed: first, the essence of the intellect is defined as a moral and mental form of the human mind; second, the most important aspects of the critical increase in complexity in the modern economy are noted, which predetermines the actualization of the spiritual and moral form of human capital with the corresponding “transfer” of the current scientific paradigm; third, an interpretation of the essence of intellectual capital as a systemic factor of creative activity has been developed within the framework of the requirements of the principles of humanism, goodness and justice. The scientific and practical significance of the key provisions of the article consists in the imperative of expanded reproduction of the intellectual form of modern human capital as a factor basis of the spiritual and moral vector of socio-economic development.

Keywords: intelligence, increasing complexity, intellectual capital, morality, factor of creative and labor creation

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-16-24

Введение

Известно, что дискуссия об интеллектуальном капитале является достаточно интенсивной, что вполне позволяет считать данную проблему актуальной в современной экономической науке. При этом исследователи не только раскрывают качественную целостность данного феномена [1] и выявляют его сущность, но также характеризуют практику применения интеллектуального капитала в хозяйственной действительности [2], подчеркивая важнейшую его роль в обеспечении конкурентоспособности современных предприятий [3]. Между тем, многие положения теории интеллектуального капитала и практики его применения остаются спорными и требуют дополнительных исследовательских усилий. В связи с этим, авторами данной статьи ранее уже обосновывался деонтологический (антисущностный, «видимостный») характер бытующих определений сущности рассматриваемого капитала [4], а также не отрицалась абстрактная возможность появления интеллектуальной формы человеческого капитала, если для этого появятся объективные основания [5]. Также было показано, что при отождествлении таких понятий, как «разум» и «интеллект», нет научно-практического смысла искать отличие интеллектуального капитала от человеческого капитала как такового; в данном случае, явление «интеллектуальное» есть явление «умственное», и наоборот.

Авторами было отмечено, что интеллектуальная форма (единичное) человеческого капитала (особенное), отражающего как таковое человеческое бытие (общее), возможна при двух взаимосвязанных обстоятельствах. Во-первых, если будет обнаружено реальное различие между «разумом» и «интеллектом» человека, то есть будет доказано онтологическое своеобразие каждого явления. Во-вторых, если удастся выявить объективную потребность в практическом применении феномена «интеллектуального», что представляется вполне возможным в условиях перманентного нарастания сложности в рамках современной социально-экономической действительности. При этом открытыми могут оставаться вопросы, связанные не только с прежней характеристикой индивидуального и общественного воспроизводства, но и с качественно-смысловым наполнением действующей научной парадигмы исследования современных факторов производства.

В свете сказанного, гипотетический ракурс данного исследования заключается в научном предположении о самостоятельной бытийности интеллектуального капитала как специфического фактора современной экономики, как закономерного результата новых форм взаимодействия людей при критическом нарастании сложности в системе хозяйственной действительности. При целевой функции, связанной с выявлением сущности интеллектуального капитала, конкретными задачами исследования являются: поиск онтологии интеллекта и явления «интеллектуального» в человеческой деятельности; характеристика критических элементов, определяющих императив «вызова к жизни» именно интеллектуальных знаний человека; разработка трактовки сущности интеллектуального капитала как фактора создания релевантных (именно интеллектуальных) экономических благ.

Характеристика интеллекта как духовно-нравственной ценности

Известно, что современные исследователи интеллектуального капитала исходят из тождественности феноменов «разума», «мышления» и «интеллекта». Это, как отмечалось, делает бессмысленным разграничение человеческого и интеллектуального капитала [4; 5]. Существует, однако, и другой подход к пониманию интеллекта и, следовательно, всего многообразия интеллектуальных явлений. Этот подход основан на понимании *специфики интеллекта* как вполне определенной, именно наиболее прогрессивной и созидательной формы человеческого мышления. Очевидно, что здесь имеет место система неявного знания самого высокого уровня, отражающего высшие смыслы творчески-трудового бытия человека. Если в традиционном плане экономический рационализм (рациональное мышление «человека экономического») характеризуется выбором в пользу *денежной доходности*, то резонно полагать, что наступило время делать выбор в пользу *истинной созидательности* при одновременном превращении рационально мыслящего экономического агента в «человека нравственно-экономического». В такой постановке вопроса есть резон, поскольку рационализм денежной доходности в экономике все в большей степени характеризуется иррационализмом в жизни и деятельности как таковой.

Анализ релевантной литературы позволяет сделать вывод о том, что отождествление разума, мышления и интеллекта является не только методологической «грубостью», но и собственно лингвистическим казусом. В словаре *живого великорусского языка* понятия «интеллектуальный» и «интеллигентный» В.И. Даль не отождествляет, но понимает как одноуровневые. При этом, феномен «интеллектуального» здесь трактуется и раскрывается как «духовный, умственный, разумный» в противопоставлении «вещественному, плотскому, телесному, чувственному», а интеллигенция характеризуется как «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»¹. Здесь важно обратить внимание на *духовное качество* интеллигентного и интеллектуального, что вполне соответствует «первой позиции» в понимании человека как *сущего всеединого*, где духовность является безусловным приоритетом в качественной целостности человека как такового². Из сказанного следует, что феномен «интеллекта» не должен рассматриваться в отрыве от явления «духовного» в человеческой деятельности, и именно это обстоятельство имеет существенное теоретическое и научно-практическое значение.

Некоторые современные исследователи, анализируя процесс формирования и развития интеллекта, увязывают его *отнюдь не с любой умственной деятельностью человека, а только с определенным ее качеством*. В частности, А.К. Казьмин критическим признаком интеллекта считает «мышление, формирующее один из самых ... существенных факторов общественной жизни и существования человека – нравственность» [6, с. 42, 43]. Далее исследователь подчеркивает, что «“умный”, “умнейший” и другие словообразования от корня “ум” ... остаются правомерными и достаточными применительно к людям, обладающим такими качествами. Однако употребление слова “интеллект” в качестве синонима вышеперечисленных способностей человека вряд ли справедливо, так как, несмотря на то, что “умственный потенциал” участвует в интеллектуальном процессе, окончательный результат этого процесса характеризует совсем иные качества человека. Поэтому гений ума может быть образцом выдающихся способностей, а будет ли он при этом носителем высоких моральных качеств – это еще не гарантировано» [6, с. 45].

Исследователь В.С. Цаплин непосредственно увязывает человеческий интеллект с так называемым *полноценным мышлением*, которое характеризуется «критическим отношением к стереотипам мышления и поведения, способностью к глубокому абстрагированию, сложным ассоциативным связям, индивидуальным разнообразием, альтруизмом и гуманизмом и предполагает целью развития ... создание единой цивилизации, все члены которой были бы избавлены от необходимости борьбы за выживание» [7, с. 174, 175]. В предложенной цитате четко отражен императив *гуманистического (по сути, духовно-нравственного) качества полноценного, именно интеллектуального мышления*, что априори предполагает высокий и постоянно растущий уровень абстрагирования, сущностное понимание причин всего происходящего, причем в русле становления релевантной интеллектуальной цивилизации, где истинной ценностью будет человек.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Т. 2. – С. 41.

² Соловьев В. Философское начало цельного знания. – Минск: Харвест, 1999. – С. 805, 806.

Таким образом, истинный разум человека, *принимаящий форму интеллекта*, призван осуществлять генерацию таких знаний, применение которых априори «не способно» привести к негативным социально-экономическим последствиям. В связи с этим, интеллект представляет собой такие мыслительные способности человека, которые воссоздают неявные знания субъекта, осуществляющего творчески-трудовую деятельность в его же созданных рамках высокого духа и нравственности, добра и справедливости. *Интеллект есть высшая форма разума и мышления человека, нацеленная на воссоздание прогрессивных, гуманистически ориентированных, духовно-нравственных знаний и других релевантных ценностей.* Очевидно, что интеллект представляет собой качественно новую, планетарно-разумную форму мыслительных и когнитивных способностей человека.

Духовно-нравственное содержание интеллекта есть рефлексия *имманентного единства высшей формы разума человека с естественно-разумным качеством самой природы.* Если умственная деятельность человека нарушает равновесие человека и природы (в данном случае человек становится «выше» либо «за пределами» естественного «разума» природы), то такая деятельность априори не может считаться интеллектуальной; здесь есть ум, но нет интеллекта. Человеческий интеллект есть «активно-критическая» часть «естественного разума» природы, и именно в этом качестве интеллект определяется как нравственно-разумная, прогрессивно-созидательная сила человеческого мышления и творческого познания. Примерная характеристика качественной целостности интеллекта представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Общая характеристика интеллекта как нравственной формы человеческого разума и мышления³

Форма мышления	Качество мышления	Содержание интеллектуального качества разума и мышления
Интеллект	Интеллектуальное (полноценное) мышление	1. Мышление, способное различать «добро» и «зло», то есть духовно-нравственное качество разума
		2. Гуманистически и созидательно нацеленное мышление; исходит из понимания человека как высшей и безусловной ценности
		3. Мышление, способное «уравновесить» свободу и необходимость в понимании любых жизненных, в том числе экономических, ситуаций
		4. Мышление, способное «объять необъятное», поскольку обладает самым высоким порогом абстрагирования; сущностный характер мышления
		5. Обладает, одновременно, способностью к логическому (каузальному) и креативному (эвристическому) анализу действительности
		6. Является социоиндивидуальным, то есть способно органически сочетать в себе личностное и общественное качество жизни
		7. Альтруистическое, милосердное мышление, характеризующееся «благоговением перед самой жизнью» и др.

Характеристика интеллекта как духовно-нравственной, прогрессивно нацеленной формы человеческого разума и мышления обосновывает бесперспективность каких-либо попыток создать некую искусственную форму человеческого интеллекта. Все подобные попытки фальсифицируются ясным пониманием того, что *творчество человека не может быть выше творчества природы*, но именно интеллект и является высшим творением природы. Другими словами, человеку дано многое в этой жизни, кроме одного: *он никогда не сможет превзойти самого себя; ему это не дано самой природой.* В связи с этим, «до создания искусственного интеллекта ... современному человечеству так же далеко, как и во времена динозавров. Поэтому речь может идти лишь о попытках *моделирования*, причем довольно грубого, некоторых простейших *проявлений* неизвестно как протекающих реальных интеллектуальных процессов» [7, с. 118].

Показанные в таблице 1 элементы *нравственной, именно интеллектуальной формы* разума и мышления всегда имели место в деятельности человека, однако, как показывает практика, находились они в латентном состоянии и не всегда проявляли себя открыто. Это зависело от того, насколько они были востребованы самим характером и целями творчески-трудовой деятельности экономических агентов. В свете сказанного резонно предположить, что дискуссия об интеллектуальном капитале не является случайной, а предопределяется релевантной потребностью в «проявлениях» именно интел-

³ Составлено авторами.

лектуальной и полноценной формы человеческого разума. Очевидно, что эти потребности определяются все более усложняющейся объективной действительностью.

Нарастание сложности как интегральная потребность в релевантной интеллектуальной рефлексии

Основной предпосылкой данного этапа исследования является положение о том, что именно нарастание сложности представляется интегральным условием «вызова к жизни» интеллектуальной формы человеческого разума. Феномен нарастания сложности непосредственно связан с системами, характеризующимися множеством «простых» элементов, а также динамическим и нелинейно-стохастическим их взаимодействием при активном обмене энергией, веществами и знаниями. Свойством таких систем является также растущее многообразие каузальных прямых и обратных связей, а также неравновесное их состояние при открытости внешнему миру. Данные системы обладают качеством эмерджентности и способностью к самоорганизации при высоком уровне адаптации к изменениям внутренних и внешних условий и т.д.

Применительно к общественной и социально-экономической действительности, *качественная целостность* феномена нарастания сложности заключается в закономерном процессе расширения и углубления противоречивого пространства жизни и деятельности человека. Таким образом, *интегральной причиной нарастания сложности* является, во-первых, сам человек и человеческое сообщество как сложноорганизованные и постоянно усложняющиеся системы и, во-вторых, результаты их творчески-трудо­вой деятельности. При этом «уровень образования может быть результатом, а не причиной усложнения: открытие более сложных производств увеличивает спрос на человеческий капитал, а это приводит к росту среднего уровня образования» [8, с. 47]. Главное заключается в том, что, если человек, руководствуясь интеллектуальной формой разума, *усложняет себя и окружающий мир в режиме творчески-трудо­вого созидания*, тогда осуществляется прогрессивная, гуманистически ориентированная и духовно-нравственная форма нарастания сложности с релевантным типом культуры и цивилизационной идентичности.

Если же аналогичное усложнение осуществляется в условиях экономического разрушения (консюмеризм, разрушение среды обитания, углубление неравенства и др.), тогда закономерно формируется бездуховная, деструктивная и антигуманистическая форма нарастания сложности. Важно отметить, что с точки зрения проблемы нарастания сложности, «внутренний мир индивидов – экономических агентов, их субъективные представления о внешней среде, знания о самих себе и других индивидах и т.п. – оставался за пределами экономического анализа» [9, с. 9]. Человек, с одной стороны, оказался за пределами предметного «поля» общей проблемы нарастания сложности; с другой стороны, именно он возомнил себя «всемогущим демиургом», способным «изменить мир» по своему желанию. Между тем, обретя невиданное могущество, человек до сих пор понятия не имеет, как им правильно распорядиться, становясь при этом все более безответственным. Но «что может быть опаснее, чем разочарованные, безответственные боги, так и не осознавшие, чего они хотят» [10, с. 501].

В современных условиях усиливается деструктивная форма нарастания сложности, разрушающая человека, общество, экономику и природу. Это проявляется во многих аспектах общественного бытия. Во-первых, в неуклонном нарастании общецивилизационных проблем, вследствие проваливающейся глобализации, осуществляемой в парадигме «вашингтонского консенсуса» при гипертрофированной финансиализации хозяйственных отношений. При этом неуклонно обостряются противоречия между западными и восточными цивилизационными формами [11]. Рефлексируя мегаобщественные тектонические сдвиги, С. Хантингтон говорит о «столкновении цивилизаций»; он отмечает, что «доминирующие модели политического и экономического развития не одинаковы в разных цивилизациях. Нарастание государственной мощи смещается от давно господствующего Запада к не-западным цивилизациям» [12, с. 26]. Обеспечение созидательного вектора развития в результате названных столкновений требует именно интеллектуального мышления.

Применительно к нашей стране, «столкновение цивилизаций» проявляется в угрозе национальной безопасности, связанной с реальностью утраты геосоциальной, геоэкономической и социокультурной

идентичности как результат следования рецептам МВФ. Как оказалось, западные ценности приводят к деструкции нашего культурного «кода», причем без замены на релевантные социокультурные инновации⁴. Это обстоятельство должно нацеливать отечественную креативную и правящую элиту на релевантный *интеллектуальный анализ ситуации* с целью разработки качественно новой, созидательно ориентированной парадигмы цивилизационной (геоэкономической и геосоциальной) безопасности России и ее регионов.

Во-вторых, деструктивная форма нарастания сложности напрямую связана с ускоренной актуализацией экологических проблем, характеризуемой возрастанием антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих не только воспроизводству природных ресурсов, но и жизни людей. Прогрессирующее изменение климата приводит к участвующимся природным катаклизмам в разных регионах нашей и других стран. При этом огромные природные богатства России не должны «консервировать» рентоориентированный менталитет наших соотечественников, а быть предметом именно *интеллектуального подхода к проблеме*. Это актуализируется еще тем, что именно с 2012 года в отечественной экономике чистые накопления стали величиной отрицательной, а истощение природных ресурсов составило 14,5 % от ВВП; при этом доля возобновляемой энергии в общем объеме была 3 %, тогда как в «нефтегазовой» Норвегии эта доля составляет почти половину [13, с. 151].

В-третьих, системной сложностью предстает снижение эффективности использования традиционных факторов производства, что фиксирует достижение пределов экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации ресурсов. При этом не спасает и цифровизация хозяйства в странах-лидерах, обладающих новыми производственными технологиями. Основная сложность и угроза здесь заключается в проблеме адаптации, например, нашего общества к новым технологиям, в трудности координации государством научной и технологической политики, что постоянно воссоздает дисфункции национальной инновационной системы. Преодолеть низкий уровень совокупной факторной производительности в стране с догоняющей экономикой возможно только на основе «прорывных» когнитивных технологий в рамках полноценного, креативно-интеллектуального мышления.

В-четвертых, в отечественной экономике, как и в большинстве других национальных хозяйств, нарастают социально-экономические проблемы: фиксируется депопуляция коренного населения и связанное с этим его старение; растет отставание от многих стран в росте продолжительности жизни. Существенные недочеты в социально-экономической политике привели к феномену «работающих бедных», формированию «прекариата» (людей, живущих в состоянии неопределенности), отсутствию дееспособного среднего и креативного класса. Особую угрозу представляет деструкция человеческого капитала как функция деградации системы образования, что углубляет архаизацию экономики и ускоряет ее попадание в технологическую «ловушку». Уменьшаются возможности адаптационных практик домохозяйств, постоянно воссоздается зона потребительского риска, сохраняется хроническая бедность при общем невысоком уровне социального самочувствия россиян. Два типа нарастания сложности с характерными формами экономического мышления показаны в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ двух типов нарастания сложности и релевантных форм экономического мышления⁵

Форма экономического мышления	Тип нарастания сложности	Способ рефлексии и профилактики
Монетарно-плутократическое и неполноценное мышление (потребительское отношение человека к самому себе, экономике и природе)	Иррациональный: вызовы, угрозы, растущая неустойчивость, системное разрушение личности, общества и экономики есть следствие неполноценного мышления человека	В рамках действующей, инволюционной парадигмы неоклассики при дальнейшем традиционном понимании человеческого капитала как фактора производства
<i>Интеллектуальное, полноценное и нравственное мышление (созидательное отношение человека к себе и окружающему миру при «благоговении перед жизнью»)</i>	<i>Естественно-рациональный: возникающие сложности носят обычный познавательный, чаще всего, прогнозируемый характер и являются результатом полноценного мышления</i>	<i>Посредством эволюционного обновления парадигмы неоклассики, где интеллектуальный капитал есть фактор творческого созидания</i>

⁴ Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008. – С. 9–63.

⁵ Составлено авторами.

Таким образом, в современной экономике имеет место *иррациональная форма нарастания сложности*, инспирированная антиинтеллектуальной (антигуманистической, антисозидательной) формой экономического мышления, основанного на парадигме «воинствующего индивидуализма». Именно поэтому хозяйственная философия потребительского отношения человека к природе, да и к самой жизни, закономерно привела к системному консьюмеризму и бездуховности. Следовательно, проблема не в том, что в современных условиях расширенно воссоздаются вызовы и угрозы устойчивому развитию. Суть проблемы заключается в неспособности «человека экономического», действующего в парадигме монетарной плутократии, то есть в рамках антиинтеллектуального экономического мышления, адекватно реагировать на эти вызовы и угрозы. Очевидно, сама действительность, характеризуемая иррациональной формой нарастания сложности, «вызывает к жизни» новую, именно интеллектуальную форму экономического мышления и одноименный фактор хозяйственной деятельности, то есть *интеллектуальный капитал*.

Интеллектуальный капитал как фактор творчески-трудового созидания

Как показал краткий анализ иррациональной формы нарастания сложности, ее трансфер в новое, естественно-рациональное качество возможен лишь с помощью интеллектуального мышления, разграничивающего «добро» и «зло», а также способствующего четкому обозначению границ деятельности человека. Системный глобальный кризис, а также нарастающая деструкция самого человека (утилитарно-телесное все больше преобладает над духовно-нравственным) есть *реальные жизненные аргументы в пользу неуклонной актуализации интеллектуальной формы человеческого разума*. В этом случае нарастание сложности вполне может быть еще более интенсивным, чем раньше, только теперь у человека действительно *все будет под контролем его интеллектуального мышления*.

Экономическая «составляющая» интеллекта как созидательной ценности заключается в том, что творческие силы человека здесь используются для воссоздания действительно ценных жизненных благ, обеспечивающих его всестороннее развитие при сохранности равновесия с обществом, экономикой и природой (в этом суть устойчивого развития). Аксиология экономического интеллекта заключается в том, что он является основой для высоконравственного, честного и справедливого хозяйствования, в рамках которого *расширенно воссоздаются сами условия жизни человека на земле и, следовательно, сам человек*. При этом глубинным основанием экономической нравственности и справедливости является безусловный приоритет созидательной формы творчески-трудового способа присвоения благ. Здесь естественным правом собственности на продукт обладает тот, кто данный продукт создал, то есть *созидательно присвоил*.

Таким образом, императив формирования естественно-рационального типа нарастания сложности, а также связанная с этим потребность в экономической нравственности (традиционно понимаемое производство уступает место творчески-трудовому созиданию) закономерно «вызывает к жизни» релевантный экономический фактор, представляющий собой высшую форму человеческого капитала. Таким фактором является *интеллектуальный капитал, определяемый как духовно-нравственная форма человеческого капитала и представляющий собой систему востребованных интеллектуальных знаний, обеспечивающих творчески-трудоую созидательную деятельность в рамках требований принципов гуманизма, добра и справедливости*. Теперь интеллектуальный капитал обретает свою «сущностную плоть» и предстает в качестве реального фактора созидания интеллектуальных благ, целостность которых исключает элементы, препятствующие высокоэффективному поиску человека «пути к самому себе» при сохранении его равновесия с обществом, экономикой и природой.

Заключение

Таким образом, феномен «интеллектуального капитала» более не является «вещью в себе», поскольку получил свое определение и вполне может быть предметом для дальнейшего исследования. При этом важно подчеркнуть, что философское понимание человека как *сущего всеединого* включает в себе новый идеологический и ценностно-смысловой замысел хозяйственной деятельности. В услови-

ях современного нарастания сложности этот новый замысел должен получить именно интеллектуальное качество (гуманистическое, нравственно-созидательное). В рамках действующей научной матрицы «экономизма» (экономика определяет культуру, политику, качество социальных отношений и др.) человек и его знания рассматриваются как обычный, причем затратный фактор производства. Такой концепт сегодня оказывает все более деструктивное влияние на самого человека, развивая в нем чувство экономического «господства» над природой, которая «должна» быть неукоснительно «подчинена» идеологии гедонизма и безграничному потребительству.

Совершенно очевидно, что *парадигма традиционного «экономизма» должна уступить место парадигме интеллектуального «экономического гуманизма», в рамках которой человек предстает, одновременно, в качестве цели, средства и условия высокоэффективной, именно созидательной формы хозяйственной деятельности.* Одновременно с тем, как *производство становится созданием* (производство принимает свою созидательную форму), «методологический индивидуализм» закономерно трансформируется в «методологический социоиндивидуализм», а «человек экономический» становится «человеком нравственно-экономическим». Теперь перед экономической наукой и всем обществоведением открывается путь к новым, экстраординарным формам человеческого познания и творчески-трудового созидания. При этом в научно-практическом смысле императив развития интеллектуальных форм хозяйственной деятельности требует конкретизации требований к системе современного образования, которое в условиях критического нарастания сложности призвано формировать у обучающихся максимальную интеллектуальную широту и гибкость. Человек должен быть уверен, что «объять необъятное» не только можно, но и критически необходимо для блага всей человеческой цивилизации.

Список литературы

1. *Стюарт Томас А.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.
2. *Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л.* Интеллектуальный капитал: практика управления. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – 436 с.
3. *Супрун В.А.* Интеллектуальный капитал: Главный фактор конкурентоспособности в XXI веке. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
4. *Салихов Б.В., Салихова И.С.* Качественная целостность человеческого капитала как основа его новых экономических форм // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2022. – № 4 (43). – С. 7–16. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-4-7-16.
5. *Салихова И.С., Салихов Б.В.* К вопросу о деонтологических трактовках интеллектуального капитала: приглашение к дискуссии // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2022. – № 3 (42). – С. 82–89. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-3-82-89.
6. *Казьмин А.К.* Теория интеллекта: как выбрать президента. – М.: Московские учебники – СиДиПресс, 2001. – 240 с.
7. *Цаплин В.С.* Разумное, но не мыслящее. – М.: Крафт+, 2009. – 352 с.
8. *Любимов И.Л., Оспанова А.Г.* Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. – 2019. – № 2. – С. 36–54.
9. *Тамбовцев В.Л.* Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. – 2020. – № 4. – С. 5–31.
10. *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
11. *Любимов И.Л.* От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // Вопросы экономики. – 2019. – № 11. – С. 108–126.
12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2020. – 640 с.
13. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В.* Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. – 2015. – № 1. – С. 147–160.

References

1. *Styuart Tomas A.* Intellektual'nyj kapital. Novyj istochnik bogatstva organizacii. – М.: Pokolenie, 2007. – 368 s.

2. *Ruus J., Pajk S., Fernstrem L.* Intellektual'nyj kapital: praktika upravleniya. – SPb.: Vysshaya shkola menedzhmenta, 2010. – 436 s.
3. *Suprun V.A.* Intellektual'nyj kapital: Glavnyj faktor konkurentosposobnosti v XXI veke. – M.: KomKniga, 2006. – 192 s.
4. *Salihov B.V., Salihova I.S.* Kachestvennaya celostnost' chelovecheskogo kapitala kak osnova ego novyh ekonomicheskikh form // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie. – 2022. – № 4 (43). – S. 7–16. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-4-7-16.
5. *Salihova I.S., Salihov B.V.* K voprosu o deontologicheskikh traktovkakh intellektual'nogo kapitala: priglashenie k diskussii // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie. – 2022. – № 3 (42). – S. 82-89. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-3-82-89.
6. *Kaz'min A.K.* Teoriya intellekta: kak vybrat' prezidenta. – M.: Moskovskie uchebniki – SiDiPress, 2001. – 240 s.
7. *Caplin V.S.* Razumnoe, no ne myslyashchee. – M.: Kraft+, 2009. – 352 s.
8. *Lyubimov I.L., Ospanova A.G.* Kak sdelat' ekonomiku slozhnee? Poisk prichin uslozhneniya // Voprosy ekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 36–54.
9. *Tambovcev V.L.* Narrativnyj analiz v ekonomicheskoy teorii kak voskhozhdenie k slozhnosti // Voprosy ekonomiki. – 2020. – № 4. – S. 5–31.
10. *Harari Yu.N.* Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva. – M.: Sindbad, 2016. – 520 s.
11. *Lyubimov I.L.* Ot universalizma k individualizmu: novye podhody k resheniyu problem ekonomicheskogo rosta // Voprosy ekonomiki. – 2019. – № 11. – S. 108–126.
12. *Hantington S.* Stolknovenie civilizacij. – M.: AST, 2020. – 640 s.
13. *Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V.* Vyzovy krizisa: kak izmerit' ustojchivost' razvitiya? // Voprosy ekonomiki. – 2015. – № 1. – S. 147–160.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСЛУГАМИ В СИСТЕМЕ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ЛЮДЬМИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Дерен Иванна Ивановна¹,
д-р экон. наук, доцент,
e-mail: deren-ivanna@yandex.ru,

Самофатова Ксения Алексеевна²,
e-mail: kandikaeva@mail.ru,

¹Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Владимир, Россия

²Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Владимир, Россия

Целью статьи является исследование разработки организационно-управленческой модели обеспечения услугами в системе долгосрочного ухода за людьми старшего поколения с учетом регионального опыта (Ставропольский край, Владимирская и Нижегородская области). Предмет исследования – региональный опыт системы долгосрочного ухода за людьми старшего трудоспособного возраста. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в выявлении сильных и слабых сторон, возможностей и угроз системы долгосрочного ухода за людьми пожилого поколения. В статье используются методы анализа, синтеза, статистический, графический метод. В основу проведенного анализа были положены статистические данные Министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края, Министерства социальной политики Нижегородской области, Департамента социальной защиты населения Владимирской области, Федеральной службы государственной статистики, а также научные разработки отечественных теоретиков и практиков по предмету исследования. Авторы по результатам исследования приходят к выводу, что внедрение и распространение системы долгосрочного ухода на региональном уровне является одной из приоритетных и основополагающих задач нашей страны. Поддержка граждан старшего поколения на государственном уровне должна реализовываться посредством развития социальной инфраструктуры, а также повышения доступности и качества предоставляемых социальных услуг по уходу.

Ключевые слова: сфера социального обслуживания, система долгосрочного ухода, услуги, граждане пожилого возраста, регион, организационно-управленческая модель

ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL MODEL OF PROVIDING SERVICES OF LONG-TERM CARE SYSTEM FOR OLDER PEOPLE

Deren I.I.¹,
doctor of economical science, associate professor,
e-mail: deren-ivanna@yandex.ru,

Samofatova K.A.²,
e-mail: kandikaeva@mail.ru,

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia

²Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Stoletovs, Vladimir, Russia

The purpose of writing the article is to develop an organizational and managerial model for providing services in the system of long-term care for older people, taking into account regional experience (Stavropol krai, Vladimir and Nizhny Novgorod oblasts). The subject of the study is the regional experience of the system of long-term care

for people over the working age. The theoretical and practical significance of the study is to identify the strengths and weaknesses, opportunities and threats of the system of long-term care for elderly people. The article uses methods of analysis, synthesis, statistical, graphical method. The analysis was based on statistical data from the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Stavropol Krai, the Ministry of Social Policy of the Nizhny Novgorod Oblast, the Department of Social Protection of the Population of the Vladimir Oblast, the Federal State Statistics Service, as well as scientific developments of domestic theorists and practitioners on the subject of the study. Based on the results of the study, the authors conclude that the introduction and dissemination of a long-term care system at the regional level is one of the priority and fundamental tasks of our country. Support for older citizens at the state level should be implemented through the development of social infrastructure, as well as improving the availability and quality of social care services provided.

Keywords: social services, long-term care system, services, elderly citizens, region, organizational and management model

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-25-34

Введение

На протяжении последних пяти лет система социального обслуживания населения в Российской Федерации претерпела существенные изменения и реформы, особенно в отношении людей старшего поколения. Это обусловлено старением нации, проявляющимся в устойчивом росте численности населения, находящегося в возрасте старше трудоспособного [1; 2].

Всемирная организация здравоохранения в опубликованном в 2016 году докладе «О старении и здоровье», аргументирует, что «в XXI веке ни одна страна не может позволить себе не иметь скоординированную систему долговременного ухода»¹. На территории Российской Федерации в рамках мероприятий федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» в 2018 году была создана система долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами [3].

Анализ отечественных и зарубежных исследований позволил систематизировать существующие предпосылки формирования системы долговременного ухода в рамках четырех групп (рисунок 1).

Рисунок 1 – Предпосылки формирования системы долговременного ухода²

¹ WHO. World Report on Ageing and Health. – Geneva, 2015. – 127 p. – URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789240694811_eng.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

² Составлено авторами на основе [4–7].

Апробация системы долговременного ухода в 2022 году проводится в тридцати четырех регионах Российской Федерации. В каждом из «пилотных» регионов были выделены несколько учреждений социального обслуживания населения [8].

Анализ современного состояния системы долговременного ухода в Ставропольском крае

На начало 2022 года на территории Ставропольского края доля граждан предпенсионного возраста составила 23,1 %, то есть 643,6 тыс. человек, которым в краткосрочной перспективе понадобится долговременный уход³.

В 2019 году Ставропольский край был включен в число пилотных регионов по внедрению системы долговременного ухода за людьми старшего поколения. За время реализации регионального проекта «Старшее поколение» (далее – проект) достигнуты значительные результаты, которые были систематизированы автором в рамках групп обеспечения внедрения системы долговременного ухода на территории Ставропольского края (рисунок 2).

Проект носит межведомственный характер и реализуется благодаря совместной работе Министерства труда и социальной защиты Ставропольского края и Министерства здравоохранения Ставропольского края.

Объем финансового обеспечения регионального проекта «Старшее поколение» за 2021–2024 годы составит 610 448,19 тыс. рублей⁴.

По результатам анализа внедрения системы долговременного ухода в Ставропольском крае был сделан вывод о том, что в настоящий момент идет пересмотр концепции стационарного обслуживания людей старшего поколения, создаются все необходимые условия для улучшения условий их проживания, физического и психологического здоровья, организации досуговой деятельности, повышения качества и доступности социального обслуживания уязвимой категории пожилых граждан.

Анализ развития системы долговременного ухода во Владимирской области

На 01 января 2022 года по данным Росстата численность населения Владимирской области составила 1323,7 тыс. человек, из которых 366,8 тыс. человек – граждане старше трудоспособного возраста⁵. Более 42 тыс. человек на постоянной основе получают социальные услуги, в том числе и по уходу: 30,2 тыс. человек получают срочные социальные услуги, 7,5 тыс. человек обслуживаются в надомной форме, 3,7 тыс. человек проживают в учреждениях стационарного типа, более 1 тыс. человек посещают социально-реабилитационные отделения и группы дневного пребывания⁶.

В 2022 году Владимирская область включена в число пилотных регионов, реализующих проект по созданию системы долговременного ухода за людьми пожилого поколения (рисунок 3).

Анализ развития системы долговременного ухода в Нижегородской области

Численность пожилого населения в Нижегородской области составила на 01 января 2022 года 828,8 тыс. человек (26,3 % от всего населения, проживающего в Нижегородской области)⁷.

³ Численность населения по субъектам Российской Федерации по основным возрастным группам на 1 января 2022 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Паспорт регионального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения (Ставропольский край)». – URL: https://minsoc26.ru/social/Nac_proekt_Demografia/RegProekt_starsee_pokol.pdf (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

⁵ Численность населения по субъектам Российской Федерации по основным возрастным группам на 1 января 2022 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

⁶ Кукушкина Л.Е. Современное общество. Достойный уход и старение. – URL: <https://www.social33.ru/upload/medialibrary/289/Doklad-na-Mezhregionalnoy-konferentsii-09.06.pdf> (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

⁷ Численность населения по субъектам Российской Федерации по основным возрастным группам на 1 января 2022 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

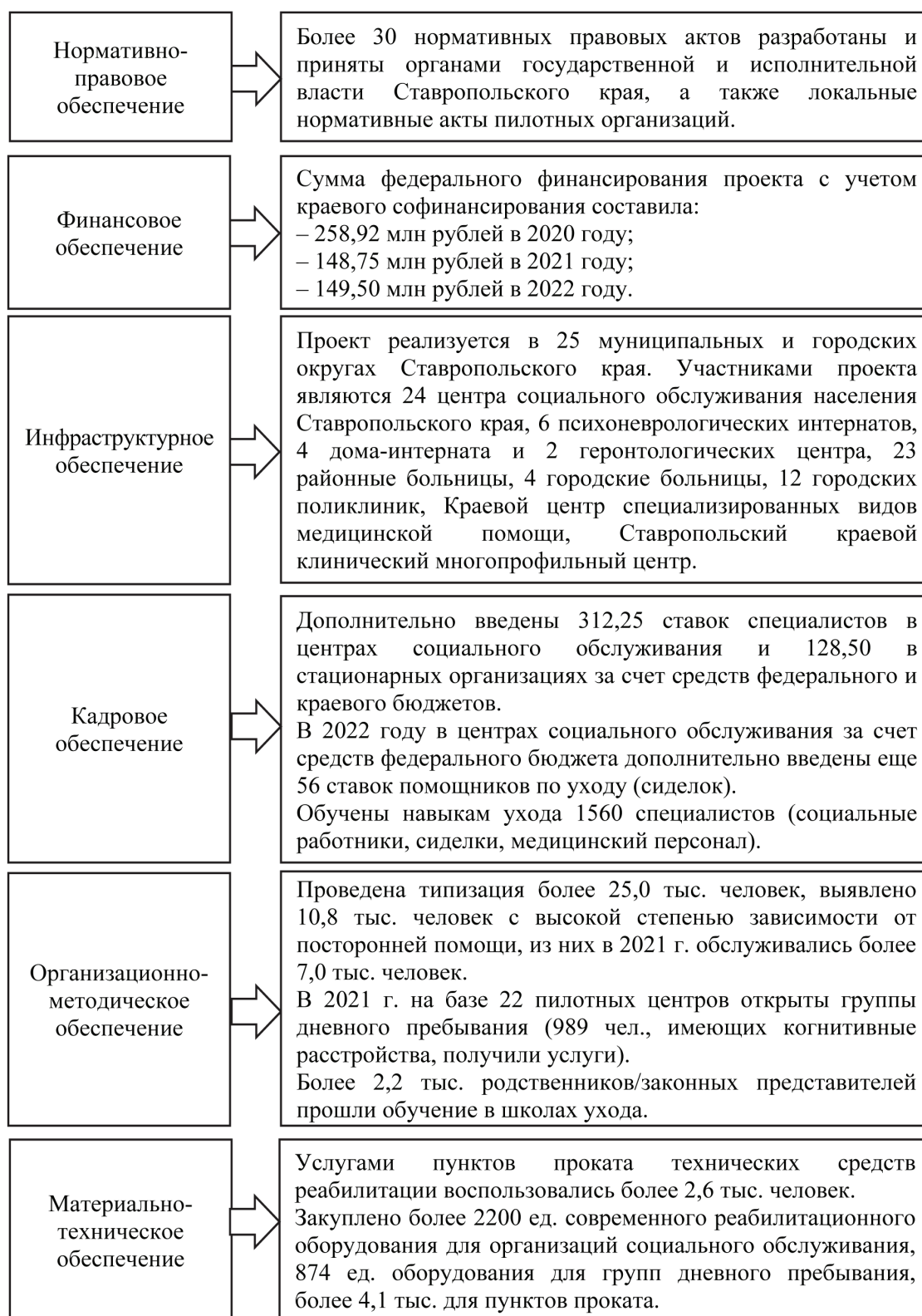

Рисунок 2 – Анализ обеспечения внедрения системы долговременного ухода в Ставропольском крае⁸

⁸ Информация о реализации регионального проекта «Старшее поколение» в рамках реализации национального проекта «Демография» в части создания системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, проживающими на территории Ставропольского края. – URL: https://minsoc26.ru/social/Nac_proekt_Demografia/RegProekt_starshee_pokol/SDU/ (дата обращения: 15.01.2023). – Текст: электронный.

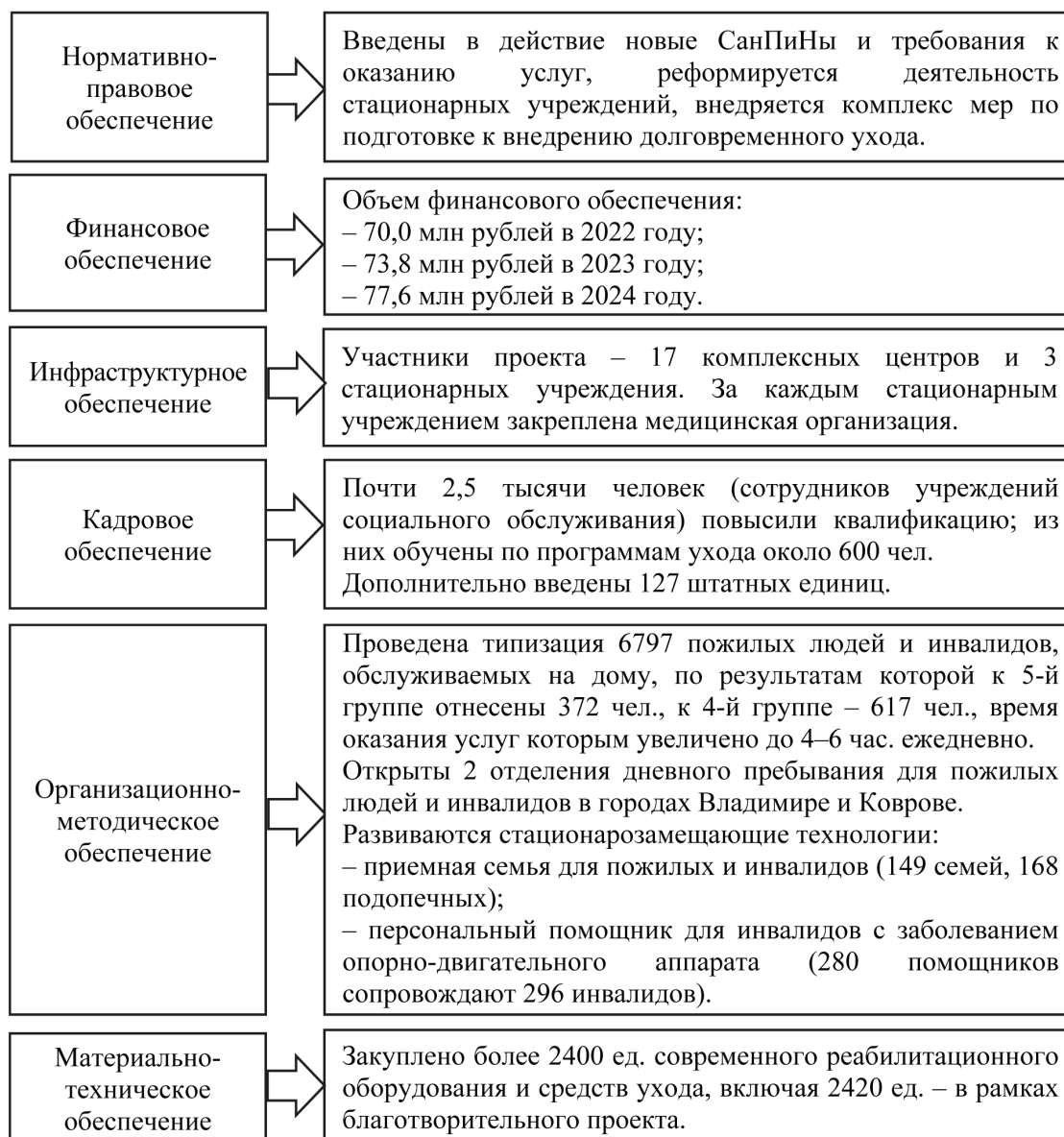

Рисунок 3 – Анализ внедрения системы долговременного ухода во Владимирской области⁹

С 2021 года на территории Нижегородской области реализуется проект системы долговременного ухода, на реализацию которого в 2021 году было выделено 42,3 млн рублей (40,6 млн рублей из федерального бюджета). В 2022 году финансирование увеличилось и составило 49,2 млн рублей (федеральный бюджет – 47,3 млн рублей, региональный бюджет – 1,97 млн рублей). В 2023 году планируют выделить 58,3 млн рублей¹⁰.

⁹ Кужушкина Л.Е. Доклад «О реализации региональных проектов в рамках национального проекта “Демография” в 2021 году и перспективах развития сферы социальной защиты в 2022 году». – URL: https://www.social33.ru/upload/medialibrary/566/ms894km9ow9zhj9i6bfkeu2gra4k3zli/DOKLAD_DSZN_2021_itogi_slaydy.pdf (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный; Кужушкина Л.Е. Современное общество. Достойный уход и старение. – URL: <https://www.social33.ru/upload/medialibrary/289/Doklad-na-Mezhregionalnoy-konferentsii-09.06.pdf> (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный; Паспорт регионального проекта Владимирской области «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения “Старшее поколение”». – URL: https://vladimir.social33.ru/upload/medialibrary/b75/Regionalnyy_proekt_Starshee_pokolenie.pdf (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

¹⁰ Регион для людей: 5 интересных социальных проектов, реализующихся в Нижегородской области. – URL: https://strategy.government-nnov.ru/ru-RU/longread/region_dlya_lyudei (дата обращения: 20.01.2023). – Текст: электронный.

514 инвалидам и гражданам старшего поколения в Нижегородской области в 2021 году предоставили услуги в системе долговременного ухода. Система долговременного ухода внедрена на территории Арзамасского муниципального района и Арзамаса. Дополнительно трудоустроены в 2021 году 53 сиделки, в 2022 году – 112 сиделок.

В 2022 году был создан пункт проката средств ухода и реабилитационного оборудования, а также открыта школа ухода за маломобильными и немобильными получателями. С целью поддержки родственного ухода в пилотных учреждениях проводится обучение законных представителей и родственников навыкам ухода и позиционирования. Социальные услуги по уходу предоставляются в отделениях дневного пребывания, учреждениях стационарного типа и в надомной форме.

По итогам первого года реализации проекта сократилось количество пожилых людей, направляемых в психоневрологические интернаты, уменьшилось на треть число вызовов скорой помощи и врачей.

В рамках проекта у 15 % граждан старшего поколения стабилизировалось состояние психологического и физического здоровья, у 85 % получателей наблюдается позитивная динамика.

В Ставропольском крае, Владимирской и Нижегородской областях продолжится в 2023 году реализация запланированных мероприятий в паспортах проекта.

Анализ регионального опыта внедрения системы долговременного ухода на территории Ставропольского края, Владимирской и Нижегородской областей показал, что в настоящее время обеспечивается поддержка людей пожилого возраста на государственном уровне, расширение системы социальных учреждений и отделений и спектра социальных услуг.

Разработка организационно-управленческой модели обеспечения услугами в системе долговременного ухода за людьми старшего поколения с учетом регионального опыта

Внедрение в пилотных регионах системы долговременного ухода в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» выявило целый ряд организационных и финансовых проблем. Для определения сильных сторон и возможностей и установления слабых сторон и угроз системы долговременного ухода проведен SWOT-анализ (рисунок 4).

Выделенные предпосылки формирования системы долговременного ухода, определение видов обеспечения данной системы, сильных сторон и возможностей и установления слабых сторон и угроз, а также анализ регионального опыта организации долговременного ухода в Ставропольском крае, Владимирской и Нижегородской областях позволили авторам разработать организационно-управленческую модель обеспечения услугами в системе долговременного ухода за людьми старшего поколения (рисунок 5).

Организационно-управленческая модель обеспечения услугами в системе долговременного ухода за людьми старшего поколения включает в себя участников системы долговременного ухода на основе межведомственного взаимодействия и синхронизации деятельности, основные этапы и сквозные процессы, организационные и финансовые элементы. В организационно-управленческую модель обеспечения услугами в системе долговременного ухода включены контрольные процедуры на каждом этапе, которые включают государственный и общественный контроль, проводимый Фондом социального страхования Российской Федерации, региональными органами государственной власти, социально ориентированными некоммерческими организациями в целях проверки результатов обеспечения и мониторинга предоставления социальных услуг по уходу и их качества.

Таким образом, эффективное внедрение и функционирование организационно-управленческой модели обеспечения услугами в системе долговременного ухода за людьми старшего поколения возможно в случае качественной подготовки и структурирования всех процессов и этапов, а также внедрения механизмов поддержки пилотных регионов на федеральном уровне.

<p style="text-align: center;">Сильные стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> – широкий охват нуждающегося населения; – создание и применение инновационных социальных программ и стационарозамещающих технологий в удаленных и труднодоступных территориях; – регулярное проведение мониторингов и типизации по выявлению требований получателей; – индивидуальный подход к потребностям пожилых граждан; – межведомственное взаимодействие учреждений социального обслуживания с органами исполнительной и законодательной власти. 	<p style="text-align: center;">Слабые стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> – неблагоприятная демографическая ситуация, высокая доля лиц пожилого возраста; – большая очередность на стационарное социальное обслуживание (дневной и круглосуточный стационар); – малый приток молодежи после обучения в вузах с профильным образованием для трудоустройства в организации социального обслуживания; – несоответствие требованиям профессиональных стандартов работников сферы социального обслуживания, предоставляющих социальные услуги по уходу.
<p style="text-align: center;">Возможности</p> <ul style="list-style-type: none"> – развитие дополнительного образования для специалистов; – привлечение в развитие социальной инфраструктуры частного финансирования (ГЧП и МЧП); – регулярное проведение мониторингов и типизации по выявлению требований получателей; – индивидуальный подход к потребностям пожилых граждан; – межведомственное взаимодействие учреждений социального обслуживания с органами исполнительной и законодательной власти; – активное привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в системе долговременного ухода. 	<p style="text-align: center;">Угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> – низкая платежеспособность основной категории клиентов (невозможность оплаты предоставляемых платных дополнительных услуг); – высокая степень возникновения конфликтных ситуаций с клиентами по причине пожилого возраста (старческая деменция); – высокая степень износа объектов социальной инфраструктуры; – рост социальных обязательств; – ухудшение ситуации со здоровьем пожилого населения из-за недостаточной физической активности; – увеличение нагрузки на социальную сферу; – низкий уровень оплаты труда.

Рисунок 4 – SWOT-анализ системы долговременного ухода¹¹

¹¹ Составлено авторами на основе [5; 8; 9].

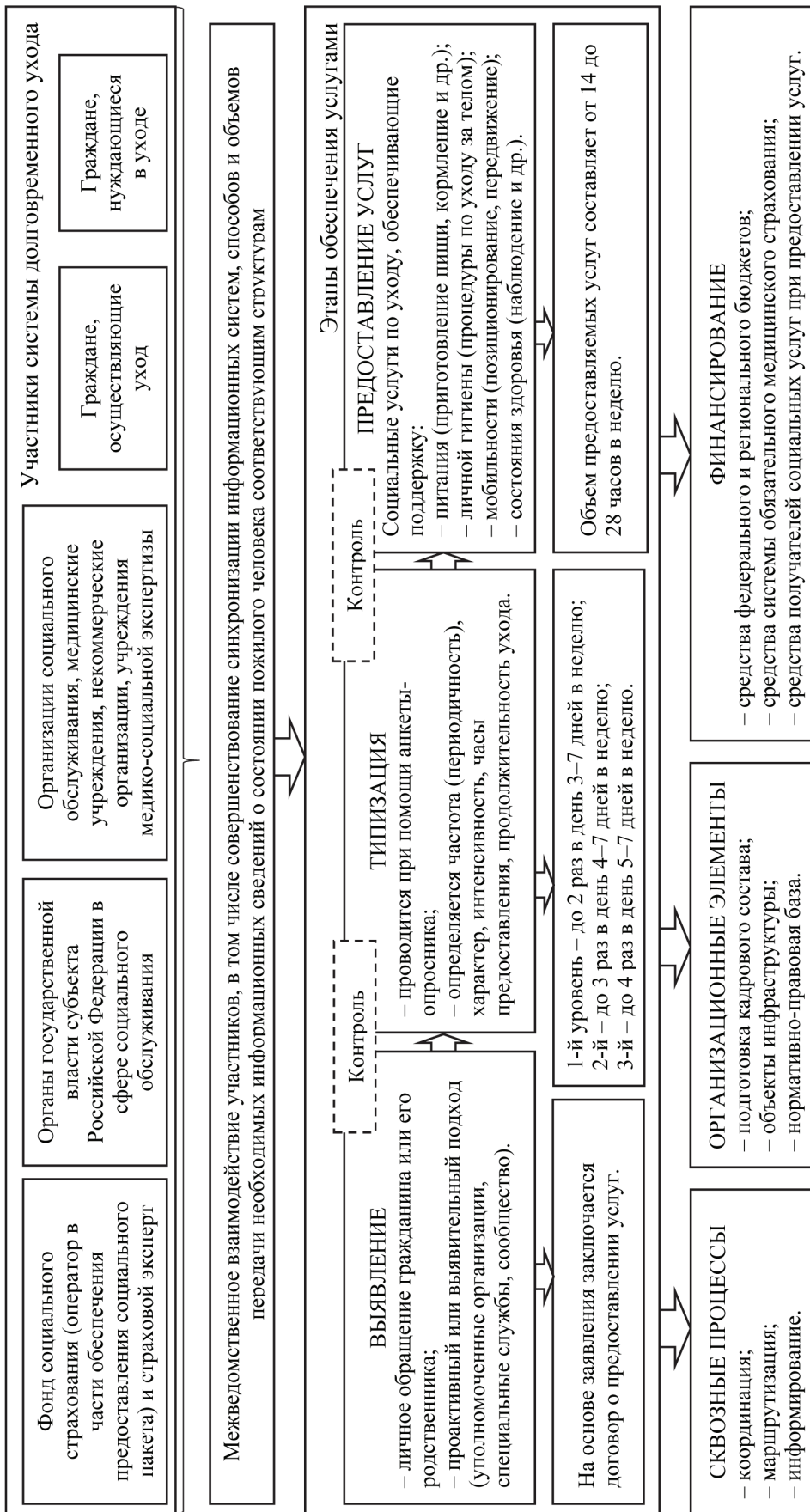

Рисунок 5 – Организационно-управленческая модель обеспечения услугами в системе долгосрочного ухода за людьми старшего поколения¹²

¹² Составлено авторами.

Заключение

Внедрение и распространение системы долговременного ухода на региональном уровне является одной из приоритетных и основополагающих задач нашей страны. Проведенный анализ показал, что на развитие системы долговременного ухода в рассматриваемых регионах выделяется значительное финансирование из федерального бюджета. В то же время выделенные средства, прежде всего, направляют на доукомплектование штата пилотных учреждений, заработную плату персонала, задействованного в предоставлении социальных услуг по уходу, на организацию дополнительного профессионального образования по программам повышения квалификации и основным программам профессионального обучения. Выделенных средств не хватает в то же время на развитие инфраструктуры сферы социального обслуживания населения, которое бы способствовало сокращению очередности в учреждения стационарного типа.

Применение разработанной организационно-управленческой модели обеспечения услугами в системе долговременного ухода за людьми старшего поколения позволит получить ожидаемый положительный эффект, который будет состоять в:

- расширении перечня предоставляемых услуг, в том числе дополнительных в рамках долговременного ухода за пожилыми гражданами;
- решении проблемы очередности на стационарное социальное обслуживание (дневной и круглосуточный стационар);
- повышении качества обеспечения услугами в рамках долговременного ухода;
- развитии конкурентной среды на рынке социальных услуг и социального обслуживания населения.

Исследование позволило определить, что для развития и распространения системы долговременного ухода необходимо проведение соответствующих мероприятий, направленных на:

- развитие объектов социальной инфраструктуры для инвалидов и пожилых граждан;
- строительство новой современной инфраструктуры;
- активное привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению социально-медицинских услуг в системе долговременного ухода за нуждающимися.

Альтернативным инструментом решения данных мероприятий является применение государственно-частного партнерства, которое позволяет решить социально значимые государственные задачи, существенно улучшить материально-техническую базу и оснащение сферы социального обслуживания населения и повысить качество обеспечения услуг социального характера на территории субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Садыков Р.М., Большакова Н.Л., Хамадеева Р.Х. Социальное обслуживание населения в условиях его модернизации: теоретические аспекты // Вестник университета. – 2021. – № 3. – С. 156–161.
2. Дерен И.И. Экономические тенденции в сфере услуг в Российской Федерации с учетом глобальных факторов // Вестник Национальной академии туризма. – 2020. – № 3 (55). – С. 34–37.
3. Павловская О.Ю. Социальное обслуживание по новым правилам: проблемные аспекты теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 242–248.
4. Малофеев И.В. Социальные услуги в системе социального обслуживания населения: монография. – М.: Дашков и К°, 2020. – 172 с.
5. Бухалова Н.А. Долговременный уход за пожилыми людьми: от временной помощи к постоянной заботе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2021. – № 3 (63). – С. 88–94.
6. Matthews J. Long-term Care: how to plan and pay for it // Description: 12th edition. – Berkeley, CA: Nolo, 2018. – 384 p.
7. Llena-Nozal A., Rocard E. and Sillitti P. Providing long-term care: Options for a better workforce // International Social Security Review. – 2022. – № 75 (3-4). – P. 121–144.

8. *Самофатова К.А.* Алгоритм функционирования системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в рамках государственно-частного партнерства // Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19, № 4 (137). – С. 50–58.
9. *Бухалова Н.А., Павлова О.А., Литвинчук В.И.* Рынок социальных услуг: проблемы и перспективы развития // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 3 (106). – С. 112–121.

References

1. *Sadykov R.M., Bol'shakova N.L., Hamadeeva R.H.* Social'noe obsluzhivanie naseleniya v usloviyah ego modernizatsii: teoreticheskie aspekty // Vestnik universiteta. – 2021. – № 3. – S. 156–161.
2. *Deren I.I.* Ekonomicheskie tendencii v sfere uslug v Rossijskoj Federacii s uchetom global'nyh faktorov // Vestnik Nacional'noj akademii turizma. – 2020. – № 3 (55). – S. 34–37.
3. *Pavlovskaya O.Yu.* Social'noe obsluzhivanie po novym pravilam: problemnye aspekty teorii i praktiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2019. – № 2. – S. 242–248.
4. *Malofeev I.V.* Social'nye uslugi v sisteme social'nogo obsluzhivaniya naseleniya: monografiya. – M.: Dashkov i K°, 2020. – 172 s.
5. *Buhalova N.A.* Dolgovremennyy uhod za pozhilymi lyud'mi: ot vremennoj pomoshchi k postoyannoj zabote // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. – 2021. – № 3 (63). – S. 88–94.
6. *Matthews J.* Long-term Care: how to plan and pay for it // Description: 12th edition. – Berkeley, CA: Nolo, 2018. – 384 p.
7. *Llena-Nozal A., Rocard E. and Sillitti P.* Providing long-term care: Options for a better workforce // International Social Security Review. – 2022. – № 75 (3-4). – P. 121–144.
8. *Samofatova K.A.* Algoritm funkcionirovaniya sistemy dolgovremennogo uhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta v ramkah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Social'naya politika i sociologiya. – 2020. – Т. 19, № 4 (137). – С. 50–58.
9. *Buhalova N.A., Pavlova O.A., Litvinchuk V.I.* Rynok social'nyh uslug: problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik NGIEI. – 2020. – № 3 (106). – С. 112–121.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ВЫБОРА МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РФ

Шамалова Елена Викторовна¹,

канд. экон. наук, доцент,
e-mail: shamalova_e_v@staff.sechenov.ru,

Костромина Елена Александровна²,

канд. филол. наук, доцент,
e-mail: ea_kostromina@mail.ru,

¹Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова,
г. Москва, Россия

²Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Сергиевом Посаде, г. Сергиев Посад, Россия

С недавних пор значимость факторов выбора медицинской организации пациентами изменилась. Эти изменения отражают глубинные проблемы, которые не решались в здравоохранении длительное время. Цель настоящего исследования – мониторинг факторов выбора медицинской организации пациентом и выявление причин, способствующих изменению потребительских предпочтений при выборе медицинской организации. В ходе исследования использовались методы сбора и анализа вторичной информации: проанализированы статистические данные, экспертные обзоры, данные социологических опросов, представленные в отчетах аналитических агентств и в публикациях. В ходе исследования авторы сделали допущение, что основной ценностью для пациента являются эффективное лечение и высокий уровень обслуживания. Однако в ходе исследования были выявлены изменение потребительских предпочтений пациентов при выборе медицинской организации. Значимость факторов, обеспечивающих эффективность лечения, таких как «квалификация врача» и «полноценность приема» – снизилась, при этом возросла значимость факторов: «цена на медицинские услуги» и «техническое оснащение медицинской организации». Выявлено, что увеличение значимости фактора «цена медицинской услуги» связано с дефицитом кадров в большинстве регионов Российской Федерации, а также с частичной унификацией процесса лечения, которая возникла в результате внедрения клинических рекомендаций лечения. А увеличение значимости фактора «техническое оснащение медицинских организаций» связано с чрезмерным износом оборудования в медицинских организациях. Полученные результаты имеют практическую значимость, поскольку могут быть полезны для построения системы управления здравоохранением, ориентированной на пациента.

Ключевые слова: потребители услуг, факторы выбора медицинских услуг, медицинская организация, медицинская услуга

RESEARCH OF SIGNIFICANT FACTORS OF CHOOSING A MEDICAL ORGANIZATION FOR CONSUMERS OF MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shamalova E.V.¹,

candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: shamalova_e_v@staff.sechenov.ru,

Kostromina E.A.²,

candidate of philological sciences, associate professor,
e-mail: ea_kostromina@mail.ru,

¹I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

²Moscow Witte University, branch in Sergiev Posad, Sergiev Posad, Russia

The importance of the factors of choosing a medical organization by patients has changed recently. These changes reflect fundamental problems that have not been solved in healthcare for a long time. The purpose of this study is to monitor the factors of choosing a medical organization by a patient and identify the reasons that contribute to changing consumer preferences when choosing a medical organization. In the course of the study, methods of collecting and analyzing secondary information were used: statistical data, expert reviews, data from sociological surveys presented in the reports of analytical agencies and in publications were analyzed. In the course of the study, the authors made the assumption that the main value for the patient are: effective treatment and a high level of service. However, the study revealed a change in consumer preferences of patients when choosing a medical organization. The importance of factors ensuring the effectiveness of treatment, such as “doctor’s qualification” and “usefulness of admission” decreased, while the importance of the factors “price of medical services” and “technical equipment of a medical organization” increased. It was revealed that the increase in the importance of the “price of medical services” factor is associated with a shortage of personnel in most regions of the Russian Federation, as well as with the partial unification of the treatment process, which arose as a result of the introduction of clinical treatment recommendations. And the increase in the importance of the factor “technical equipment of medical organizations” is associated with excessive wear of equipment in medical organizations. The results obtained are of practical importance, since they can be useful for building a patient-oriented healthcare management system.

Keywords: consumers of services, factors of choice of medical services, medical organization, medical service

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-35-41

Введение

Конкуренция на рынке медицинских услуг – сложное, неоднозначное и специфическое явление. Существует много факторов, которые влияют на выбор той или иной медицинской организации, но чаще всего в рассуждениях о том, как решить возникшую проблему со здоровьем, пациенты указывают, что они ищут врача, который, по их мнению, способен оказать им квалифицированную медицинскую помощь.

В последнее время потребители медицинских услуг при выборе медицинской организации в качестве весомых факторов стали называть такие, как отсутствие очередей, организацию работы медицинского учреждения, возможность быстро и в одном месте решить свои проблемы со здоровьем и пр. Таким образом, предпочтения пациентов в какой-то степени поменялись. В связи с этим вызывает интерес исследование изменений факторов выбора медицинской организации и причин, которые привели к изменению предпочтений потребителей.

В зарубежных исследованиях указывается ряд факторов, оказывающих влияние на выбор врача или медицинской организации, таких как: наличие разнообразной информации о врачах в специализированных мобильных приложениях [1], активность и репутация врача в интернет-пространстве [2], технические навыки врача и репутация врача, которую создали пациенты посредством отзывов на веб-сайтах [3], нравственные характеристики врача, манера поведения [4; 5], отсутствие очередей и наличие современного медицинского оборудования [5], гендерный фактор [6], удобство, комфортное обслуживание [7]. Также для малообеспеченных пациентов важны величина медицинских расходов и месторасположение медицинской организации [8]. Кроме этого, отмечается, что предварительные знания пациента о качествах и компетентности выбранного врача очень низки. Выбор врача пациентами чаще всего является спонтанным, случайным и недостаточно обоснованным конкретной информацией [9].

Актуальных исследований российских авторов, посвященных данной теме, крайне мало. Российские исследователи указывают на влияние рекламной активности на выбор пациента [10], отмечается влияние гендерного фактора на выбор врача [11]. Однако исследование предпочтений потребителей при выборе медицинской организации востребовано и актуально, поскольку способствует построению системы управления здравоохранением, ориентированной на пациента.

1. Анализ факторов выбора медицинских организаций пациентом

С целью мониторинга факторов выбора медицинской организации пациентом и выявления причин, способствующих изменению потребительских предпочтений при выборе медицинской организации, были использованы методы сбора и анализа вторичной информации: проанализированы статистические данные, экспертные обзоры, данные социологических опросов, представленные в отчетах аналитических агентств и в публикациях.

В ходе исследования авторы исходили из того, что основной ценностью для пациента выступают эффективное лечение, а также высокий уровень обслуживания. Порой пациенты, чтобы воспользоваться высоким уровнем обслуживания, готовы отказаться от услуг по ОМС и оплатить медицинские услуги, поэтому между частными и государственными медицинскими организациями, предоставляющими услуги по ОМС, также разворачивается борьба за пациента.

Эффективность лечения как результата оказанной медицинской услуги пациенты оценивают по определенным критериям:

- квалификация и репутация врача;
- полноценность приема;
- возможность получения высокотехнологичной медицинской помощи;
- комплексное предложение медицинских услуг в лечебном учреждении и др.

Высокий уровень обслуживания пациенты оценивают по таким критериям, как высокие стандарты межличностного общения медицинского персонала и сервис (скорость, удобство получения услуг).

Также пациенты оценивают территориальное расположение медицинской организации и цены на медицинские услуги.

Для пациента важна совокупность указанных выше факторов. И даже если потребитель медицинских услуг ищет врача, который сможет ему помочь, он оценивает и другие факторы, которые влияют на его решение. На рисунке 1 представлены наиболее значимые факторы выбора медицинской организации, которые называли респонденты в 2018, 2019 и 2021 годах. Оценка факторов выбора медицинской организации в 2020 году не проводилась в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Рисунок 1 – Факторы, значимые при выборе медицинской организации в 2018–2021 гг.¹

В 2018 и 2019 годах самым значимым фактором для пациентов было наличие в штате высококвалифицированных специалистов. Второе место по значимости отдано фактору «полноценность при-

¹ Факторы выбора частных клиник россиянами. РБК (<https://marketing.rbc.ru/articles/13017/>); В 2019 г. 25,1 % москвичей воспользовались услугами частных клиник. РБК (<https://marketing.rbc.ru/articles/11293/>); По каким параметрам потребители выбирают платные клиники? РБК (<https://marketing.rbc.ru/articles/11055/>).

ема». В 2021 году предпочтения изменились. Наиболее важным фактором выбора медицинской организации была цена на медицинские услуги, на втором месте – техническое оснащение организации.

Также многие исследователи отмечают значимость такого фактора, как рекомендации родственников и знакомых, особенно при выборе услуг в педиатрии [12]. В связи с развитием интернет-технологий роль рекомендаций выполняют отзывы, которые оставляют потребители медицинских услуг на сайтах медицинских организаций. Изучение отзывов является значимым фактором при принятии решения о первичном обращении в медицинскую организацию [13].

2. Исследование причин изменения потребительских предпочтений при выборе медицинской организации

Чтобы выявить причины изменения предпочтений, нами была проанализирована доля расходов на медицинские услуги в структуре потребительских расходов населения в 2018–2021 годах (рисунок 2).

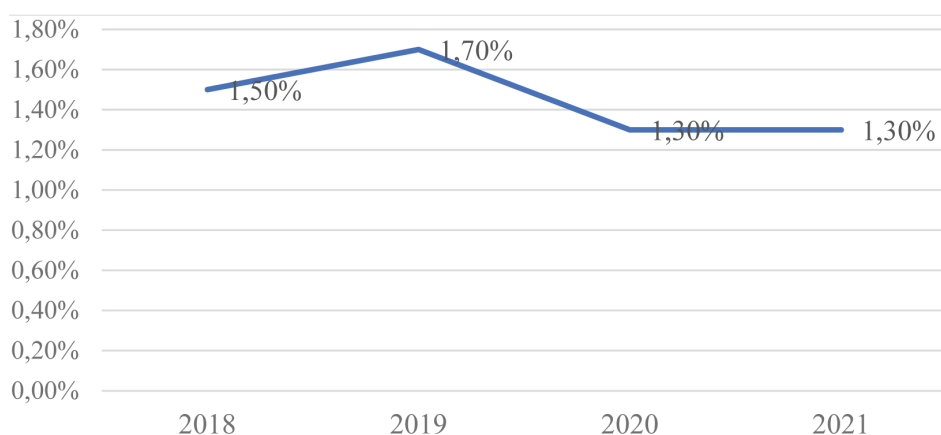

Рисунок 2 – Доля расходов на медицинские услуги в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в 2018–2021 гг.²

Как видим, доля расходов на медицинские услуги в потребительских расходах населения выросла в 2019 году, однако в 2020 и 2021 она снизилась, тем не менее, в 2021 году для потребителей наиболее значимым был фактор «цены на медицинские услуги». Следовательно, рост цен на медицинские услуги не является причиной изменений предпочтений.

На протяжении длительного периода основной проблемой здравоохранения является дефицит медицинских кадров. В связи с этим необходимо выделить две категории рынков медицинских услуг в России: рынки медицинских услуг, где присутствует большое количество медицинских организаций и огромное количество высококвалифицированных врачей (такие рынки возникли в крупных городских агломерациях, самыми известными из которых являются Москва и Санкт-Петербург) и региональные рынки медицинских услуг, где существует хронический дефицит врачей. В публикациях представлена информация о том, что в связи с дефицитом кадров, который за последние годы усилился³ и продолжает нарастать (по состоянию на 1 июля 2022 года в 66 субъектах Российской Федерации наблюдается уменьшение численности врачей и среднего медицинского персонала по сравнению с началом года)⁴, увеличилось количество пациентов, которым не была предоставлена своевременная медицинская помощь в государственных учреждениях в рамках системы ОМС, и пациенты вынуждены были обра-

² Уровень и структура потребительских расходов домашних хозяйств. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

³ Иванов Д. Тенденции дефицита кадров в здравоохранении // Информационный портал. Право-Мед.ру. 23.10.2022. – URL: <http://pravo-med.ru/articles/17157/> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

⁴ Изотова Г.В. Оперативный доклад об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Январь–июнь 2022 года. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/75e/lkyjp8d0tvd4nmdjwpqwtfkzlabbpuxh.pdf> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

щаться в частные медицинские организации [14]. Люди, проживающие в ряде регионов, в том числе относительно благополучных, таких как Московская область, стремятся получить простую медицинскую помощь в Москве и Санкт-Петербурге или иных крупных городских агломерациях. Очевидно, что, когда речь идет о платной медицине, для таких пациентов цена услуги выступает самым весомым фактором⁵.

Меняется также роль врача в процессе диагностики и лечения. С 2019 года с целью развития конкуренции в здравоохранении внедряются клинические рекомендации лечения – документы, в которых устанавливаются алгоритм ведения пациента, диагностики и лечения. Обязательными для оказания медицинской помощи клинические рекомендации должны были стать с 1 января 2022 года. Однако их внедрение в работу медицинских организаций началось гораздо раньше. Таким образом, процесс предоставления медицинской услуги унифицирован, а если алгоритм лечения одинаков для многих медицинских организаций вне зависимости от того, какой врач этот алгоритм выполняет, то зачем платить большую цену за эту услугу? Поэтому значимым становится ценовой фактор.

Что касается второго по значимости фактора выбора медицинской организации, названного респондентами в 2021 году, – «техническое оснащение», то его актуализация была закономерной и эффективной, поскольку проблемы с оснащением медицинских организаций нарастали в течение многих лет. Так, по данным статистических органов, процент амбулаторных зданий, требующих капитального ремонта в 2018 году, составил 11,8 %, а в 2021 году – 21 %. Износ оборудования в российских клиниках в 2019 году достиг 78 %⁶, а в 2021 году в некоторых регионах износ медицинского оборудования превысил 90 %⁷.

Заключение

Исследование значимых факторов выбора медицинской организации потребителями медицинских услуг показало, что произошли изменения критериев выбора. Если ранее для потребителей были более значимыми такие факторы, как «квалификация врача», «полноценность приема», то после пандемии COVID-19 в 2021 году для пациентов большее значение стали иметь «цена медицинской услуги» и «техническое оснащение медицинской организации».

Смещение предпочтений потребителей с оценки эффективности лечения к оценке цены медицинской услуги и наличия медицинского оборудования отражает глубинные проблемы, которые накопились в системе здравоохранения:

1) неравномерное территориальное распределение медицинских кадров приводит к дефициту медицинских работников в ряде регионов и является причиной непредоставления своевременной медицинской помощи населению. Стремясь решить свои проблемы со здоровьем, пациенты вынуждены уезжать в другие регионы за медицинской помощью. В этих регионах, как правило, уровень жизни выше, заработная плата выше, а следовательно, выше цены на медицинские услуги. Таким пациентам недоступны дорогие медицинские услуги. Пытаясь получить простую медицинскую помощь, они выбирают ее по ценовому фактору;

2) недофинансирование медицинской отрасли привело к чудовищному износу медицинского оборудования в ряде регионов, что также способствует тому, что пациенты вынуждены уезжать в более обеспеченные регионы и искать доступную для себя медицинскую помощь.

На потребительские предпочтения также оказало влияние введение клинических рекомендаций лечения. Когда деятельность врача в определенной степени унифицируется, закономерно смещение потребительских предпочтений пациентов в сторону ценового фактора.

⁵ Соколов А. Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения // Ведомости. 15 декабря 2020 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

⁶ Пузырев В.П. Износ оборудования в российских клиниках достиг 78 %. Livejournal. 12.03.2019. – URL: <https://rvs.livejournal.com/2604963.html> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

⁷ Шувалов С. Чиновник: износ оборудования больниц доходит до 93 %. ИА СаратовБизнесКонсалтинг. 20.01.2021. – URL: <https://saratov.bezformata.com/listnews/chinovnik-iznos-oborudovaniya-bolnits/90539876/> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны руководителям медицинских организаций для принятия решений в области повышения конкурентоспособности организации, привлечения и удержания потребителей медицинских услуг.

Список литературы

1. *Shan W., Wang Y., Luan J., Tang P.* The Influence of Physician Information on Patients' Choice of Physician in mHealth Services Using China's Chunyu Doctor App: Eye-Tracking and Questionnaire Study // *JMIR Mhealth Uhealth*. – 2019. – Vol. 7, No. 10: e15544.
2. *Deng Z., Hong Z., Zhang W., Evans R., Chen Y.* The Effect of Online Effort and Reputation of Physicians on Patients' Choice: 3-Wave Data Analysis of China's Good Doctor Website // *J Med Internet Res*. – 2019. – Vol. 21, No. 3: e10170.
3. *Li S., Hubner A.* The Impact of Web-Based Ratings on Patient Choice of a Primary Care Physician Versus a Specialist: Randomized Controlled Experiment // *J Med Internet Res*. – 2019. – Vol. 21, No. 6: e11188.
4. *Yan W., Yifan Z., Mengling Y.* What influences patients' willingness to choose in online health consultation? An empirical study with PLS-SEM // *Industrial Management & Data Systems*. – 2020. – Vol. 12. – P. 2423–2446.
5. *Bidmon S., Elshiewy O., Terlutter R., Boztug Y.* What Patients Value in Physicians: Analyzing Drivers of Patient Satisfaction Using Physician-Rating Website Data // *J Med Internet Res*. – 2020. – Vol. 22, No. 2: e13830.
6. *Subki A.H., Agabawi A.K., Hindi M.M., Butt N.S., Alsallum M.S., Alghamdi R.A., Subki S.H., Alsallum F., Alharbi A.A., Lodhi Y.I., Alandijani S., Al-Zaben F., Koenig H.G., Oraif A.M.* How Relevant is Obstetrician and Gynecologist Gender to Women in Saudi Arabia? // *Int J Womens Health*. – 2021. – Vol. 10. – P. 919–927.
7. *Цветкова А.Б., Юнисов Р.Х.* Оценка значимых параметров выбора медицинского учреждения для потребителя медицинских услуг в российской и зарубежной практике // *Международная торговля и торговая политика*. – 2018. – № 3 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-znachimyh-parametrov-vybora-meditsinskogo-uchrezhdeniya-dlya-potrebitelya-meditsinskih-uslug-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy> (дата обращения: 30.01.2023). – Текст: электронный.
8. *Yu W., Li M., Ye F., Xue C., Zhang L.* Patient preference and choice of healthcare providers in Shanghai, China: a cross-sectional study // *BMJ Open*. – 2017. – Vol. 7, No.10.
9. *Vasileva B.I., Karcheva M.D.* Reasons for Change of General Practitioner – Study among Patients // *J of IMAV*. – 2021. – Vol. 27, No. 3. – P. 3847–3850.
10. *Комарова А.А., Дианина Е.В., Мореева Е.В.* Влияние рекламной деятельности на выбор пациентами медицинской организации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2019. – № 27 (6). – С. 972–977.
11. *Ковалёва М.Д., Деларю В.В., Грешнова Я.Б.* Выбор врача и гендерный фактор: результаты социологического исследования жителей крупного промышленного города // *Волгоградский научно-медицинский журнал*. – 2019. – № 1. – С. 7, 8.
12. *Ледовских Ю.А., Панкевич В.И., Югай М.Т.* Факторы, влияющие на выбор медицинских услуг в педиатрии // *Вестник Росздравнадзора*. – 2016. – № 3. – С. 74–80.
13. *Капустина Л.М., Белобородова О.Г.* Маркетинговое исследование потребителей платных медицинских услуг // *Практический маркетинг*. – 2020. – № 10. – С. 3–9.
14. *Шамалова Е.В., Костромина Е.А., Лауфер К.М.* Исследование конкуренции на российском рынке медицинских услуг // *Russian Economic Bulletin*. – 2022. – Т. 5, № 5. – С. 331–337.

References

1. *Shan W., Wang Y., Luan J., Tang P.* The Influence of Physician Information on Patients' Choice of Physician in mHealth Services Using China's Chunyu Doctor App: Eye-Tracking and Questionnaire Study // *JMIR Mhealth Uhealth*. – 2019. – Vol. 7, No. 10: e15544.
2. *Deng Z., Hong Z., Zhang W., Evans R., Chen Y.* The Effect of Online Effort and Reputation of Physicians on Patients' Choice: 3-Wave Data Analysis of China's Good Doctor Website // *J Med Internet Res*. – 2019. – Vol. 21, No. 3: e10170.

3. *Li S., Hubner A.* The Impact of Web-Based Ratings on Patient Choice of a Primary Care Physician Versus a Specialist: Randomized Controlled Experiment // *J Med Internet Res.* – 2019. – Vol. 21, No. 6: e11188.
4. *Yan W., Yifan Z., Mengling Y.* What influences patients' willingness to choose in online health consultation? An empirical study with PLS–SEM // *Industrial Management & Data Systems.* – 2020. – Vol. 12. – P. 2423–2446.
5. *Bidmon S., Elshiewy O., Terlutter R., Boztug Y.* What Patients Value in Physicians: Analyzing Drivers of Patient Satisfaction Using Physician-Rating Website Data // *J Med Internet Res.* – 2020. – Vol. 22, No. 2: e13830.
6. *Subki A.H., Agabawi A.K., Hindi M.M., Butt N.S., Alsallum M.S., Alghamdi R.A., Subki S.H., Alsallum F., Alharbi A.A., Lodhi Y.I., Alandijani S., Al-Zaben F., Koenig H.G., Oraif A.M.* How Relevant is Obstetrician and Gynecologist Gender to Women in Saudi Arabia? // *Int J Womens Health.* – 2021. – Vol. 10. – P. 919–927.
7. *Cvetkova A.B., Yunisov R.H.* Ocenka znachimykh parametrov vybora medicinskogo uchrezhdeniya dlya potrebitelya medicinskih uslug v rossijskoj i zarubezhnoj praktike // *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika.* – 2018. – № 3 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-znachimyh-parametrov-vybora-meditsinskogo-uchrezhdeniya-dlya-potrebitelya-meditsinskih-uslug-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy> (data obrashcheniya: 30.01.2023). – Tekst: elektronnyj.
8. *Yu W., Li M., Ye F., Xue C., Zhang L.* Patient preference and choice of healthcare providers in Shanghai, China: a cross-sectional study // *BMJ Open.* – 2017. – Vol. 7, No.10.
9. *Vasileva B.I., Karcheva M.D.* Reasons for Change of General Practitioner – Study among Patients // *J of IMAB.* – 2021. – Vol. 27, No. 3. – R. 3847–3850.
10. *Komarova A.A., Dianina E.V., Moreeva E.V.* Vliyanie reklamnoj deyatel'nosti na vybor pacientami medicinskoj organizacii // *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny.* – 2019. – № 27 (6). – S. 972–977.
11. *Kovalyova M.D., Delaryu V.V., Grepshova Ya.B.* Vybor vracha i gendernyj faktor: rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya zhitelej krupnogo promyshlennogo goroda // *Volgogradskij nauchno-medicinskoj zhurnal.* – 2019. – № 1. – S. 7, 8.
12. *Ledovskih Yu.A., Pankevich V.I., Yugaj M.T.* Faktory, vliyayushchie na vybor medicinskih uslug v pediatrii // *Vestnik Roszdravnadzora.* – 2016. – № 3. – S. 74–80.
13. *Kapustina L.M., Beloborodova O.G.* Marketingovoe issledovanie potrebitelej platnyh medicinskih uslug // *Prakticheskij marketing.* – 2020. – № 10. – S. 3–9.
14. *Shamalova E.V., Kostromina E.A., Laufer K.M.* Issledovanie konkurencii na rossijskom rynke medicinskih uslug // *Russian Economic Bulletin.* – 2022. – T. 5, № 5. – S. 331–337.

ОСОБЕННОСТИ ПОДДЕРЖКИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Соловьева Татьяна Сергеевна¹,

e-mail: solo_86@list.ru,

¹Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр РАН»,
г. Вологда, Россия

В последние двадцать лет социальное предпринимательство получает все большее признание как в академическом, так и в управленческом и общественном дискурсе. Это обусловлено его инновационными возможностями в решении социальных проблем, степень остроты многих из которых остается достаточно высокой. Неслучайно зачастую социальное предпринимательство связывается с социальными инновациями. При этом развитие данного явления в рамках конкретной территории во многом зависит от благоприятности условий, которые для этого созданы. В связи с этим в работе рассматриваются особенности поддержки и проблемы становления социального предпринимательства в России. Показано, что в настоящее время российское социальное предпринимательство находится в стадии активного развития. Однако по масштабам все же уступает многим развитым странам по причине различий в формирующей среде. С использованием данных международных и российских рейтингов, социологических и экспертных опросов выявлена специфика социального предпринимательства в современной России. Обозначены ключевые меры поддержки и проблемы в данной сфере, отмечена необходимость совершенствования условий для развития социального предпринимательства на основе экосистемного подхода.

Ключевые слова: социальные инновации, социальное предпринимательство, поддержка социальных инноваций и социального предпринимательства, проблемы развития территорий, драйверы, барьеры

SUPPORT FEATURES AND PROBLEMS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Soloveva T.S.¹,

e-mail: solo_86@list.ru,

¹Vologda research center of Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

The last couple of decades show that social entrepreneurship has been gaining more and more recognition in academic as well as managerial and public discourse. This is due to its innovative capabilities to solve social problems, with the urgency of many remaining quite high. It is no coincidence that social entrepreneurship is often associated with social innovation. Moreover, the development of this phenomenon within a particular territory depends greatly on the favorable conditions that have been created for this. In this regard, the article examines the features of support and problems of the forming of social entrepreneurship in Russia. The study underlines that currently Russian social entrepreneurship is in the stage of active development. However, it still gets behind many developed countries in scope due to differences in the formative environment. The research reveals the specifics of social entrepreneurship in modern Russia using data from international and Russian ratings, sociological and expert surveys. Key support measures and problems in the area, pointing out the need to improve the conditions for the development of social entrepreneurship based on an ecosystem approach are outlined in the article.

Keywords: social innovations, social entrepreneurship, support for social innovation and social entrepreneurship, problems of territorial development, drivers, barriers

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-42-52

Введение

В современных условиях глобального развития перед странами мира встает задача решения ряда общественных проблем (социального и цифрового неравенства, старения населения и его последствий, ухудшения экологической обстановки и изменения климата, безработицы и т.д.), острота многих из которых усилилась во время и после пандемии коронавируса COVID-19. Поиск эффективных инструментов, способных смягчить воздействие данных факторов на общество и экономику, в значительной степени связан с вопросами обеспечения национальной безопасности. Так, национальные интересы и национальные стратегические приоритеты Российской Федерации, определённые в Стратегии национальной безопасности и Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, напрямую согласуются с глобальными вызовами современности.

Вместе с тем результатов заявленных целей весьма сложно достичь только лишь за счет деятельности государства. В этой связи решение многих социальных вопросов стало осуществляться и иными заинтересованными сторонами (бизнес-структурами, некоммерческими организациями, социальными предпринимателями и т.д.), стали возникать различные партнерства на локальном, региональном, национальном и международном уровнях. Одним из таких субъектов выступает социальное предпринимательство, которое, как актор социальной экономики, принимает значимое участие в решении вопросов устойчивого развития.

В настоящее время вклад социального предпринимательства в ВВП стран мира является достаточно существенным: от 3 % в Австралии, 4 % в Канаде до 8 % в ряде стран Евросоюза². Кроме того, социальные предприятия обеспечивают от 2 % оплачиваемой занятости в странах Восточной Европы до 10 % во Франции, Италии и Нидерландах³. В России же, по оценкам экспертов, доля данного сектора в ВВП страны составляет менее 1 %⁴. В то же время, несмотря на относительную молодость российского социального предпринимательства, интерес к его развитию возрастает. Особенно важным становление рассматриваемой сферы представляется с учетом ориентации государственной политики на вопросы сохранения и приумножения человеческого потенциала. При этом создание благоприятной среды для формирования и приложения инновационных компетенций населения напрямую способствует не только образованию активного творческого слоя россиян, но и построению эффективной национальной инновационной системы. В связи с этим в рамках настоящей статьи рассмотрим условия для развития социального предпринимательства в России в контексте решения проблем развития территорий.

1. Социальное предпринимательство как субъект реализации социальных инноваций и его роль в решении проблем развития территорий

Интерес к социальным инновациям в академическом и управленческом сообществе возрос после глобального финансового кризиса 2008 года, когда в контексте преодоления его последствий усилились идеи социальной экономики и поиска механизмов активного вовлечения иных заинтересованных сторон в данные процессы [1]. Социальные инновации ассоциируются с «новыми идеями, которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации № 474 от 21.07.2020 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

² A policy brief from the policy learning platform on SME competitiveness. – URL: https://www.interregeurope.eu/fileadmin/user_upload/plp_uploads/policy_briefs/The_social_economy_and_support_to_social_enterprises_in_the_European_Union_Policy_brief.pdf (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный; World Youth Report: Youth Social Entrepreneurship and the 2030 Agenda. – URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/wp-content/uploads/sites/21/2020/07/2020-World-Youth-Report-FULL-FINAL.pdf> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

³ Social economy. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/social-economy> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

⁴ Эксперты назвали социальное предпринимательство инновационной сферой бизнеса в РФ. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4677340> (дата обращения: 21.12.2022). – Текст: электронный.

форм сотрудничества»⁵. При этом они могут быть реализованы различными акторами, однако, основными из них выступают некоммерческие организации и социальные предприниматели [2].

Социальные инновации рассматриваются как движущая сила общественных изменений, а социальное предпринимательство – как инновационная деятельность, осуществляемая на бизнес-принципах для решения социальных задач [3]. Анализ этих двух концепций [4] показывает, что между ними есть определенные взаимосвязи. Это общая ориентированность на социальные цели, выявление возможностей для решения проблем и инновационная сущность. Вместе с тем социальные предприниматели воплощают движение к включению социальных и экологических целей в предпринимательскую деятельность, стремясь к финансовой устойчивости и реинвестируя прибыль в функционирование организации. А для социальных инноваций коммерческий аспект не является обязательным. Социальное предпринимательство само по себе трактуется как инновационный вид предпринимательства, направленный на решение социальных проблем инновационными методами [5, с. 100]. В то же время социальные инновации выступают более широким понятием, так как они могут быть инициированы не только социальными предпринимателями, но и другими акторами государственного, частного и некоммерческого секторов.

Таким образом, социальные предприниматели являются субъектами, которые реализуют социальные инновации, разрабатывая новые продукты, услуги, бизнес-модели, процессы и т.д. [6]. Функционирование организаций в форме социальных предприятий для целей реализации социальных инноваций имеет ряд преимуществ: такой подход позволяет работать с большей автономией, гибкостью и финансовой независимостью, диверсифицировать доходы, снизить зависимость от грантовых поступлений и пожертвований.

Как показывают исследования и реальная практика, социальные предприниматели в значительной мере воздействуют на смягчение многих проблем, препятствующих устойчивому развитию, способствуя процветанию без ущерба для возможностей будущих поколений [7]. Причем они не только вносят вклад в улучшение уровня и качества жизни населения, окружающей среды, но и оказывают позитивное влияние на экономическое развитие. Так, на основе адаптации метода моделирования структурными уравнениями было выявлено, что социальное предпринимательство имеет положительный эффект на устойчивый экономический рост [8]. К примеру, в Великобритании социальные предприятия дают экономике порядка 60 млрд фунтов стерлингов (3 % ВВП и 5 % всей занятости)⁶. По данным Schwab Foundation, за последние два десятилетия социальные предприятия улучшили жизнь 622 млн человек в более чем 190 странах мира⁷. Кроме того, они повышают информированность о социальных проблемах в сообществах и вовлекают различные заинтересованные стороны в процесс их решения.

В то же время, несмотря на достаточно широкое распространение рассматриваемого феномена и его содействие достижению целей устойчивого развития, социальные предприятия в ходе своего функционирования сталкиваются с рядом сложностей (несовершенство законодательства, дефицит необходимых услуг для развития бизнеса, нехватка финансовых средств и т.д.). В этом отношении большое значение имеет создание соответствующих благоприятных условий, стимулирующих развитие данного сектора в рамках конкретной территории.

2. Поддержка и проблемы развития социального предпринимательства в России

Социальное предпринимательство в России в настоящее время активно развивается. Осенью 2022 года количество предприятий данного сектора составило 7527 единиц, что более чем в 2,5 раза превышает показатель 2020 года⁸. По данным Федеральной налоговой службы, большинство из них

⁵ European Commission «Annual Growth Survey». – URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

⁶ The impact of social entrepreneurship on economic growth. – URL: <https://www.financierworldwide.com/the-impact-of-social-entrepreneurship-on-economic-growth#.Y38hSXZByUk> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

⁷ Social entrepreneurs have improved 622 million lives in 2 decades. – URL: <https://www.weforum.org/impact/scaling-up-social-entrepreneurship/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

⁸ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

имеют статус индивидуальных предпринимателей, реже – малых и средних предприятий. При этом значительная часть организаций сосредоточена в крупных городах, а в небольших населенных пунктах их представительство гораздо ниже. Расширение масштабов российского социального предпринимательства во многом обусловлено наличием неудовлетворенного спроса на социальные услуги и невысоким уровнем качества соответствующих услуг, предоставляемых государственными учреждениями [9, с. 47]. Тем не менее, размер рассматриваемого сектора в России уступает многим развитым странам. Одним из лидеров в этом отношении является Великобритания, где количество социальных предприятий еще в 2017 году составило порядка 471 тысяч единиц⁹. А за 2021 год, несмотря на последствия пандемии коронавируса, было образовано рекордное число организаций – 12 тысяч¹⁰.

Различия в развитости социального предпринимательства в значительной степени детерминированы сложившимися условиями (нормативно-правовыми, экономическими, институциональными, социально-культурными и т.д.). В связи с этим в различных регионах мира формируются экосистемы, способствующие возникновению, становлению и расширению организаций данного сектора¹¹. Такие экосистемы включают в себя не только социальных предпринимателей и социальные предприятия, но и органы власти, частный бизнес, некоммерческие и академические структуры, которые выполняют роли посредников, инвесторов, поручителей, поставщиков ресурсов и т.д.

Согласно рейтингу лучших стран для развития социального предпринимательства, разработанному The Thomson Reuters Foundation совместно с Deutsche Bank (рисунок 1), на 2019 год наиболее благоприятные условия были созданы в Канаде (71,9 балла). Как и в 2016 году, Канада являлась лидером по таким аспектам, как: обороты социального предпринимательства, возможность зарабатывать на жизнь, простота получения финансовой поддержки и реализации услуг/продукции обществу. Кроме того, страной были улучшены позиции по всем остальным составляющим рейтинга. Условия для старта и развития социального бизнеса, помимо Канады, весьма благоприятны во Франции, Индонезии, Австралии, Израиле, Сингапуре. Государственная поддержка социального предпринимательства наиболее сильна в Сингапуре, Южной Корее, Канаде, Франции и Бельгии. Эти же страны в основном фигурируют и на первых позициях по доступу к финансированию, нефинансовой помощи, реализации своей продукции различным секторам общества. Представительство данных государств в лидерах рейтинга связано с развитостью соответствующих законодательных основ и образовательных программ, активной государственной политикой, деятельностью некоммерческих структур и др.

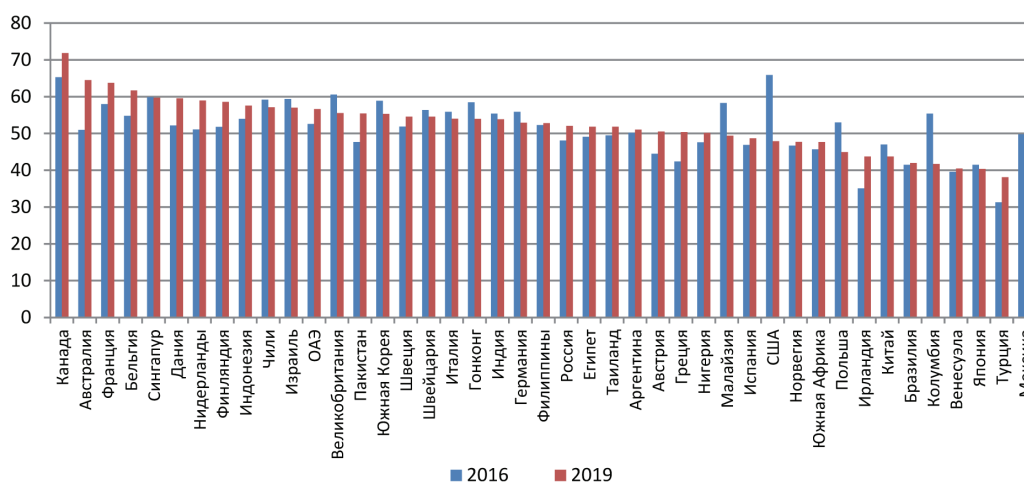

Рисунок 1 – Рейтинг лучших стран для развития социального предпринимательства, баллов¹²

⁹ There are 471,000 social enterprises in the UK, government report finds. – URL: <https://www.civilsociety.co.uk/news/there-are-471-000-social-enterprises-in-the-uk-government-report-finds.html> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Record number of social enterprises formed during the pandemic. – URL: <https://www.business-live.co.uk/enterprise/record-number-social-enterprises-formed-21876352> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

¹¹ European Social Enterprise Monitor. – URL: <https://euclidnetwork.eu/portfolio-posts/european-social-enterprise-monitor-esem/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный; Korea Social Enterprise Promotion Agency. – URL: https://www.socialenterprise.or.kr/_engsocial/?m_cd=0204 (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

¹² Составлено по: The best countries to be a social entrepreneur (<https://poll2019.trust.org/>). Примечание: ранжировано по 2019 г.

Россия заняла 23-е место (52,1 балла) из 44 (2016 г. – 31-е), при этом схожие позиции продемонстрировали такие страны, как Германия (52,9 балла), Филиппины (52,8 балла), Египет (51,8 балла). Наилучшие оценки были получены в контексте государственной поддержки и возможности социальных предпринимателей существовать на заработанные средства (7-е место). В числе аутсайдеров РФ находится по простоте продажи своей продукции/услуг бизнесу и возможностям привлечения кадров с необходимыми компетенциями (38-е место) (таблица 1).

Таблица 1 – Позиции РФ в разрезе отдельных компонентов рейтинга лучших стран для развития социального предпринимательства, место¹³

Компонент	2016	2019	2019 к 2016 г.
Государственная политика поддерживает социальное предпринимательство	17	7	+10
Социальные предприниматели могут зарабатывать себе на жизнь	8	7	+1
Социальные предприниматели имеют доступ к необходимой нефинансовой поддержке	19	12	+7
Социальным предпринимателям легко продавать свои услуги/продукцию государству	16	22	-6
Социальное предпринимательство в стране набирает обороты	43	23	+20
Общество хорошо осведомлено о том, чем занимаются социальные предприниматели	27	23	+4
Социальным предпринимателям легко продавать свои услуги/продукцию обществу	6	23	-17
Простота получения грантов социальными предпринимателями	31	24	+7
Простота доступа социальных предпринимателей к инвестициям	27	25	+2
Благоприятность условий для создания и развития социального предпринимательства	40	28	+12
Социальным предпринимателям легко продавать свои услуги/продукцию бизнесу	31	38	-7
Простота привлечения социальными предпринимателями кадров с необходимыми компетенциями	36	38	-2

При этом наибольшие темпы прироста были зафиксированы по таким показателям, как: наращивание темпов развития социального предпринимательства (+20 мест), благоприятность условий для развития социального предпринимательства (+12 мест), государственная поддержка социального предпринимательства (+10 мест). В то же время необходимо отметить, что даже несмотря на продвижение РФ по данным аспектам, по первым двум ее позиции остаются весьма средними (23-е и 28-е место соответственно). За период 2016–2019 годов существенно ухудшились возможности продажи продукции социальных предпринимателей обществу (-17 мест), а также бизнесу (-7 мест) и государству (-6 мест). В первую очередь, это связано с низким платежеспособным спросом населения; невысокими государственными тарифами на социальные услуги, не позволяющими покрыть расходы социального предпринимателя; неинформированностью о деятельности социальных предприятий и т.д.

Методология рейтинга, помимо основных индикаторов, предполагала оценку роли женщин и молодежи в развитии социального предпринимательства. Лидерами в этих категориях стали преимущественно те же страны, которые находились в топе общего рейтинга (Канада, Австралия, Бельгия, Франция). Россия в рамках первого показателя оказалась на высоком шестом месте, однако, опустившись со второго в 2016 году. Достаточно благоприятное положение во многом обусловлено тем, что в РФ более половины всех социальных предпринимателей составляют именно женщины (54 % по данным ЦИРКОН¹⁴). Зачастую они открывают свое дело, столкнувшись с реальной социальной проблемой, «прочувствованной на себе»¹⁵ [10, с. 125, 126] (дефицит инклюзивного образования, нехватка детских садов и определенных медицинских услуг, недостаточная развитость сферы оздоровления детей с ОВЗ и др.). В отношении участия молодежи позиции РФ гораздо менее позитивны – 41-е место из 43. Одной из причин сложившейся ситуации может быть поверхностная осведомленность молодого поколения о социальном предпринимательстве [11]. Кроме того, определенное воздействие оказывает и преоблада-

¹³ Составлено по: The best countries to be a social entrepreneur (<https://poll2019.trust.org/>). Примечание: ранжировано по 2019 г.

¹⁴ Портрет социального предпринимателя 2013 – Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. – URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (дата обращения: 22.12.2022). – Текст: электронный.

¹⁵ Ушла из крупного бизнеса и перестала стесняться. – URL: <https://plus-one.forbes.ru/ushla-iz-mts-i-perestala-stesnyatsya> (дата обращения: 22.12.2022). – Текст: электронный.

ние общей материальной направленности в предпринимательской мотивации современной молодежи [12, с. 70].

Отдельно стоит подчеркнуть, что в контексте осознания роли социального предпринимательства в достижении целей устойчивого развития (ЦУР), согласно данным рейтинга, Россия занимает последнее, 44-е место, уступая даже таким развивающимся странам, как Филиппины, Малайзия, Пакистан. Отчасти это связано с методологией, поскольку один из вопросов, по которым производилась оценка, определял ЦУР как фактор роста интереса к социальному предпринимательству. В условиях российской действительности все же гораздо более значимыми представляются иные аспекты (наличие неудовлетворенного спроса на ряд социальных услуг, ограниченность бюджетных средств, невысокий спектр и уровень качества их предоставления государственными поставщиками и т.д.).

В России Министерством экономического развития с 2017 года также осуществляется рейтинг регионов по развитости механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства¹⁶. Несмотря на некоторые изменения, вносимые в методологию расчета¹⁷, позиции многих субъектов РФ принципиально не изменились. За период 2017–2021 годов по итогам данного рейтинга бесспорным лидером остается ХМАО – Югра (таблица 2). Регионы, входящие в топ-10, также остаются примерно одними и теми же, а остальные субъекты демонстрируют достаточно неравное развитие. В первую пятерку субъектов, кроме ХМАО, на 2021 год входят Республика Башкортостан, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и Ленинградская область. Данные регионы существенно улучшили свои позиции за счет учета новых показателей развития социального предпринимательства, информационной поддержки и обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере. Кроме того, на этих территориях возросла доля муниципальных образований, реализующих программы поддержки СО НКО и социальных предприятий.

Таблица 2 – Рейтинг регионов РФ по развитости механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, баллов¹⁸

2017	2019	2021
<i>5 регионов-лидеров</i>		
ХМАО – Югра (42,84)	ХМАО – Югра (45,63)	ХМАО – Югра (58,62)
Хабаровский край (37,24)	Пермский край (39,83)	Республика Башкортостан (54,18)
Республика Саха (35,23)	Ярославская обл. (36,8)	Тюменская обл. (52,97)
Самарская обл. (34,67)	ЯНАО (35,58)	ЯНАО (52,55)
Пермский край (32,72)	Хабаровский край (35,11)	Ленинградская обл. (43,61)
<i>5 регионов-аутсайдеров</i>		
Саратовская обл. (10,24)	Чеченская Республика (7,96)	Республика Мордовия (13,23)
Республика Тыва (9,33)	Брянская обл. (7,74)	Владимирская обл. (13,02)
Республика Калмыкия (8,93)	Псковская обл. (6,92)	Республика Тыва (6,31)
Республика Марий Эл (8,01)	Республика Ингушетия (5,1)	Чеченская Республика (4,45)
Чукотский АО (3,28)	Республика Тыва (2,17)	Республика Ингушетия (2,13)

В числе аутсайдеров за весь период составления рейтинга стабильно находятся ряд национальных республик Северного Кавказа, Поволжья и Сибири, а также некоторые регионы Центрального и Северо-Западного федерального округа. Это связано с неразвитостью информационной поддержки рассматриваемых секторов и проблемами с полнотой передачи данных субъектом.

¹⁶ Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. – URL: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

¹⁷ Например, в рейтинге за 2021 г. были добавлены три новых блока показателей, отражающих информационную поддержку негосударственных организаций, работающих в социальной сфере; обеспечение доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере; развитие социального предпринимательства в регионе; внедрение конкурентных способов оказания государственных услуг в социальной сфере. Кроме того, были изменены и некоторые уже используемые индикаторы.

¹⁸ Составлено по: Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (<https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage>).

Необходимо отметить, что у всех регионов в целом потенциал развития механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства очень существенный, поскольку даже многие лидеры рейтинга не дотягивают и до оценки в 50 баллов (из 100). При этом по отдельным показателям между субъектами имеет место значительный разброс в итоговых баллах, так как система поддержки в разрезе регионов сформирована неравномерно. По некоторым индикаторам произошло сокращение представительства регионов. Так, меры поддержки социального предпринимательства на муниципальном уровне в 2020 году оказывались в 45 регионах, а в 2021 году – только в 23. Схожая ситуация наблюдается и в сфере муниципальной поддержки СО НКО (2020 г. – 72 субъекта; 2021 г. – 67). Данные тенденции объясняются усложнением процедуры сбора данных. Помимо этого, в 40 регионах не все социальные предприятия, обратившиеся за поддержкой в центры инноваций социальной сферы или другие объекты инфраструктуры, ее получили. Здесь также отмечается большой разброс. Если в Тюменской и Тульской областях доля социальных предприятий, получивших поддержку, составила 98–99 %, в Камчатском крае и Вологодской области – 43–44 %, то в Республике Ингушетия и Чукотском автономном округе помощь не была предоставлена никому.

В целом можно отметить, что социальное предпринимательство в России в последние пятнадцать лет набирает обороты. В первую очередь, это связано с формированием соответствующей инфраструктуры поддержки, у истоков которой стоял Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»¹⁹, образованный В. Алекперовым в 2007 году. Деятельность Фонда позволила многим социальным предпринимателям не только получить беспроцентные займы, консультации, помощь в реализации продукции и пройти обучение, но и заложить основы определения критериев отнесения проектов к категории социально-предпринимательских.

С 2012 года в регионах страны стали создаваться Центры инноваций социальной сферы (ЦИСС), которые изначально оказывали содействие в получении различных услуг (образовательных, маркетинговых, консультационных, информационных и др.), как социальным предпринимателям, так и СО НКО. С 2020 года через данные структуры можно подать документы на включение в реестр социальных предпринимателей, и только при условии вхождения в него заявитель имеет возможность претендовать на ту или иную поддержку в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы». В частности, социальные предприниматели могут получить гранты в форме субсидий в размере 100–500 тыс. руб. (в Арктической зоне – до 1 млн руб.) при минимальном софинансировании расходов в 25 %²⁰. Помимо этого, проводятся конкурсы продвижения и акселерация проектов социальных предпринимателей, предоставляются сниженные процентные ставки по займам, кредитам, банковским гарантиям, налоговые преференции.

В 2017 году Агентством стратегических инициатив был создан Фонд поддержки социальных проектов, призванный формировать культуру социального предпринимательства, способствовать росту количества организаций и их социального эффекта, содействовать привлечению финансирования, обучению и инфраструктурному развитию среды²¹. Также в России функционируют краудфандинговые платформы для поиска финансирования; комплексные платформы и программы для поиска партнеров; фонды по поддержке социальных инноваций и обеспечению диалога между представителями гражданского общества, бизнеса и государства; организации, оказывающие консультационные услуги, помощь в разработке франшизы, повышении квалификации и т.д.

Значимым фактором становления социального предпринимательства в РФ стало принятие в 2019 году Федерального закона № 245-ФЗ²², закрепившего на официальном уровне статус данного вида экономической деятельности. Более ранние документы (к примеру, Приказы Министерства экономическо-

¹⁹ Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». – URL: <https://www.nb-fund.ru/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁰ Закону о социальном предпринимательстве исполняется три года. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/07/26/akonu-o-sotsialnom-predprinimatelstve-ispolnyaetsya-tri-goda (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²¹ Фонд поддержки социальных проектов. – URL: <https://fundsp.ru/pages/about-us> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²² О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в части закрепления понятий “социальное предпринимательство” и “социальное предприятие”»: федер. закон № 245-ФЗ от 26.07.2019. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/ (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

го развития²³) содержали понятие и некоторые критерии отнесения организаций к разряду социальных предприятий. Однако, по мнению специалистов, они были недостаточно четкими [13, с. 65–67]. Новый закон ограничил социальное предпринимательство рамками малого и среднего бизнеса; определил категории субъектов, которые могут считаться социальными предприятиями; установил порядок внесения сведений в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства и соответствующие меры поддержки. Несмотря на этот важный шаг в развитии законодательства, оно по-прежнему нуждается в совершенствовании. В этом направлении уже предпринимается ряд действий. В частности, с 2022 года индивидуальные предприниматели, имеющие инвалидность, также могут получить статус социального предпринимателя²⁴. Кроме того, некоторые вопросы остаются на усмотрение регионов, которые могут вводить дополнительные условия и меры поддержки. Например, расширить спектр социально уязвимых категорий населения, видов общественно полезной деятельности или социально значимой продукции, регламентированных федеральным законом.

Предоставление возможностей для обучения и повышения квалификации также выступает одним из основных векторов развития социального предпринимательства. Неслучайно этому аспекту уделяется большое внимание как в российской, так и в международной науке и практике [14; 15]. Значимость образования осознается и самими социальными предпринимателями, что подтверждается данными опроса НАФИ, проведенного в начале 2021 года: каждый второй из них отметил наличие в планах прохождения дополнительного обучения в течение ближайшего года²⁵. В данном отношении реализуются краткосрочные и долгосрочные образовательные интенсивы на базе ЦИСС и иной инфраструктуры, а в ряде регионов – образовательные программы в области социального предпринимательства в организациях профессионального образования. В 2022 году в рамках деятельности Международной школы бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации был открыт Центр развития социального предпринимательства, на базе которого планируется осуществлять не только оценку функционирования региональных ЦИСС и социальных предпринимателей, но и подготовку/переподготовку по программам дополнительного профессионального образования в области социального предпринимательства²⁶.

В то же время эксперты и представители ЦИСС отмечают, что, в первую очередь, существующая инфраструктура ориентирована на предоставление нефинансовой поддержки (образовательной, консультационной, информационной и т.д.)²⁷. Однако, как показывает практика, ключевой проблемой для социальных предпринимателей в России является привлечение финансирования [16]²⁸. И именно поэтому чаще всего они обращаются в различные организации за помощью. Вероятно, та ситуация, когда социальные предприниматели не подтверждают свой статус повторно, отчасти обусловлена тем, что они сталкиваются с неполучением ожидаемой поддержки. Об этом свидетельствуют и данные рейтинга регионов по развитости механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, приведенные выше. Все это вкупе с региональными различиями в институциональной среде и предоставлении той или иной помощи приводит к неравномерности развития социального предпринимательства на территории России.

²³ Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Министерства экономического развития РФ от 24 апреля 2013 г. № 220. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70269330/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁴ Индивидуальные предприниматели с инвалидностью смогут получить статус социальных. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/10/28/individualnye-predprinimateli-s-invalidnostyu-smogut-poluchit-status-soczialnyh/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁵ Привлечение финансирования – ключевой запрос социальных предпринимателей. – URL: <https://nafi.ru/analytics/privlechenie-finansirovaniya-klyuchevoj-zapros-sotsialnykh-predprinimateley/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁶ Центр развития социального предпринимательства открыл свои двери в Финуниверситете. – URL: <https://isb.fa.ru/tpost/3i9dp41v61-tsentr-razvitiya-sotsialnogo-predprinima> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁷ Сергей Голубев: В социальном предпринимательстве есть большие возможности заработать. – URL: <https://opora.ru/news/sergey-golubev-v-sotsialnom-predprinimatelstve-est-bolshie-vozmozhnosti-zarabotat.html> (дата обращения: 23.12.2022); Бизнес для людей: как социальные предприниматели меняют жизнь Петербурга, и кто им в этом помогает. – URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27479.5/4686908/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

²⁸ Привлечение финансирования – ключевой запрос социальных предпринимателей. – URL: <https://nafi.ru/analytics/privlechenie-finansirovaniya-klyuchevoj-zapros-sotsialnykh-predprinimateley/> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

В связи с этим Комиссией по социальному предпринимательству «ОПОРА РОССИИ» в 2021 году был разработан региональный стандарт развития социального предпринимательства, направленный на «повышение качества жизни за счет расширения предложения социально значимых услуг и создания условий для трудоустройства социально незащищенных групп населения»²⁹. В документе представлены управленческие практики, ориентированные на вовлечение в социальное предпринимательство, его ресурсное обеспечение и доступ к рынкам сбыта, снижение административных барьеров. Показателем внедрения Стандарта на территории субъекта РФ является реализация не менее 75 % входящих в него практик. В настоящий момент Стандарт в пилотном режиме работает в ХМАО – Югра, Хабаровском и Приморском краях, Новгородской, Курганской и Астраханской областях. Лидером в данном случае выступает ХМАО – Югра, что представляется закономерным, учитывая неизменные первые позиции региона в рейтинге развитости механизмов поддержки. По оценкам специалистов, успешность внедрения практик во многом определяется наличием/отсутствием диалога с органами власти, включенностью НКО в данный процесс³⁰. Важность установления взаимодействия между заинтересованными сторонами была выявлена и в ходе экспертного опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2019 году в субъектах Северо-Западного федерального округа. Так, социальные предприниматели отметили трудности поиска взаимных интересов и точек соприкосновения с другими акторами, отсутствие осознания потребности в сотрудничестве, низкий уровень информированности о деятельности разных сторон и, как следствие, непонимание проблем, с которыми им приходится иметь дело [17, с. 76, 77]. Поэтому одной из ключевых задач развития российского социального предпринимательства является налаживание межсекторального взаимодействия в целях преодоления стоящих перед обществом вызовов.

Заключение

Таким образом, социальное предпринимательство выступает механизмом реализации социальных инноваций и важным инструментом решения общественных проблем. В этой связи в разных регионах мира поддержка социального предпринимательства является одним из векторов государственной и корпоративной политики. В то же время в силу особенностей конкретной социально-экономической, культурной, институциональной среды темпы развития данной сферы отличаются. Проведенный анализ показал, что Россия в плане формирования благоприятных условий для становления социального предпринимательства отстает от мировых лидеров (Канада, Австралия, Франция и др.), что приводит к более медленному и менее системному развитию. В разрезе субъектов РФ также наблюдается неравномерность в масштабах сектора, связанная с региональными различиями соответствующего микроклимата.

В общем и целом можно констатировать наличие ряда позитивных аспектов в развитии социального предпринимательства в стране: формирование законодательных основ, создание инфраструктуры поддержки, предоставление субсидий и грантов, разработка образовательных программ и т.д. Однако при этом сохраняется потребность в совершенствовании этих направлений, поскольку имеются неучтенные моменты в нормативно-правовой базе, на практике возникают трудности с получением тех или иных видов поддержки (особенно финансовой), отмечается неосведомленность о деятельности рассматриваемого сектора и его проблемах и др. Кроме того, как было обозначено выше, регионы РФ дифференцированы по условиям развития социального предпринимательства.

Представляется целесообразным упростить механизм получения государственной поддержки; усилить работу по информированию общественности о значимости, целях и эффектах социального предпринимательства; активизировать построение диалога со всеми заинтересованными сторонами. Необходимо объединить усилия в направлении формирования благоприятной экосистемы для социального предпринимательства, стимулирующей создание новых организаций и развитие уже функционирующих, что будет способствовать решению проблем развития территорий.

²⁹ Региональный стандарт развития социального предпринимательства. – URL: <https://opora.ru/upload/iblock/475/475ecfbf5b1bf722bd81d9136ffc5e60.pdf> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

³⁰ Сергей Голубев провел рабочее совещание по внедрению региональной модели развития социального предпринимательства. – URL: <https://opora.ru/news/sergey-golubev-provel-rabochee-soveshchanie-po-vnedreniyu-regionalnoy-modeli-razvitiya-sotsialnogo-p.html> (дата обращения: 23.12.2022). – Текст: электронный.

Список литературы

1. *Amanatidou E., Cox D., Gagliardi D.* Social Engagement: towards a Typology of Social Innovation // MIOIR/MBS Working Paper Series – Working Paper. – 2018. – Vol. 82. – 39 p. – DOI 10.13140/RG.2.2.28787.84002.
2. *Phills J. A., Deiglmeier K., Miller D. T.* Rediscovering Social Innovation // Stanford Social Innovation Review. – 2008. – Vol. 6 (4). – P. 34–43.
3. *Segarra-Óna M., Peiro-Signes A., Albors-Garrigos J., Miguel-Molina B.D.* Testing the social innovation construct: An empirical approach to align socially oriented objectives, stakeholder engagement, and environmental sustainability // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. – 2017. – Vol. 24 (1). – P. 15–27. – DOI 10.1002/csr.1388.
4. *Соловьева Т.С.* Социальное предпринимательство как проводник социальных инноваций в современной экономике // Вестник МИРБИС. – 2022. – № 2 (30). – С. 165–178. – DOI 10.25634/MIRBIS.2022.2.17.
5. *Соловьева Т.С.* Роль социальных инноваций в решении социальных проблем: опыт России и Беларуси // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 3 (80). – С. 92–103.
6. *Morris M.H., Santos S.C., Kuratko D.F.* The great divides in social entrepreneurship and where they lead us // Small Business Economics. – 2020. – Vol. 57 (2). – P. 1089–1106. – DOI 10.1007/s11187-020-00318-y.
7. *Morales A., Calvo S., Guaita Martínez J.M., Martín Martín J.M.* Hybrid forms of business: understanding the development of indigenous social entrepreneurship practices // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 124. – P. 212–222. – DOI 10.1016/J.JBUSRES.2020.11.060.
8. *Wang W.* Toward Economic Growth and Value Creation Through Social Entrepreneurship: Modelling the Mediating Role of Innovation // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – P. 914700. – DOI 10.3389/fpsyg.2022.914700.
9. *Колодняя Г.В.* Формирование института социального предпринимательства в современной России // Теоретическая экономика. – 2022. – № 2. – С. 44–52. – DOI 10.52957/22213260_2022_2_44.
10. *Аргунова В.Н., Нурутдинова А.Н., Чупина А.О.* Женский взгляд на социальное предпринимательство: опыт регионального социологического исследования // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 2. – С. 124–127.
11. *Конягина М.Н., Краснопевецова М.* Молодежь и социальное предпринимательство в России // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 159–172. – DOI 10.18334/rp.20.1.39769.
12. *Омельченко Е.Ю.* Мотивация молодёжного предпринимательства в условиях современного мегаполиса: маг. дис. – Екатеринбург: УрФУ им. Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, 2021. – 108 с.
13. *Гришина Я.С.* Инновационно-правовое регулирование поддержки социального предпринимательства в сфере среднего и малого бизнеса // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 63–69.
14. *Рожнёва И.В.* Теоретический анализ подходов к определению компетентности в области социального предпринимательства // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. – 2021. – № 199. – С. 225–234. – DOI 10.33910/1992-6464-2021-199-7225-234.
15. *Amini Z., Arasti Z., Bagheri A.* Identifying social entrepreneurship competencies of managers in social entrepreneurship organizations in healthcare sector // Journal of Global Entrepreneurship Research. – 2018. – Vol. 8. – Article 19. – P. 1–14. – DOI 10.1186/s40497-018-0102-x.
16. *Назарова И.Б.* Социальные предприятия: запрос на поддержку // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 144–148. – DOI 10.31857/S013216250020401-4.
17. *Соловьева Т.С.* Развитие социальных инноваций: проблемы и перспективы взаимодействия региональных стейкхолдеров // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 1 (32). – С. 70–78.

References

1. *Amanatidou E., Cox D., Gagliardi D.* Social Engagement: towards a Typology of Social Innovation // MIOIR/MBS Working Paper Series – Working Paper. – 2018. – Vol. 82. – 39 p. – DOI 10.13140/RG.2.2.28787.84002.
2. *Phills J.A., Deiglmeier K., Miller D.T.* Rediscovering Social Innovation // Stanford Social Innovation Review. – 2008. – Vol. 6 (4). – P. 34–43.

3. *Segarra-Ōna M., Peiro-Signes A., Albors-Garrigos J., Miguel-Molina B.D.* Testing the social innovation construct: An empirical approach to align socially oriented objectives, stakeholder engagement, and environmental sustainability // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. – 2017. – Vol. 24 (1). – P. 15–27. – DOI 10.1002/csr.1388.
4. *Solov'eva T.S.* Social'noe predprinimatel'stvo kak provodnik social'nyh innovacij v sovremennoj ekonomike // *Vestnik MIRBIS*. – 2022. – № 2 (30). – S. 165–178. – DOI 10.25634/MIRBIS.2022.2.17.
5. *Solov'eva T.S.* Rol' social'nyh innovacij v reshenii social'nyh problem: opyt Rossii i Belarusi // *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*. – 2017. – № 3 (80). – S. 92–103.
6. *Morris M.H., Santos S.C., Kuratko D.F.* The great divides in social entrepreneurship and where they lead us // *Small Business Economics*. – 2020. – Vol. 57 (2). – R. 1089–1106. – DOI 10.1007/s11187-020-00318-y.
7. *Morales A., Calvo S., Guaita Martınez J.M., Martın Martın J.M.* Hybrid forms of business: understanding the development of indigenous social entrepreneurship practices // *Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 124. – P. 212–222. – DOI 10.1016/J.JBUSRES.2020.11.060.
8. *Wang W.* Toward Economic Growth and Value Creation Through Social Entrepreneurship: Modelling the Mediating Role of Innovation // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – P. 914700. – DOI 10.3389/fpsyg.2022.914700.
9. *Kolodnyaya G.V.* Formirovanie instituta social'nogo predprinimatel'stva v sovremennoj Rossii // *Teoreticheskaya ekonomika*. – 2022. – № 2. – S. 44–52. – DOI 10.52957/22213260_2022_2_44.
10. *Argunova V.N., Nurutdinova A.N., Chupina A.O.* Zhenskij vzglyad na social'noe predprinimatel'stvo: opyt regional'nogo sociologicheskogo issledovaniya // *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. – 2020. – № 2. – S. 124–127.
11. *Konyagina M.N., Krasnopevceva M.* Molodezh' i social'noe predprinimatel'stvo v Rossii // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. – 2019. – T. 20, № 1. – S. 159–172. – DOI 10.18334/rp.20.1.39769.
12. *Omel'chenko E.Yu.* Motivaciya molodyozhnogo predprinimatel'stva v usloviyah sovremennogo megapolisa: mag. dis. – Ekaterinburg: UrFU im. B.N. El'cina, Ural'skij gumanitarnyj institut, 2021. – 108 s.
13. *Grishina Ya.S.* Innovacionno-pravovoe regulirovanie podderzhki social'nogo predprinimatel'stva v sfere srednego i malogo biznesa // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. – 2014. – № 3. – S. 63–69.
14. *Rozhnyova I.V.* Teoreticheskij analiz podhodov k opredeleniyu kompetentnosti v oblasti social'nogo predprinimatel'stva // *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gercena*. – 2021. – № 199. – S. 225–234. – DOI 10.33910/1992-6464-2021-199-7225-234.
15. *Amini Z., Arasti Z., Bagheri A.* Identifying social entrepreneurship competencies of managers in social entrepreneurship organizations in healthcare sector // *Journal of Global Entrepreneurship Research*. – 2018. – Vol. 8. – Article 19. – P. 1–14. – DOI 10.1186/s40497-018-0102-x.
16. *Nazarova I.B.* Social'nye predpriyatiya: zapros na podderzhku // *Sociologicheskije issledovaniya*. – 2022. – № 11. – S. 144–148. – DOI 10.31857/S013216250020401-4.
17. *Solov'eva T.S.* Razvitie social'nyh innovacij: problemy i perspektivy vzaimodejstviya regional'nyh stekholderov // *Upravlenie ustojchivym razvitiem*. – 2021. – № 1 (32). – S. 70–78.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Садыков Марат Альбертович¹,
e-mail: 70166321@onlaine.muiiv.ru,

Суптело Наталья Петровна¹,
канд. экон. наук, доцент,
e-mail: nsuptelo@muiiv.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В данной статье рассматриваются последствия государственной поддержки системы малого и среднего бизнеса. В российской экономике проблема развития малого предпринимательства на протяжении многих лет остается крайне актуальной. В статье анализируются результаты введения специальных налоговых режимов как с точки зрения развития малого и среднего предпринимательства (МСП), так и с позиций фискальной системы государства. С использованием методов статистического анализа, синтеза, систематизации авторы настоящей статьи провели исследование реакции субъектов МСП на внедрение льготных режимов налогообложения. В результате выявлены популярные и непопулярные в среде МСП специальные налоговые режимы. Определена доля поступлений от применения специальных налоговых режимов в бюджет. Авторы предлагают свою систему показателей эффективности налоговой поддержки малого предпринимательства: структура субъектов МСП; налоговая нагрузка, поступления налоговых платежей в бюджет. Проведенный анализ форм статистической налоговой отчетности позволил авторам выявить динамику реакции малого и среднего бизнеса на введенные специальные налоговые режимы через анализ вышеприведенных показателей и определить эффективность государственной политики поддержки МСП в части его налоговой поддержки.

Ключевые слова: специальный налоговый режим, малое и среднее предпринимательство, МСП

THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF SPECIAL TAX REGIMES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES

Sadykov M.A.¹,
e-mail: 70166321@onlaine.muiiv.ru,

Suptelo N.P.¹,
candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: nsuptelo@muiiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article describes the consequences of state support for the system of small and medium-sized businesses. In the Russian economy, the problem of small business development has remained extremely relevant for many years. The article analyzes the results of the introduction of special tax regimes both from the point of view of the development of small and medium-sized enterprises (SMEs) and from the standpoint of the fiscal system of the state. Using the methods of statistical analysis, synthesis, systematization, the authors of this article conducted a study of the reaction of SMEs to the introduction of preferential tax regimes. As a result, special tax regimes that are popular and unpopular among SMEs have been identified. The share of revenues from the application of special tax regimes to the budget has been determined. The authors propose their own system of indicators of the effectiveness of tax support for small businesses: the structure of SMEs; tax burden, receipts of tax payments

to the budget. The analysis of statistical tax reporting forms allowed the authors to identify the dynamics of the reaction of small and medium-sized businesses to the introduced special tax regimes through the analysis of the above indicators and to determine the effectiveness of the state policy of SME support in terms of its tax support.

Keywords: special tax regime, small and medium-sized enterprises, SMEs

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-53-60

Введение

Как показывает мировой опыт, механизмы налогового стимулирования являются эффективными рычагами экономического воздействия на разные сектора экономики. Налоговое стимулирование предпринимательства выражается, в первую очередь, через возможности применения специальных налоговых режимов. Разнообразие налоговых режимов позволяет налогоплательщикам выбрать наиболее подходящий вариант для своего вида деятельности.

В экономической литературе исследуются различные аспекты государственного регулирования малого и среднего предпринимательства: механизм регулирования [1; 2], средства и методы регулирования [3; 4], влияние МСП на региональное развитие [5] и т.д. Экономисты отмечают, что эффективность государственного регулирования проявляется в уровне развития экономических, политических, социальных, административных и культурно-духовных процессов, а также в безопасности и благосостоянии граждан [6]. При этом вопросы количественного анализа последствий применения специальных налоговых режимов мало исследованы.

Результаты исследования

1. Возможности налогообложения малого и среднего предпринимательства при использовании специальных налоговых режимов

В Российской Федерации в качестве налоговой меры поддержки предпринимательства выступают специальные налоговые режимы. Благодаря облегченному порядку и учету налогообложения, специальные налоговые режимы являются наиболее привлекательными системами для хозяйствующих субъектов.

Под налогоплательщиками специальных налоговых режимов понимаются как юрлица, так и индивидуальные предприниматели, и физические лица – плательщики налога на профессиональный доход.

В зависимости от характера деятельности, согласно пункту 2 статьи 18 НК РФ, налогоплательщик может выбрать себе наиболее подходящий налоговый режим, а именно:

- 1) упрощенную систему налогообложения – УСН;
- 2) единый сельскохозяйственный налог – ЕСХН;
- 3) патентную систему налогообложения – ПСН;
- 4) налог на профессиональный доход – НПД.

Можно констатировать, что применение специальных налоговых режимов для юридических лиц весьма ограничено, так, они не могут применять патентную систему налогообложения, а также налог на профессиональный доход.

Согласно данным статистической отчетности, к числу самого непопулярного специального налогового режима относится единый сельскохозяйственный налог. При общем числе налогоплательщиков в 8 608 225 единиц, на долю применяющих ЕСХН приходится 1 % от общего количества налогоплательщиков или 94 633 единиц (рисунок 1). При этом из них на долю индивидуальных предпринимателей и фермерских хозяйств приходится 75 349 единиц, а на долю юридических лиц – 19 284 единиц. Столь малое количество налогоплательщиков можно объяснить спецификой самого налога. Согласно статье 346.2 НК РФ, ЕСХН могут применять налогоплательщики с долей доходов от основной сельскохозяйственной деятельности или оказания услуг товаропроизводителям более 70 процентов.

Что касается патентной системы налогообложения, то относительно большое количество выбирающих её налогоплательщиков (1 264 591 или 14,69 %) обуславливается удобством самого налога, которой позволяет лицам, применяющим ПСН, заниматься деятельностью без лишнего документооборота.

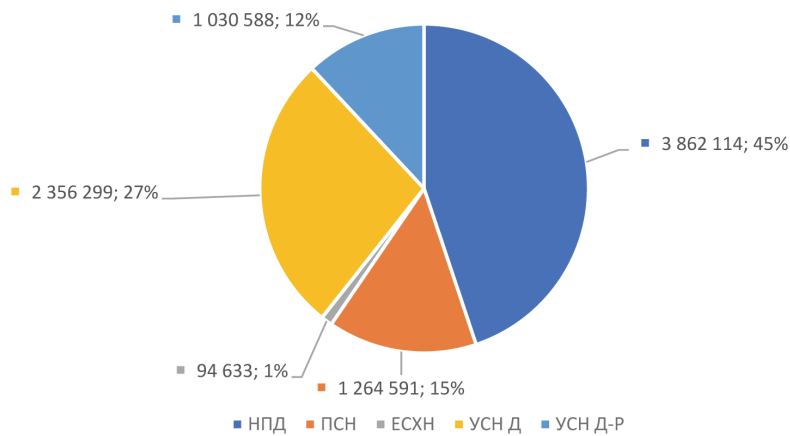

Рисунок 1 – Количество налогоплательщиков в разрезе применяемых специальных налоговых режимов, ед. и %¹

Далее рассмотрим долю поступлений от применения специальных налоговых режимов в бюджет (рисунок 2). Согласно данным отчета Федеральной налоговой службы 1-НМ², видно, что наибольшее количество поступлений приходится на УСН «Доходы» и УСН «Доход минус расход». Так, их доля составляет от поступления других единых налогов 61,63 % и 27,44 % соответственно. Режимы, приносящими меньше всего доходов в бюджет, являются ЕСХН и ПСН. На их долю приходится примерно одинаковое количество налоговых доходов, несмотря на кратное превосходство ПСН в части количества налогоплательщиков. На долю НПД в 2020 году приходится около 3,62 %.

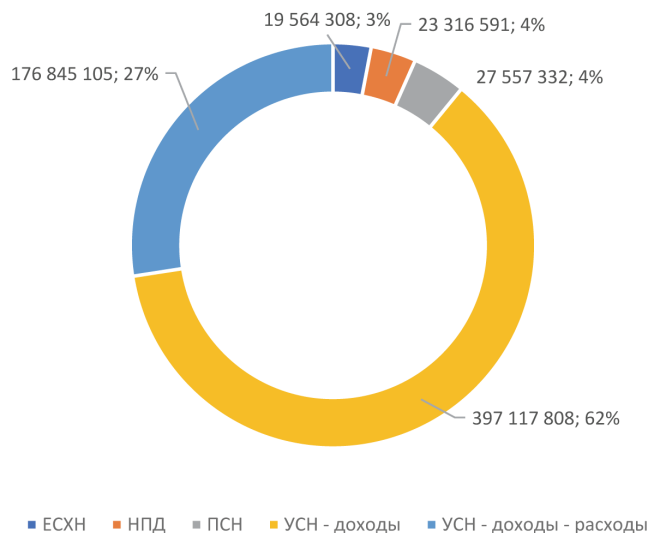

Рисунок 2 – Доля поступлений по специальным налоговым режимам в бюджет Российской Федерации за 2021 год, тыс. руб. и %³.

¹ Составлено авторами по данным форм статистической налоговой отчетности 5-УСН, 5-ЕСХН, 1-Патент (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10973378/), а также по данным, полученным из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (<https://ofd.nalog.ru/index.html>).

² Форма статистической налоговой отчетности 1-НМ. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10973378/ (дата обращения: 30.10.2022). – Текст: электронный.

³ Составлено авторами по данным форм статистической налоговой отчетности 1-НМ (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_

Превалирующие поступления от упрощенной системы налогообложения объясняются тем, что УСН выступает в качестве наиболее универсального специального налогового режима, поскольку не предусматривает ограничений по видам деятельности (за исключением организаций с филиалами, кредитных организаций и некоторых других). Остальные же налоговые режимы обладают строгими количественными и качественными ограничениями [7].

Таким образом, на основании анализа количества налогоплательщиков, а также поступлений в бюджет от применения специальных налоговых режимов, в рамках работы были выделены режимы (УСН, ПСН и НПД), выступающие как наиболее распространенные режимы среди субъектов предпринимательства.

УСН – наиболее распространенный специальный налоговый режим, заменяющий по своей сути несколько налогов. Данный режим регламентируется главой 26.2 НК РФ, а также региональными нормативно-правовыми актами.

2. Оценка эффективности применения специальных налоговых режимов

Затрагивая вопрос эффективности налоговой поддержки, необходимо определить, в какой форме она выражается. Так, эффективность налоговой поддержки предпринимательства выражается в:

- 1) структуре субъектов МСП;
- 2) налоговой нагрузке;
- 3) поступлениях налоговых платежей в бюджет.

Положение о налоговых льготах (налоговых каникулах) по УСН определяется статьей 346.20 НК РФ. Пунктом 4 данной статьи предусмотрено, что индивидуальные предприниматели, выбравшие объект налогообложения в виде доходов или в виде доходов, уменьшенных на величину расходов, впервые зарегистрированные после вступления в силу указанных законов и осуществляющие предпринимательскую деятельность в производственной, социальной и(или) научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению и услуг по предоставлению мест для временного проживания, могут применять ставку 0 %⁴. При этом доля доходов от основного вида деятельности не должна быть меньше 70 % от общего объема доходов.

Аналогично налоговые каникулы могут получить и налогоплательщики на ПСН в рамках п. 3 ст. 346.50 НК РФ. Виды предпринимательской деятельности, в отношении которых вновь зарегистрированные ИП применяют налоговую ставку 0 %, определяют на основании ОКВЭД.

Для анализа эффективности налоговых каникул обратимся к рисунку 3, где сопоставляются действующие предприятия, применяющие УСН и ПСН. Данная выборка состоит из двух регионов: городов Москвы и Санкт-Петербурга, так как именно в этих регионах в 2021 году не были продлены налоговые каникулы, а также пониженные налоговые ставки.

Необходимо отметить, что в период 2016–2021 годов происходит уменьшение количества юридических лиц в противовес увеличению количества индивидуальных предпринимателей. Такая ситуация объясняется тем, что многим предпринимателям стало выгодней регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, нежели образовывать юридическое лицо.

За период 2014–2021 годов прогрессирует тенденция прекращения деятельности юридических лиц, при кратном увеличении количества индивидуальных предпринимателей. До 2016 года наблюдаются положительные темпы роста предпринимательской активности с примерно равным количеством юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Однако начиная с 2016 года, когда начали действовать положения о налоговых каникулах в регионах, происходит стремительный отток юридических лиц, который продолжается вплоть до 2021 года. Стоит отметить, что с 2016 года общее количество зарегистрированных предприятий существенно отстает от предприятий, прекративших деятельность, что также подтверждает мнение о постепенном уменьшении количества субъектов предпринимательства.

Таким образом, можно предположить, что налоговое послабление в виде налоговых каникул не стимулирует граждан открыть и попробовать себя в малом предпринимательстве, а, скорее, ставит одну организационную форму в более выгодное положение, чем другую.

activities/statistics_and_analytics/forms/10973378/).

⁴ Гарант. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10900200/paragraph/1:0/> (дата обращения: 03.11.2022). – Текст: электронный.

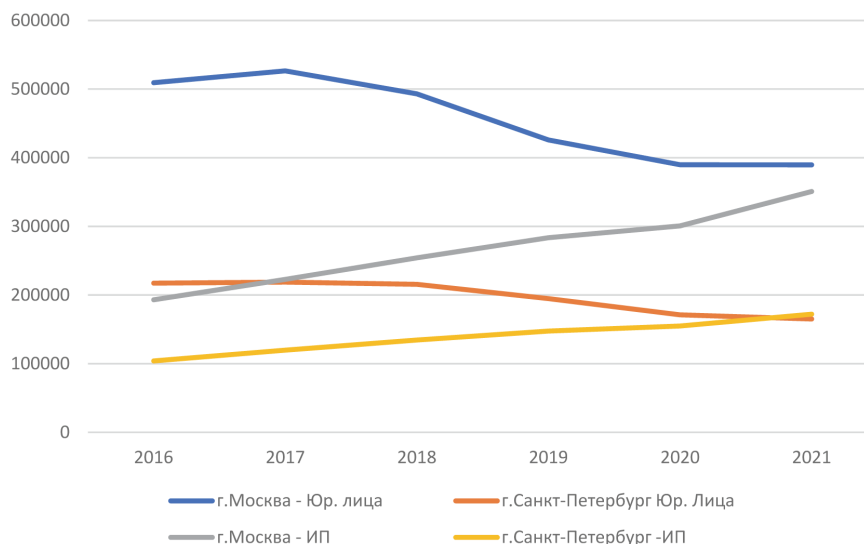

Рисунок 3 – Динамика действующих юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, применяющих УСН и ПСН, ед.⁵

Рассматривать налоговую нагрузку целесообразно без учета таких специальных налоговых режимов, как ПСН и НПД, так как в их случаях налоговая нагрузка будет практически неизменно низкой.

ФНС России был проведен сравнительный расчет налоговой нагрузки типовых предприятий на ОСН и УСН, по результатам которого можно сказать, что налоговая нагрузка предприятия на ОСН составляет 7,6 % (1,8 % – налог на прибыль организаций; 5,8 % – налог на добавленную стоимость), а, в свою очередь, нагрузка предприятия на УСН:

- 1) по доходу – 3,0 %;
- 2) по доходу минус расходы – 2,2 %.

Стоит отметить, что при исследовании ФНС за основу брали модель прибыльного предприятия без осуществления внешнеэкономической деятельности с использованием одной ставки по НДС, а также с отсутствием обязательства по кредитам.

Однако если налогоплательщик выбрал объект налогообложения в виде доходов, уменьшенных на величину расходов, то при превышении минимального налога величины исчисленного налога к уплате подлежит первый. Данная норма противоречит принципу справедливости налогообложения в части, что минимальный налог возложен на экономически слабые хозяйствующие субъекты.

Таким образом, при образовании у налогоплательщика убытка на общей системе налогообложения – он будет в более выгодной ситуации, так как предприятие не будет уплачивать налог на прибыль организаций, а также не является плательщиком минимального налога.

Изначально поступления от минимального налога перечислялись в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации по нормативу 60 %, которые покрывали расходы на пенсионное обеспечение, а в оставшейся части другие социальные взносы. На сегодняшний день эту функцию полностью переняли на себя страховые взносы, в то время как минимальный налог в полном объеме перечисляется в бюджет субъекта РФ, что приводит к потере его первоначального смысла.

Рассмотрев налоговую нагрузку по формам налоговой отчетности 5-П, 5-УСН (таблица 1), можно констатировать, что в изоляции от НДС налоговая нагрузка по налогу на прибыль организаций существенно ниже, чем налоговая нагрузка предприятий на упрощенной системе. Также в разрезе УСН можно заметить, что индивидуальные предприниматели подвергаются большей налоговой нагрузке, нежели организации на аналогичной системе налогообложения. Это можно объяснить тем, что у уже существующих организаций есть накопленный опыт в налоговой оптимизации, чего у впервые созданного предприятия нет.

⁵ Составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы: официальный сайт (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

Таблица 1 – Налоговая нагрузка по формам статистической налоговой отчетности 5-П, 5-УСН – 2020 г.⁶

Параметры	ОСН	УСН «Доходы»		УСН «Доходы минус расходы»	
		Организации	Индивидуальные предприниматели	Организации	Индивидуальные предприниматели
Налоговая нагрузка, %	0,80	3,63	4,00	1,06	1,47
Доходы от реализации и внереализационные, тыс. руб.	470 478 476 923	3 782 593 997	5 654 783 963	7 701 419 425	2 765 448 718
Сумма налога, подлежащего к уплате, тыс. руб.	3 749 258 660	137 143 477	226 227 631	81 993 154	40 547 428
Минимальный налог, тыс. руб.	×	×	×	32 956 567	7 570 835

Проводя анализ поступлений от специальных налоговых режимов, обратимся к таблице 2. Так, за период 2015–2021 годов налоговые доходы увеличились на 106,9 %. В свою очередь, доходы от применения специальных налоговых режимов увеличились на 133,1 % при изменчивом количестве субъектов малого предпринимательства за период 2017–2021 годов. При этом значительно увеличились поступления от упрощенной системы налогообложения – 181,9 %. Следует отметить эффективность нового специального налогового режима – НПД, поступления от которого относительно близки к поступлениям от ПСН и составляют 21,32 млрд руб. и 36,77 млрд руб. соответственно.

Таблица 2 – Поступление от специальных налоговых режимов в консолидированный бюджет России, млрд руб.⁷

Показатели	Годы						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Общее количество субъектов МП	5380,7	5845,4	6018,9	6022,4	5899,9	5666,9	5848,7
Налоговые доходы всего	13 787,8	14 482,4	17 343,2	21 328,3	22 737,0	21 013,9	28 530,8
Специальные налоговые режимы	337,96	368,95	427,04	499,12	572,97	570,76	787,74
В т. ч.: УСН	254,16	287,07	345,22	422,19	492,88	502,14	715,93
ПСН	5,29	7,56	11,19	12,47	13,92	13,30	36,77
ЕНВД	78,51	74,33	70,63	64,46	65,03	52,02	13,71
НПД	–	–	–	–	1,14	3,31	21,32

При этом поступления в бюджет по специальным налоговым режимам составляют менее 3 % процентов от общего количества налоговых доходов на протяжении всего исследуемого периода.

Таким образом, особого внимания заслуживает налоговое стимулирование предпринимательства, поскольку наблюдается снижение числа субъектов предпринимательства, что крайне отрицательно влияет на экономический рост, увеличивает уровень безработицы и дифференциации экономического развития регионов.

Заключение

В ходе анализа выявлено, что в случае, если налогоплательщик несет убытки, находясь при этом на общей системе налогообложения, то он оказывается в более выгодном положении, чем аналогичный налогоплательщик при упрощенной системе налогообложения, так как для последнего установлен минимальный налог.

Также можно сделать вывод, что предоставление налоговых преференций в виде ставки 0 % для впервые созданных ИП, а также пониженной налоговой ставки не стимулирует граждан к образованию

⁶ Составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности Федеральной налоговой службы: официальный сайт (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

⁷ Составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности Федеральной налоговой службы: официальный сайт (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/), а также по данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства: официальный сайт (<https://ofd.nalog.ru/index.html>).

новых предприятий. Данная налоговая преференция вызвала у налогоплательщиков рентоориентированное поведение, делая одну организационную форму более привлекательной, чем другая. Таким образом, был вызван систематический отток налогоплательщиков – юридических лиц и кратный прирост налогоплательщиков – индивидуальных предпринимателей. Институт налоговых льгот должен соответствовать основным принципам налогообложения, таким как нейтральность, эффективность, простота, и не должен подрывать фискальную функцию налогов.

Анализ фискальной функции специальных налоговых режимов позволил увидеть, что, несмотря на преференцию в виде нулевой налоговой ставки, а также систематическое уменьшение числа налогоплательщиков, поступления в консолидированный бюджет практически не изменялись и составляют около 3 % от всех поступлений, что позволяет сделать вывод, что основные налоговые поступления идут от более крупных и устойчивых субъектов предпринимательства.

Таким образом, ситуация по малому предпринимательству ни качественно, ни количественно, несмотря на ввод новых налогов, отмену старых и общее развитие налоговой системы, не изменяется.

Учитывая изложенные выводы, необходимо разработать налоговые новации, которые позволят дополнительно простимулировать субъекты предпринимательства, в том числе вновь зарегистрированных предпринимателей.

Список литературы

1. Бочков П.В. Проблемы налогового стимулирования и применения налоговых льгот для юридических лиц // Экономика и предпринимательство. – 2020. – URL: <https://science.urfu.ru/publications/проблемы-налогового-стимулирования-и-применения-налоговых-льгот> (дата обращения: 17.11.2022). – Текст: электронный.
2. Руденко Л.Г. Механизм инновационной инфраструктуры поддержки развития малого предпринимательства // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2019. – № 1. – С. 64–71.
3. Старкова О.Я. Специальные налоговые режимы в налоговых доходах бюджета // Финансовая экономика. – 2018. – № 9. – С. 151–154.
4. Дзобелова В.Б. Патентная система налогообложения: преимущества и недостатки // Подольский научный вестник. – 2020. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42626521_81587960.pdf (дата обращения: 18.11.2022). – Текст: электронный.
5. Коновалов В.Н. Влияние специальных налоговых режимов на развитие малого предпринимательства в регионе // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 5-1 (63). – С. 214–218. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10409.
6. Ионина С.Н., Кононович Е.Е. Проблемы применения специальных налоговых режимов в Российской Федерации // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: материалы X Межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов (г. Барнаул, 18 апреля 2017 г.) / гл. ред. И.А. Панарин; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Алтайский филиал. – Барнаул: Азбука, 2017. – С. 83, 84.
7. Баранова Л.Г., Федорова В.С. Специальные налоговые режимы – спасательный круг для малого бизнеса? // Бюллетень результатов научных исследований. – 2021. – № 3. – С. 115–125.

References

1. Bochkov P.V. Problemy nalogovogo stimulirovaniya i primeneniya nalogovyh l'got dlya yuridicheskikh lic // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2020. – URL: <https://science.urfu.ru/publications/problemy-nalogovogo-stimulirovaniya-i-primeneniya-nalogovyh-l'got> (data obrashcheniya: 17.11.2022). – Tekst: elektronnyj.
2. Rudenko L.G. Mekhanizm innovacionnoj infrastruktury podderzhki razvitiya malogo predprinimatel'stva // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya). – 2019. – № 1. – S. 64–71.
3. Starkova O.Ya. Special'nye nalogovye rezhimy v nalogovyh dohodah byudzheta // Finansovaya ekonomika. – 2018. – № 9. – S. 151–154.
4. Dzobelova V.B. Patentnaya sistema nalogooblozheniya: preimushchestva i nedostatki // Podol'skij nauchnyj vestnik. – 2020. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42626521_81587960.pdf (data obrashcheniya: 18.11.2022). – Tekst: elektronnyj.

5. *Konovalov V.N.* Vliyanie special'nyh nalogovyh rezhimov na razvitie malogo predprinimatel'stva v regione // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika.* – 2020. – № 5-1 (63). – S. 214–218. – DOI 10.24411/2411-0450-2020-10409.
6. *Ionina S.N., Kononovich E.E.* Problemy primeneniya special'nyh nalogovyh rezhimov v Rossijskoj Federacii // *Rossiya v XXI veke: strategiya i taktika social'no-ekonomicheskikh, politicheskikh i pravovyh reform: materialy X Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i aspirantov (g. Barnaul, 18 aprelya 2017 g.)* / gl. red. I.A. Panarin; Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri prezidente Rossijskoj Federacii, Altajskij filial. – Barnaul: Azbuka, 2017. – S. 83, 84.
7. *Baranova L.G., Fedorova V.S.* Special'nye nalogovye rezhimy – spasatel'nyj krug dlya malogo biznesa? // *Byulleten' rezul'tatov nauchnyh issledovanij.* – 2021. – № 3. – S. 115–125.

APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES FOR THE PURPOSES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Kamyshnikov I.N.¹,

e-mail: ivankamyshnikov@outlook.com,

¹Revealbot INC, Walnut, the USA

The article examines the relevance of the problem of using and implementing innovations to achieve sustainable development in the context of international experience. The link between digitalization and sustainable development is an important aspect of the development of the IT sector, especially in light of the development of technologies such as artificial intelligence. Two areas of application of innovative technologies are distinguished: blockchain and the use of new IT technologies in medicine. Blockchain technology is actively used in the field of environmental monitoring. An innovative project, Planetwatch, is being analyzed, the purpose of which is to improve the quality of monitoring of environmental pollution. Attention is paid to the development of Internet technologies related to digital health. Developing projects Botkin.AI – a software platform for diagnosing and assessing the risk of diseases using artificial intelligence technologies and Artiness – an innovative startup that offers augmented reality solutions used in the field of medicine are analyzed. Shift towards digital health means complementing e-health capabilities with analytic and mathematical medical data processing and smart modules that provide new quality of care, including support for medical decision-making. It is concluded that the pandemic has accelerated an important global trend – digital transformation, blockchain and artificial intelligence, which allow uniting the efforts of authorities, corporations and citizens to solve many environmental and social problems that stand in the way of sustainable development of all mankind. Today, there is a great opportunity to take advantage of the post-pandemic period to accelerate recovery, including social recovery, and increase business resilience through innovation.

Keywords: sustainable development, IT, innovation, SDGs, blockchain, artificial intelligence

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Камышников Иван Николаевич¹,

e-mail: ivankamyshnikov@outlook.com,

¹Revealbot INC, Уолнат, США

В статье рассматривается актуальность проблемы использования и внедрения инноваций для достижения устойчивого развития в контексте международного опыта. Связь между цифровизацией и устойчивым развитием является важным аспектом развития ИТ-сектора, особенно в свете развития таких технологий, как искусственный интеллект. Выделяют две области применения инновационных технологий: блокчейн и использование новых ИТ-технологий в медицине. Технология блокчейн активно используется в сфере экологического мониторинга. Анализируется инновационный проект Planetwatch, целью которого является повышение качества мониторинга загрязнения окружающей среды. Уделяется внимание развитию интернет-технологий, связанных с цифровым здоровьем. Проанализированы разрабатываемые проекты Botkin.AI – программная платформа для диагностики и оценки риска заболеваний с использованием технологий искусственного интеллекта и Artiness – инновационный стартап, предлагающий решения дополненной реальности, применяемые в сфере медицины. Переход к цифровому здравоохранению означает дополнение возможностей электронного здравоохранения аналитической и математической обработкой медицинских данных и интеллектуальными модулями, обеспечивающими новое качество медицинской помощи, включая поддержку принятия медицинских решений. Делается вывод, что пандемия ускорила

важный мировой тренд – цифровую трансформацию, блокчейн и искусственный интеллект, которые позволяют объединить усилия органов власти, корпораций и граждан для решения многих экологических и социальных проблем, стоящих на пути устойчивого развития всего человечества. Сегодня у нас есть прекрасная возможность воспользоваться преимуществами постпандемического периода для ускорения восстановления, в том числе социального, и повышения устойчивости бизнеса за счет инноваций.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ИТ, инновации, ЦУР, блокчейн, искусственный интеллект

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-61-68

Introduction

As long as the 9 billion people expected in 2050 and the current generations can live well within the limits of the planet, the role played by science, technology and innovation it must be more recognized and valued. Although technological changes – from the development of ICT, to nano and biotechnology no to the creation of social platforms they have connected and mobilized people around the world – have already strongly contributed to obtaining efficiency results in society in which we live, the need is now being reiterated at the international level of a renewed commitment, especially by the private sector with the support of appropriate public incentive policies, in development of technological innovations that are able to lead towards consumption and production models based on a footprint “Green” and respectful of the environment. Technologies being the answer to a vital and transversal need for every growth objective, theirs potential needs to be strengthened and steered in the right direction through the construction of a legislative and institutional system that incentives businesses to invest in new tools and infrastructures.

Sustainable development and the search for a balance between economic, social and environmental priorities

The United Nations, through target 17.7, draws attention of companies on the development of technological solutions capable of responding to sustainability needs. The commitment is in fact to “promote the development, transfer, dissemination and dissemination of environmentally friendly technologies to developing countries on favorable conditions, and also on facilitated and preferential conditions, as agreed by mutual agreement”. International organizations such as the World Business Council for Sustainable Development (WBCSD) and the UN Global Compact also encourage companies to place sustainability at the center of their creative and technological development processes so that, along innovative lines, they can develop products capable of address the environmental, social and economic issues underlying the challenges of the twenty-first century [1]. After all, those companies that have always recognized technology as a critical success factor have always survived on the market. The search for concrete solutions has focused attention on a further fundamental aspect for the success of the 2030 Agenda, even if often overlooked: the skills and competences of individual countries. Since the 1992 Earth Summit in Rio de Janeiro it has been agreed that the construction, development and renewal of local, national and international capacities would be fundamental to foster development: already chapter 37 of Agenda 21 recognized in the building the driving force that would lead countries, especially economies in transition, to identify more efficient and sustainable solutions to the obstacles that inhibited people and organizations from achieving their development goals [2; 3]. Today the issue of capacity building is once again recognized and valued as an indispensable “mean of implementation” of the 2030 Agenda, through the 17.9 target which encourages strengthening international cooperation to ensure that the skills present in the various countries are able to cope with their own needs de national and are exploited to contribute to sustainable development.

The UN SDGs adopted in 2015 until 2030 are a continuation of the UN Millennium Development Goals. Their key task is to transform the world for the prosperity of people and our entire planet, now and in the future. They are designed to unite states and society, including business, to address common global challenges facing humanity. The need to create SDGs was due to the importance of linking the economy, government, business, financial institutions, society and the environment into a single system of relationships and finding a solution to the problems facing our planet [4]. Climate change, land and water management, air pollution, access to clean

water, biodiversity conservation, poverty alleviation and others. 17 SDGs have been established, they are all a single system, exist as a single whole, where each goal depends on all the others and their influence. Achieving the SDGs by 2030 will open up new economic opportunities, create 380 million new jobs.

Sustainable development and the search for a balance between economic, social and environmental priorities is a global trend and a topic that is gaining relevance in the world, and especially in Russia and Italy. The link between digitalization and sustainable development is an important aspect of the development of the IT sector, especially in the light of the development of technologies such as artificial intelligence [5].

It is important to note that the pandemic has accelerated an important global trend – this is digital transformation. The fourth industrial revolution is happening very quickly, digital innovations, artificial intelligence, the Internet of things – all this is changing the face of industrial production. “Digital technology has been integrated into our time and has become the most visible presence in our daily lives. Nowadays, virtual reality (VR) scene technology, man-machine dialogue, artificial intelligence (AI), image and graphic processing, big data, and other technologies emerged one after another and have been applied to every aspect of our lives” [6]. However, it is very important to be aware of both the positive and negative consequences of this. A striking example is the widening of the digital divide; the world community should not allow certain regions to be left behind. In addition, there is an increasing migration of business to the digital environment, many aspects of business are happening online. At the same time, there is a downward trend in foreign direct investment. Today, there is a great opportunity to take advantage of the post-pandemic period in order to accelerate recovery, including social recovery, and increase business resilience.

We can highlight 2 main areas where modern technologies can boost the achievement of sustainable development – blockchain and medical innovations. Obviously there are plenty of spheres where modern technologies, different IT innovations may positively influence the achievement of sustainable development goals ranging from space exploration and satellites to Self-driving car.

Practical application of blockchain technology as an integral element of organizational innovation

First of all, I would like to focus the attention to the application of blockchain technologies.

At the initial stage, blockchain was considered only as a technology for creating and operating cryptocurrencies. After that, ideas and solutions began to appear, focused on the optimization of financial, corporate and government activities. So, one of the fastest growing areas of use of blockchain platforms now is decentralized financial systems that provide an alternative to classical banks due to maximum control over their finances and the absence of a trust agent pursuing their interests. Today, decentralized applications and services are used in a wide variety of areas, increasing the transparency and trust of processes relative to centralized approaches. Resolving issues of trust between several participants, immutability and availability of data – these are the tasks that blockchain is best suited for [7; 8].

Therefore, blockchain began to play a separate and special role for sustainable development projects. In terms of preserving the environment, cases are already being implemented to account for resource allocation and control supply chains. Models are beginning to be built that will stimulate people and entire states to take a more responsible approach to issues of ecology, consumption and the future of our planet. It is not enough just to ratify the Paris Agreement; it is also necessary to fulfill the obligations undertaken. How can you verify that all parties are following the agreement? In an ideal world, blockchain as the underlying infrastructure would create a trusted environment in which hiding emissions would be as problematic as possible. How far are we from this now and does blockchain help solve the challenges of humanity now?

Let's start with the simplest scenario where a distributed and trusted registry can help – environmental monitoring. For example, data on air quality in the atmosphere, temperature changes can be collected using smart sensors installed in factories, residential areas and even nature reserves. Data recording, verification and storage will take place inside the blockchain infrastructure, and the risks that real data on pollution will be manipulated are significantly reduced. And such initiatives are not just in the plans – small pilot projects have been implemented in different countries for several years. So, all of the above begins to be carried out in Europe with the support of CERN in the framework of the Planetwatch project.

Planetwatch is an innovative project, which goal is to increase the quality of monitoring of environment pollution. The project is using modern IT technologies, especially Blockchain solutions, and also tries to engage local communities thus raising public awareness about environment pollution. Citizens have the opportunity to install and operate special sensors to detect potentially harmful pollution. In doing so, the citizens can receive back the kind of rewards – tokens. Thus, the company can have the possibility to use live and updated data, however the delivery is cost effective. The project can be defined as a Smart city project, implement a circular, “green data” economy where citizens make their city smart and reap immediate benefits from their commitment.

The initial goal is to leverage air pollution and raise awareness about the potential negative cause of it.

“Outdoor sensor data are validated, analyzed and written on the Algorand blockchain. Sensor owners receive Planet token rewards, which can be redeemed for air purifiers and other useful products. Data is then shared across a range of channels, including mobile and web Apps for consumers, specialized dashboards for corporate and governmental users, as well as data feeds for online media outlets”¹.

“Our ‘Smart City as a Service’ solutions leverage a circular token-based economy where citizens make their city smart and earn rewards from their commitment. Following partnerships with local businesses and governmental entities, rewards could be redeemed against free tickets for public transport and other environmentally-friendly services. Finally, PlanetWatch will allocate a fraction of the total rewards budget to buy carbon credits from local projects, wherever applicable, further reducing the city’s carbon footprint”².

Such project may solve a number of issues, such as air pollution, community engagement and also lower the pressure to the authorities.

Moreover, such project has been implemented in Italy, in particular in Milan and Taranto. Air pollution in Milan is high, continuously exceeding the limits for health protection defined by the European Union. Key pollution drivers are road traffic, domestic heating systems and emissions from industrial plants around the city³. As for Milan, the project started on 26 October 2020 and there are 76 connection nowadays. Taranto is a notorious Italian city for air pollution, mostly due to the presence of ILVA steel plant, which accumulates 83 percent of dioxide emissions in Italy. In Taranto the project started on 21 September 2020 and up to now there are only 22 connections.

The number of blockchain application scenarios for sustainable development is increasing every year. When implemented appropriately, technology can help simplify and reduce the cost of many processes. And most importantly, it brings real results.

The technology is already being used by the world’s leading organizations, including the UN, to preserve and develop our planet. Businesses are joining communities to develop green technologies together. One such initiative, the Climate Chain Coalition, already brings together over 170 companies from around the world.

Blockchain allows to consolidate the efforts of authorities, corporations and citizens to solve a variety of environmental and social problems that stand in the way of sustainable development of all mankind. Some can offer funding, others – large-scale implementation and support at the legislative level, and still others – independent supervision and new ideas. Such a formula for cooperation, confirmed by real projects, no longer looks utopian, but promising.

In 2018, the Drone-Ecologist project was launched in Togliatti⁴. Using a specially designed water drone, Togliatti State University and Airalab Rus began measuring water pollution in the Kuibyshev reservoir, the largest reservoir in Eurasia. The blockchain presented in this project is used for the purpose of obtaining objective information on water quality for presentation to interested parties. The drone provides its services through a web application that allows the user to connect to the blockchain service on demand and receive socially significant data without distorting the information. The uniqueness of the drone, which is an autonomous compact solar-powered vessel, lies in the fact that the route of its movement can be laid according to a specific mission, when there is no need to control the device from the shore. All data is transferred to the server and

¹ White Paper PlanetWatch SAS March 2021 SIREN 880 415 724 R.C.S. Bourg-En-Bresse.

² White Paper PlanetWatch SAS March 2021 SIREN 880 415 724 R.C.S. Bourg-En-Bresse.

³ City of Milan. – URL: <https://planetwatch.io/project-milan/> (accessed: 28 May 2021). – Text: electronic.

⁴ ITMO.NEWS Environmental-Monitoring Water Drones to Be Tested on St. Petersburg Rivers (2020). – URL: https://news.itmo.ru/en/startups_and_business/innovations/news/9605/ (accessed: 01 Jun 2021). – Text: electronic.

cannot be tampered with. Measurements are made according to several particularly important parameters. The control system includes several sensors that monitor the content of oxygen and hydrogen in water, electrical conductivity and temperature. This project has already gone beyond Russia and is actively being considered by companies in South America.

One of the initiatives to maintain environmental sustainability was the idea of planting a trillion trees around the planet by 2030. According to Swiss scientists, this will remove from the atmosphere an amount of carbon dioxide comparable to what humanity will produce over the next 10 years. Such a large-scale project is going to be carried out by the efforts of the community, in which we are ready to accept everyone who is ready to contribute to solving environmental problems. This structure will be managed, coordinated and financed using the blockchain platform.

Transition from e-health to digital healthcare

The COVID-19 pandemic has become a powerful stimulus for the development of medical technology. Companies around the world are actively using modern technology to improve the efficiency of healthcare workers, improve remote patient care and develop medical devices that save lives every day.

The current trend in global health is the shift from e-health to digital health. E-health has provided electronic document flow between a patient, a doctor and a medical organization, the introduction of telemedicine technologies into the practice of providing medical care, the creation and maintenance of medical databases with information about all cases of a patient's request for medical care, including information from mobile medical devices and other information that can be collected remotely. Moving to digital health means complementing e-health capabilities with analytic and mathematical health data processing and intelligent modules, which provide a new quality of care, including support for medical decisions. Digital health is closely related to the development of Internet technologies.

Medtech, or medical technology, is the use of gadgets and services in healthcare. This includes applications, information networks, and other developments that can be used by patients and doctors. Here are some of the things that medical technology can be useful for:

- analysis of medical images (ultrasound, CT, MRI, test results);
- support for medical decision making;
- selection of individual treatment;
- remote monitoring and patient assistance;
- drug development;
- prosthetics using intelligent systems.

Deloitte predicts that spending in the global healthcare market will reach \$ 10.059 trillion by 2022⁵. A particular example of modern medical technologies is artificial intelligence, which is now being actively implemented in healthcare. According to Precedent Research, the volume of the global artificial intelligence market in healthcare reached US\$ 11.06 billion in 2021 and is expected to reach US\$ 187.95 billion by 2030, increasing by an average of 37 % during the forecast period from 2022 to 2030⁶. Figure 1 shows a diagram of the volume of artificial intelligence in the healthcare sector.

As we can observe the AI market in Health Industry will grow rapidly in next 8 years. According to PwC data Healthcare is the market with the highest potential for AI applications; VAs and conversational bots will be used more and more across all the industries also considering COVID-19 impact.

It is really important to mention that Italian and Russian markets of AI are the most promising and fast-growing in the world according to the research of PwC. Artificial intelligence is the fastest growing segment within Italian digital market and is expected to reach a total value of €0.4 Bn by 2022, registering a Cagr of 27 % between 2020 and 2022.

⁵ Deloitte website (2021). – URL: https://www.deloitte.com/global/en.html?icid=site_selector_global/ (accessed: 01 Jun 2021). – Text: electronic.

⁶ Precedence Research website. –URL: <https://www.precedenceresearch.com/artificial-intelligence-in-healthcare-market/> (accessed: 01 Jun 2022). – Text: electronic.

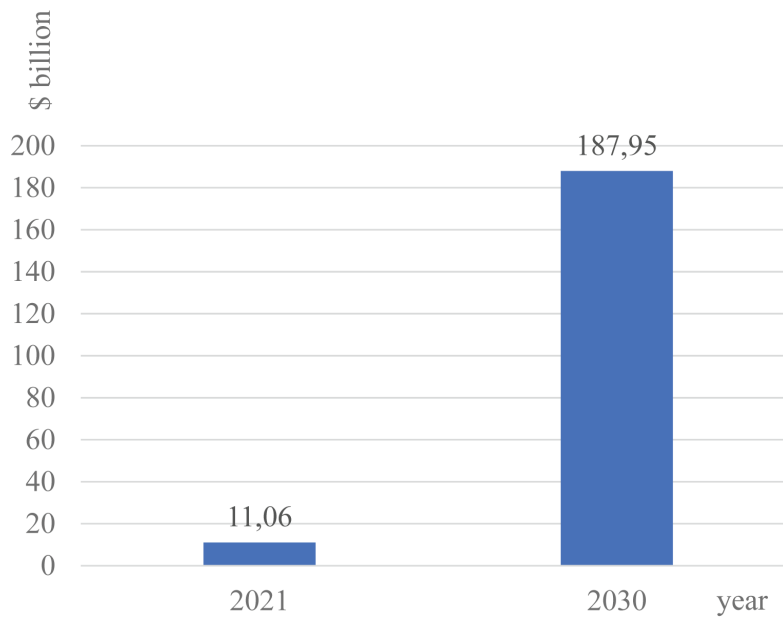

Figure 1 – Diagram of the volume of the global artificial intelligence market in the field of healthcare⁷

Another interesting example is a Russian project called “Botkin. AI”⁸.

Botkin.AI is a software platform for diagnostics and risk assessment of diseases using artificial intelligence technologies. The Intellogic project Botkin.AI is a software platform for the analysis of medical images using artificial intelligence technologies. Goal # 3: Good health and wellbeing. The platform allows radiologists and oncologists to analyze and recognize diagnostic images of CT, digital X-rays and mammography examinations. The solution is designed to reduce costs and improve diagnostic accuracy, as well as identify pathologies at an early stage. Currently implemented: – a product for the analysis of CT examinations of the chest, the main task of which is to detect malignant neoplasms in the lungs in the early stages; – a product for analyzing digital X-rays in order to find the main pathologies of a non-oncological nature (tuberculosis, pneumonia, etc.); – mammography analysis product for early detection of breast cancer.

Example of similar AI start-up we may find in Italy, the name of the project is “Artiness”⁹.

Artiness is an innovative start-up that offers solutions in the field of augmented reality applied to the medical field. We at Artiness have an ambitious vision: to revolutionize the paradigm of current technologies in the medical field through 4D holographic visualization of patient-specific anatomies. From standard clinical data, such as diagnostic images, we reproduce realistic, dynamic and accurate anatomical models with automated software.

Artiness aims to become a leading company in the supply of innovative technologies to clinical centers to improve the standards of care in surgical interventions and percutaneous treatments, with particular attention to European countries and those emerging in the areas of the Middle East for remote assistance. Now there are eight facilities, which participate in the project, five Italian and three European and the main goal for next year is to have about 20–30 public and private hospitals that use our technology.

Such startups and technologies can improve the efficiency of medical interventions and quality of medical support this contributing to the Goal number 3.

Another interesting issue I would like to raise in the context of technological and medical IT development is the inclusion of disabled people. The situation with disabled people and the percentage of them who is engaged in labor market is almost the same in Russia and Italian context.

According to the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, less than 30 % of the 4 million able-bodied people with disabilities work in Russia. The reason is that people with disabilities often have low

⁷ Разработано автором.

⁸ Botkin AI website (2021). – URL: <https://botkin.ai/> (accessed: 01 Jun 2021). – Text: electronic.

⁹ Artiness Website (2021). – URL: <https://www.artinessreality.com/> (accessed: 04 Jun 2021). – Text: electronic.

professional qualifications and poor business communication skills. Employers' concerns about this category of job seekers are not unfounded.

To facilitate the discovery and dialogue between people with disabilities and employers, exactly one year ago, in December 2019, the Everland inclusive project, with the support of Beeline, launched an online platform for the job placement of people with different types of disabilities¹⁰.

During the year, more than 600 people from Russia and the CIS countries passed through the Everland platform. More than 200 of them have found jobs and an equal number are now training in new specialties, such as web design, content and PR, accessibility testing of websites and applications for the blind and others.

In Italian context the number of disabled people who perform any work activity is around 31 percent, so as in Russia another 69 percent of disabled population is lagged behind. It is not only create some social tension but also created a burden for the government to sustain them, the inclusion of the population with disabilities may not only make their lives more sustainable with psychological and financial point of view, but also create additional value for economy. That is why it is really important to develop and promote special platform which may help people with special need not only to find employment but also develop necessary skills. The example of Russian project may be also used in Italian reality.

Conclusion

It is important to note that the pandemic has accelerated an important global trend – this is digital transformation. The fourth industrial revolution is happening very quickly, digital innovations, artificial intelligence, the Internet of things – all this is changing the face of industrial production. However, it is very important to be aware of both the positive and negative consequences of this. A striking example is the widening of the digital divide; the world community should not allow certain regions to be left behind. In addition, there is an increasing migration of business to the digital environment, many aspects of business activities are happening online. At the same time, there is a downward trend in foreign direct investment. Today there is an excellent opportunity to take advantage of the post-pandemic period in order to accelerate recovery, including social recovery, and increase business resilience.

Despite the pandemic and the associated global losses for the economy and society, the 2030 agenda is a kind of guiding star for the world community.

References

1. *Smirnova T.S., Kamyshnikov I.N.* Problems of implementation of the Sustainable Development Goals in Russia // *Moscow Economic Journal*. – 2019. – No. 8. – P. 241–249. [In Russian]
2. *Bartolacci F., Caputo A., Soverchia M.* Sustainability and financial performance of small and medium sized enterprises // *A bibliometric and systematic literature review in Business Strategy and the Environment*. – 2020. – Vol. 29, issue 3. – P. 1297–1309. – ISSN 0964-4733.
3. *Giusepponi K.* Win-Win Situation // *Encyclopedia of Sustainable Management*. – Cham: Springer, 2022. – P. 1–3. – ISBN 978-3-030-02006-4.
4. *Smirnova T.S., Kamyshnikov I.N.* Administrative reforms in the Italian Republic 1990–2000 and their influence on the regulation of public administration // *Economics and Entrepreneurship*. – 2018. – No. 7 (96). – P. 284–288. [In Russian]
5. *Rudskaya I., Rodionov D., Kudryavtseva T., Skhvediani A.* Sustainable development and engineering economics // *Sustainable Development and Engineering Economics*. – 2021. – Vol. 1 (1). – P. 6–13. – DOI 10.48554/SDEE.2021.1.1.
6. *Wang X., Shi J., Wang Z.* Accurately Cognising the Digital Economy and Facilitating Its Healthy and Sustainable Development in China // *Sustainable Development and Engineering Economics*. – 2022. – Vol. 3. – P. 62–74. – DOI <https://doi.org/10.48554/SDEE.2022.3.4>.
7. *Avramenko A.A., Mikov V.V.* Problems of development of the smart cities // *Education and science in Russia and abroad*. – 2018. – No. 6 (41). – P. 143–145.

¹⁰ Everland website (2021). – URL: <https://evland.ru/> (accessed: 01 Jun 2021). – Text: electronic.

8. *Shamakhov V.A., Koryagin P.A., Kuntishev R.A.* Blockchain Technology as a Factor of Global Modernization of International Processes of Customs Regulation. Application of the Digital System of Distributed Registers in the Customs Union of the Eurasian Economic Union Countries // *Administrative Consulting*. – 2018. – Vol. 6. – P. 63–67. [In Russian]

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ: УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чепик Анатолий Георгиевич¹,

д-р экон. наук, доцент,

e-mail: a-chepik@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Современное развитие АПК страны неразрывно связано с переходом на инновационные технологии с использованием высокопроизводительных машин и оборудования. В условиях санкционных ограничений в сфере производства средств производства для всего аграрного сектора экономики происходит существенная трансформация, при которой приоритет направлен на коренную реконструкцию существующих предприятий и строительство новых заводов. В статье изложены сложившиеся условия функционирования и пути совершенствования материально-технологической базы АПК России с учетом исторического опыта приватизации основных средств производства на начальном этапе реформирования отрасли тракторостроения. Проанализированы основные показатели обеспеченности отечественного сельского хозяйства тракторами и другой продукцией машиностроения. Дана оценка зависимости АПК России от импорта машин и оборудования из стран Запада. Цикличность развития сельского хозяйства требует принятия системы мер для устранения возникших диспропорций между импортом и экспортом. Представлена роль государства в инвестировании и регулятивном обслуживании субъектов хозяйствования. Рассмотрены отдельные направления развития материально-технологической базы на основе импортозамещения и более рационального использования собственных ресурсов роста сельской экономики.

Ключевые слова: энергетические мощности АПК, санкции, технико-технологическая база, машиностроение, тракторостроение, сельское хозяйство, импортозамещение, стратегия экономического роста, интеграция, государственное регулирование

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA: CONDITIONS AND PROSPECTS

Chepik A.G.¹,

doctor of economic sciences, associate professor,

e-mail: a-chepik@mail.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The modern development of the agro-industrial complex of the country is inextricably linked with the transition to innovative technologies using high-performance machines and equipment. Under the conditions of sanctions restrictions in the field of production of means of production, a significant transformation is taking place for the entire agricultural sector of the economy, in which priority is directed to the radical reconstruction of existing enterprises and the construction of new plants. The article describes the existing conditions of functioning and ways to improve the material and technological base of the agro-industrial complex of Russia, taking into account the historical experience of privatization of fixed assets at the initial stage of reforming the tractor industry. The main indicators of the provision of domestic agriculture with tractors and other machine-building products are analyzed. The assessment of the dependence of the agro-industrial complex of Russia on the import of machinery and equipment from Western countries is presented. The cyclical nature of agricultural development requires the adoption of a system of measures to eliminate the resulting imbalances between imports and exports. The

role of the state in investment and regulatory services of business entities is presented. Separate directions of development of material and technological base on the basis of import substitution and more rational use of own resources of rural economy growth are considered.

Keywords: energy capacities of the agro-industrial complex, sanctions, technical and technological base, mechanical engineering, tractor construction, agriculture, import substitution, economic growth strategy, integration, state regulation

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-69-76

Введение

Проблемы совершенствования отечественной материально-технологической базы АПК и его сельскохозяйственной сферы остаются на острие внимания ученых и практиков, органов государственного и хозяйственного управления. От их ускоренного решения зависит динамика и темпы роста сельского хозяйства. Современные условия функционирования отраслей, производящих средства производства: машиностроение, тракторостроение, приборостроение и т.д. непосредственно определяют устойчивость аграрной экономики. Преодоление санкционного давления стран Запада, реализация стратегии импортозамещения на основе собственных ресурсов остаются главными направлениями современного развития АПК страны. В этой связи важно обосновать размеры и структуру материально-технологической базы на перспективу с учетом основных факторов производства [1].

Цель исследования: изучить тенденции технико-технологического развития АПК России с учетом исторического аспекта, современных знаний и ожидаемых перспектив.

Методы исследования: изучение процессов и явлений осуществлялось с помощью традиционных методов исследования, таких как монографический, историко-логический, метод сравнения, экономико-статистические, расчетно-конструктивный и некоторые другие.

1. Сложившийся уровень обеспеченности АПК сельскохозяйственной техникой

Размер и структура энергетических мощностей, которыми располагает современный АПК России, является определяющим условием для динамичного его развития. По уровню энергообеспеченности и энерговооруженности, как правило, судят о состоянии энергетической сферы [2].

По данным профессора В.А. Добрынина, в дореформенный период фондооснащенность АПК была намного выше современного уровня хозяйствования [3, с. 94], и с началом реформ (1991 г.) до настоящего времени не удается превысить ранее достигнутые показатели. Уровень технико-технологической насыщенности современными сельскохозяйственными машинами и оборудованием в настоящее время значительно отстает от передовых стран и научно обоснованных норм и нормативов. Например, в тракторостроении лидирующие позиции занимают: Индия (продано в 2017 году более 570 тыс. тракторов), Китай (420 тыс.), США (210 тыс. шт.) и некоторые другие страны. В России, при ежегодной потребности только сельского хозяйства 1,5 млн тракторов в год, производится немногим более 12 тысяч тракторов различных модификаций, из них 60 % гусеничные. Примечательно, что 50 % техники собирается из импортных машинокомплектов или с помощью «ручной» сборки.

В наследство от СССР к АПК России перешло восемь тракторных заводов: Алтайский, Кировский, Липецкий, Волгоградский, Владимирский, Онежский, Чебоксарский, Челябинский. Дальнейшая судьба этих заводов была во многом идентична. Приватизированные по модели ваучерной приватизации, они были попросту разграблены. Алтайский тракторный завод, созданный в 1942 году, в 2011 году был разворован. Волгоградский (Сталинградский) тракторный завод, организованный в 1930 году, был почти полностью разрушен. Несмотря на это, в 2003 году его территория и недвижимость были приобретены холдингом «Новое содружество», и он вступил в фазу частичной реконструкции.

Аналогичные исторические последствия произошли с Владимирским тракторным заводом (создан в 1945 году) и Липецким заводом. На Онежском тракторном заводе (Республика Карелия), вступив-

шим в строй в 1956 году, в 2018 году был произведен последний трактор. Однако, уже в 2019 году у завода появился новый владелец. Он был выкуплен белорусской компанией «Амкодор»¹.

Таким образом, к началу 2000-х годов в российском энергетическом комплексе и тракторостроении сложилась критическая ситуация, последствия которой не преодолены до настоящего времени. С 1990 года, когда было выпущено 1,3 млн тракторов, объемы производства сократились более чем в 6 раз.

Сегодня на полях России работает приблизительно 15 % сельскохозяйственной техники от уровня 1990 года, а коэффициент ее обновления не превышает 4 %. Иными словами, преобладающая часть сельскохозяйственных машин и оборудования выработала все мыслимые сроки использования и старше 15–20 лет. Как следствие, проведение основных полевых работ составляет на 10–12 дней больше технологически обоснованной продолжительности [4; 5].

Насыщенность тракторами в расчете на 1000 га пашни в России составляет 3 единицы или около 3,9 % от уровня 1990 года. Для сравнения этот показатель имеет следующие значения, соответственно, в Италии – 211 единиц, в Германии – 83, Франции – 65, США – 27, Канаде – 16, Беларуси – 9, Китае – 7 тракторов.

Наследие пореформенного прошлого повлияло на размещение и специализацию сельскохозяйственного машиностроения, тракторостроения, комбайностроения и на производство технологического оборудования. Оказалось, что преобладающая часть предприятий сосредоточена в Европейской части страны, на Урале и Алтае. По мнению многих видных ученых и производителей, было бы более рациональным размещать такие предприятия более равномерно по территории страны, а также вблизи основных сельскохозяйственных зон.

Отдельным проблемным вопросом является специализация названных заводов. И здесь главным условием, определяющим конкурентоспособность отечественных предприятий, является мощность выпускаемой техники, ее унификация, обеспеченность прицепными и навесными орудиями. Не менее важным аспектом является ассортимент выпускаемых изделий и частота его обновления.

2. Перспективы технико-технологического развития аграрного сектора страны

В количественном измерении перспективная система машин должна быть более чем на 70–80 % укомплектована прицепными и навесными орудиями с тем, чтобы оптимально загрузить номинальную мощность силовых агрегатов. Изучение статистических материалов и нормативных данных Минсельхоза России позволило обосновать наиболее приемлемый вариант среднесрочного развития машино-технологической базы отечественного АПК с учетом необходимости преодоления зависимости от импорта (рисунок 1).

Сегодня в стране имеются необходимые ресурсы для ускоренного увеличения выпуска современных машин и оборудования на основе отечественных инженерно-конструкторских разработок. На рисунке 1 видно, что насыщение тракторами многоукладного сельскохозяйственного производства страны на первом этапе (2023–2027 гг.) потребует многократного роста выпуска данной техники с тем, чтобы приблизить отечественных товаропроизводителей к научно обоснованным режимам хозяйствования с одновременной заменой устаревших моделей. На втором этапе (2027–2030 гг.) ожидается снижение уровня нагрузки площади пашни в расчете на один трактор. Это может быть обеспечено за счет внедрения инновационных технологий и массового выпуска универсальных тракторов, агрегируемых со значительным количеством прицепных и навесных орудий. По этому пути идет преобладающее количество наиболее развитых в аграрном производстве стран.

Сложившаяся обстановка в мировой экономике сопровождается небывалым санкционным давлением со стороны стран коллективного Запада на организационно-экономический механизм России и его аграрный сектор. Всего за 2,5 месяца 2022 года против России приняли более 10 000 ограничений в дополнение к ранее существовавшим. Формально санкции против АПК и его составляющих сфер не объявляли. Однако, санкционному давлению были подвергнуты отдельные составляющие комплекса.

¹ Экономика сельского хозяйства: учебник / В.Т. Водяников, Е.Г. Лысенко, Е.В. Худякова [и др.]; под ред. В.Т. Водяникова. – 2-е изд., доп. – СПб.: Лань, 2021 – 544 с. – ISBN 978-5-8114-1841-1.

Первая сфера АПК ориентирована на производство средств производства для всего комплекса. Вторая – само сельское хозяйство с более чем 60 основными отраслями хозяйствования. Третья сфера – отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию и сырье².

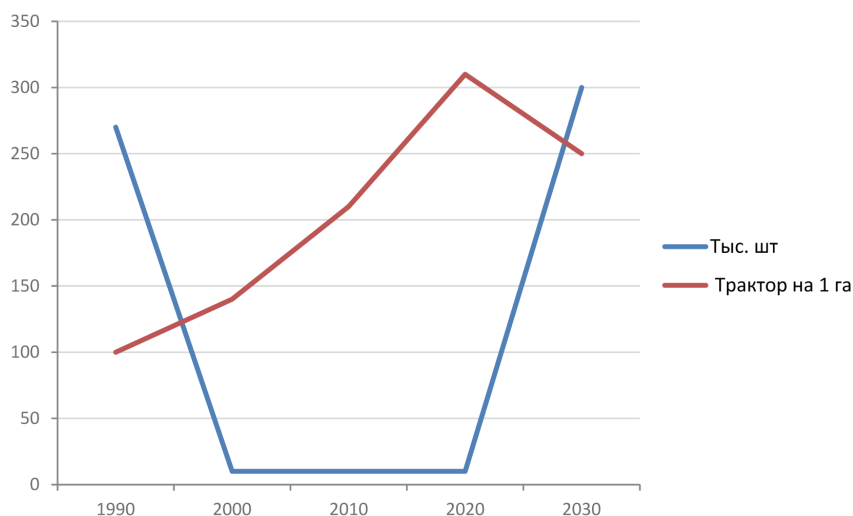

Рисунок 1 – Производство тракторов и нагрузка площади пашни на один трактор в России³

Отдельной составляющей АПК является инфраструктура, которая подразделяется на производственную и социальную. Известно, что нет независимых отраслей. В результате санкций многие экономические отношения и связи блокированы либо серьезно нарушены. Это в полной мере можно отнести к проблеме материально-технического обеспечения аграрного сектора страны. Особенно остро разрыв отношений коснулся рынка автотракторного машиностроения, производства различных видов оборудования, в том числе для селекции и семеноводства. Нарушилось снабжение отечественного АПК многофункциональными машинами и оборудованием, химическими препаратами, средствами защиты и борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений и животных.

Цикличность развития сельского хозяйства требует безотлагательного принятия системы мер для устранения возникших диспропорций между импортом и экспортом на рынке современных машин, оборудования и технологий, расширения деловых отношений с дружественными странами. Вместе с тем приоритетным направлением перспективного развития сельского хозяйства страны является укрепление, а по отдельным направлениям создание собственной материально-технической базы (таблица 1).

Таблица 1 – Развитие сельскохозяйственного машиностроения в Российской Федерации⁴

№	Показатели	Годы					2019 к 2015, в %
		2015	2016	2017	2018	2019	
1	Произведено и отгружено продукции сельскохозяйственного машиностроения (с НДС), млрд руб.	48,9	80,6	97,9	100,6	101,6	> в 2,0 р.
2	Уровень обеспеченности продукцией за счет собственного производства, в %	40,0	54,0	56,0	60,0	58,0	+ 18 пп
3	Экспорт (без НДС), млрд руб.	5,8	6,8	7,9	11,1	12,2	> в 2,1 р.

Показатели таблицы 1 свидетельствуют о положительной динамике в отечественном машиностроении. Однако скорость их изменения нельзя считать удовлетворительной. Преодоление зависимо-

² Агропромышленный комплекс России в 2019 году. – М.: МСХ, Росстат ФГБНУ «Росинформагротех», 2020. – 560 с. – С. 287.

³ Разработано автором по данным Минсельхоза России. Нормативы потребности АПК в технике для растениеводства и животноводства. Интернет-портал Министерства сельского хозяйства РФ (http://xs2.mcx.ru/documents/document/v7_show/3140.77.htm).

⁴ Составлено автором по: Аналитический обзор. Производство автомобильной, тракторной сельскохозяйственной техники и компонентов к ней производителями России и других стран СНГ (Приложение к журналу «Автомобили, тракторы. Рынок СНГ/ОАО «Автосельхозмашхолдинг». Комитет ТПП РФ по предпринимательству в автомобильной сфере. М., 2017, 2018).

сти от импорта средств производства из-за рубежа требует еще более высоких темпов импортозамещения (приблизительно в 2 раза по сравнению с обозначенным уровнем). По нашим расчетам, к 2030 году за счет собственного производства необходимо покрыть потребность в сельскохозяйственных машинах и оборудовании не менее чем на 80 % (рисунок 2).

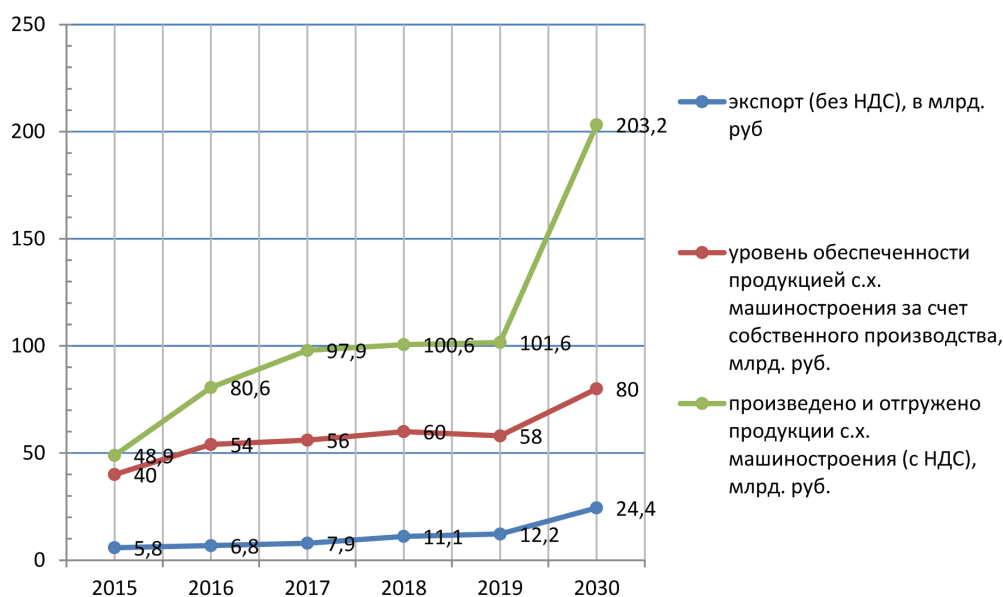

Рисунок 2 – Динамика развития сельскохозяйственного машиностроения с учетом ожидаемого преодоления опасной для отечественной экономики зависимости от импорта⁵

На федеральном уровне принят ряд нормативно-правовых документов, направленных на преодоление диспропорций в снабжении сельскохозяйственных производителей необходимыми средствами производства. К их числу относятся:

- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁶;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.07.2017 г. № 1455 «Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года»⁷;
- «Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса на период до 2030 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации 08.09.2022 г. № 2567-р, и некоторые другие официальные документы⁸.

Главное назначение и суть принятых документов заключается в самостоятельном, комплексном развитии отраслей хозяйства на основе собственных ресурсов и материально-технической базы.

При этом государственные органы управления, банки, научные организации, производственные объединения и субъекты хозяйствования в своей деятельности ориентированы на переход к инновационным формам развития⁹.

Реализация принятых документов и разработка перспективных направлений в современных условиях имеет решающее значение в обеспечении всем необходимым нашего сельского хозяйства. Страте-

⁵ Составлено автором по данным Минсельхоза РФ.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.07.2017 г. № 1455 «Стратегия развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.

⁸ «Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса на период до 2030 года», утв. распоряжением Правительства Российской Федерации 08.09.2022 г. № 2567-р, и некоторые другие официальные документы // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Нормативы потребности АПК в технике для растениеводства и животноводства // Интернет-портал Министерства сельского хозяйства РФ. – URL: http://xs2.mcx.ru/documents/document/v7_show/3140.77.htm (дата обращения: 17.11.2022). – Текст: электронный.

гической целью является научно обоснованное импортозамещение в сфере производства средств производства для сельского хозяйства. Ее достижение осуществляется по двум основным направлениям:

- поддержка имеющихся научных и производственных центров;
- создание новых производств и технологий.

Необходимое совершенствование банковской системы включает переход от краткосрочного к преимущественно долгосрочному финансированию перспективных научных организаций, предприятий и объединений. В первую очередь, тех, которые имеют прорывные технологии и высокий уровень инновационной деятельности. Источниками финансирования являются прямые бюджетные поступления, система грантов, отчисления от прибыли, свободные амортизационные отчисления, спонсорство, иностранные источники, частные пожертвования и некоторые другие.

Не менее важное значение имеет совершенствование системы управления АПК на федеральном и региональных уровнях, включающее исключение дублирования функций управления, контроль за целевым использованием инвестиций, повышение уровня ответственности должностных лиц за своевременное и качественное выполнение поставленных задач [6].

Важное значение имеет широкое развитие государственно-частного партнерства. Создание новых индустриальных и промышленных технологий в наиболее продвинутых компаниях, использующих цифровизацию, преимущества роботизации и элементов искусственного интеллекта. Предписываемые условия партнерства бизнеса и государства ориентированы на управляющую роль государства как субъекта управления. Государство обеспечивает регулятивное обслуживание всей совместной экономической системы:

- обеспечение нормативно-правовой базы сотрудничества;
- установление ставок банковского процента и ставок страхования;
- формирование информационной базы для прогнозирования и планирования деятельности, проведения мониторинга, контроля, организация системы отчетности;
- обеспечение доступа к спутниковым данным и результатам зондирования;
- обеспечение государственных услуг, электронного документооборота, телекоммуникационного обслуживания, принятия и реализации управленческих решений;
- решение вопросов, связанных с международным сотрудничеством и т.д.

Кардинальное обновление машинно-тракторного парка связано с унификацией производства, своевременным обновлением ассортимента выпускаемых изделий, повышением их конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынке. Создание специализированных систем машин для крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных сельскохозяйственных производителей позволит полнее заменить в них ручной труд, повысит его производительность и привлекательность.

Современный период хозяйствования характеризуется ростом рисков и угроз. Их перечень весьма разнообразен [7]:

- внешнеполитические риски, непредсказуемость международной политики;
- экономические риски, в т.ч. связанные с опасными изменениями конъюнктуры рынка;
- технологические риски, как правило, связанные с отставанием отечественной производственной базы;
- климатические и агроэкологические риски, рост числа аномальных явлений;
- социально-биологические риски, неопределенность с возникновением и распространением инфекций;
- технологический разрыв между наукой и производством и некоторые другие.

Вместе с тем санкции позволяют ученым и хозяйственникам находить пути эффективного использования ранее невидимых резервов, например, связанных с преимуществами отечественного машиностроения:

- наличие значительного потенциала роста;
- использование возможностей расширения экспорта;
- реализация преимуществ крупного машинного производства;
- открытость в международном сотрудничестве и т.д.

Преобразования в техническом переоснащении АПК страны рассчитаны на продолжительный период времени (10–20 лет), но по кардинальным направлениям необходимо добиться отдачи в бли-

жайшие годы. Важным условием реализации намеченных мер является всемерное сохранение окружающей среды и повышение уровня экологичности производства.

Сложилась ситуация для частичной реструктуризации сельскохозяйственного машиностроения на основе роботизации наиболее трудоемких трудовых процессов. Создаваемые системы машин должны соответствовать особенностям природно-климатических и экономических условий ведения сельского хозяйства в стране.

В ближайшей перспективе ожидается преодолеть импортозависимость АПК России от западных производителей машин и оборудования. Хорошие перспективы имеют заводы, сумевшие приспособиться к рыночным условиям хозяйствования, такие как «Кировский» тракторный завод в Санкт-Петербурге, Челябинский тракторный завод «Уралтрак», Алтайский тракторный завод «Гранд» (г. Барнаул), Чебоксарский завод промышленных тракторов, ООО «Акедор – Онего», ООО «Орские прицепы» (ПО «Сармат») и некоторые крупнейшие игроки на технико-технологическом рынке страны. Пришло время, когда захваченные иностранными производителями отечественные рынки сельскохозяйственной техники, машин и оборудования должны перейти под контроль российских компаний и государства. Нецелесообразно мириться с условиями, когда импортная техника в 4–5 раз дороже, чем отечественная, доминирует на внутреннем рынке.

Заключение

Наступивший период переосмысления преимуществ европейского «рая» материально-технической зависимости должен всемерно способствовать созданию отечественного производства нужной нам техники и технологий, самых передовых в мире. Для этого у нас имеются необходимые условия. Анализ тенденций и текущей аналитики свидетельствует о положительных сдвигах в укреплении собственной материально-технологической базы. Например, «Кировский» тракторный завод в Санкт-Петербурге сегодня занимает лидирующие позиции на мировом рынке в своем классе машин. Растет спрос на продукцию отечественного сельскохозяйственного машиностроения на внутреннем рынке.

Только путем пристального изучения преимуществ отечественного сельскохозяйственного машиностроения можно своевременно вносить необходимые изменения в структуру производственной базы АПК. Об этом свидетельствует отечественный передовой опыт.

Россия была и остается открытой для расширения и углубления связей с зарубежными странами в научно-техническом, производственно-технологическом и иных видах сотрудничества. В ближайшие годы ожидается существенный рост интеграционных связей на основе паритета и взаимоуважения сторон, участвующих в этом историческом процессе.

Список литературы

1. Ушачев И.Г., Маслова В.В. Научные подходы к совершенствованию государственного регулирования в АПК на современном этапе // АПК: экономика, управление. – 2022. – № 4. – С. 3–10. – DOI 10.33305/224-3.
2. Путин В.В. О научно-техническом обеспечении развития АПК // Экономист. – 2021. – № 11. – С. 4–9.
3. Добрынин В.А. Экономика сельского хозяйства. – 2-е изд. – М.: Колос, 1984. – 544 с. – С. 94.
4. Кузьмин В.Н. Рынок сельскохозяйственной техники: проблемы и перспективы развития. Аналитический обзор. – М., 2021. – 200 с.
5. Кузьмин В.Н. Опыт субъектов Российской Федерации: тенденции и проблемы приобретения сельскохозяйственной техники. – М., 2020. – 393 с.
6. Развитие сельского хозяйства в условиях постпандемической экономики: монография / О.И. Швайка, И.Н. Гравшина, А.Г. Чепик; под общ. ред. О.И. Швайки; Моск. ун-т им. С.Ю. Витте, ф-л Моск. ун-та им. С.Ю. Витте в г. Рязани [Электронное издание]. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022. – 2,84 Мб.
7. Лавров А.В., Зубилина В.А. Методические подходы к оценке технологической потребности в сельскохозяйственных тракторах для АПК // Агроинженерия. – 2021. – № 1 (101). – С. 20–26.

References

1. *Ushachev I.G., Maslova V.V.* Nauchnye podhody k sovershenstvovaniyu gosudarstvennogo regulirovaniya v APK na sovremennom etape // *APK: ekonomika, upravlenie.* – 2022. – № 4. – S. 3–10. – DOI 10.33305/224-3.
2. *Putin V.V.* O nauchno-tekhicheskom obespechenii razvitiya APK // *Economist.* – 2021. – № 11. – S. 4–9.
3. *Dobrynin V.A.* *Ekonomika sel'skogo hozyajstva.* – 2-e izd. – M.: Kolos, 1984. – 544 s. – S. 94.
4. *Kuz'min V.N.* Rynok sel'skohozyajstvennoj tekhniki: problemy i perspektivy razvitiya. *Analiticheskij obzor.* – M., 2021. – 200 s.
5. *Kuz'min V.N.* Opyt sub»ektov Rossijskoj Federacii: tendencii i problemy priobreteniya sel'skohozyajstvennoj tekhniki. – M., 2020. – 393 s.
6. Razvitie sel'skogo hozyajstva v usloviyah postpandemicheskoy ekonomiki: monografiya / O.I. Shvajka, I.N. Gravshina, A.G. Chepik; pod obshch. red. O.I. Shvajki; Mosk. un-t im. S.Yu. Vitte, f-l Mosk. un-ta im. S.Yu. Vitte v g. Ryazani [Elektronnoe izdanie]. – M.: izd. ChOUVO «Mu im. S.Yu. Vitte», 2022. – 2,84 Mb.
7. *Lavrov A.V., Zubilina V.A.* Metodicheskie podhody k ocenke tekhnologicheskoy potrebnosti v sel'skohozyajstvennyh traktorah dlya APK // *Agroinzheneriya.* – 2021. – № 1 (101). – S. 20–26.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ

Анисимов Александр Юрьевич¹,

*канд. экон. наук, доцент,
e-mail: anisimov_au@mail.ru,*

Малиновский Максим Олегович¹,

e-mail: maxmalinovsky@inbox.ru,

¹Университет Синергия, г. Москва, Россия

Исследование направлений влияния цифровых технологий на трансформацию бизнес-процессов, несомненно, является актуальным в настоящее время. XXI век – век цифровых технологий в социально-экономическом развитии общества. Внедрение цифровых технологий распространилось на все без исключения сектора экономики. Цифровизация как новая форма экономики приводит к существенной трансформации бизнес-процессов, их преобразованию, увеличению объема и скорости передачи данных, обеспечивающих повышение качества и релевантности управленческих решений. Способность организаций быстро реструктурировать имеющуюся бизнес-модель в соответствии с условиями цифровой экономики является важным конкурентным преимуществом. Целью статьи является исследование роли цифровизации в экономическом развитии, способности организаций трансформировать существующие бизнес-процессы в соответствии с новыми экономическими требованиями. Результаты исследования показали, что цифровизация является движущей силой развития современного бизнеса, поскольку, во-первых, дает явный стимул для развития компании, во-вторых, снимает ограничения получения больших массивов данных, в-третьих, требует внедрения инноваций на институциональном уровне.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, трансформация управления, электронная коммерция, бизнес-процессы, информационно-коммуникационные технологии

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF BUSINESS PROCESS MANAGEMENT

Anisimov A.Yu.¹,

*candidate of economic sciences, associate professor,
e-mail: anisimov_au@mail.ru,*

Malinovsky M.O.¹,

e-mail: maxmalinovsky@inbox.ru,

¹Synergy University, Moscow, Russia

The study of the directions of digital technologies influence on the transformation of business processes is undoubtedly relevant at the present time. The 21st century is the century of digital technologies in the socio-economic development of society. The introduction of digital technologies has spread to all sectors of the economy, without any exception. Digitalization, as a new form of economy, leads to a significant transformation of business processes, their transformation, an increase in the volume and speed of data transfer, which improves the quality and relevance of management decisions. The ability of organizations to quickly restructure their current business model to meet the demands of the digital economy is an important competitive advantage. The purpose of the article is to study the role of digitalization in economic development, the ability of organizations to transform existing business processes in accordance with new economic requirements. The results of the study showed that digitalization is the driving force behind the development of modern business, because, first, it gives a clear

incentive for the development of the company, second, it removes the restrictions on obtaining large amounts of data, and third, it requires the introduction of innovations at the institutional level.

Keywords: digital economy, digitalization, management transformation, e-commerce, business processes, information and communication technologies

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-77-84

Введение

Последнее десятилетие характеризуется ростом информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), повышением их роли в экономике. Дополнительным стимулом ускорения цифровизации выступили введенные в связи с пандемией ограничения, ставя на первый план вместе с внедрением ИКТ такие вопросы, как преобразование бизнес-процессов, информационную безопасность, нормативное регулирование.

В связи с происходящими изменениями в мировой экономике, связанными с ускорением научно-технического прогресса, меняющейся в результате внедрения новых технологий структурой производства, расширением использования цифровых технологий происходят позитивные структурные изменения во многих отраслях. Изменяются также взгляды и подходы к решению различных задач и проблем инновационного развития. Развитие инновационной экономики и внедрение цифровых технологий однозначно приводят к трансформации основ глобальной экономики, так как современная экономика – это экономика управления базами данных.

За последние десятилетия произошла стремительная цифровая трансформация, которая привела к изменениям в бизнесе, обществе и мировой экономике. После глобального кризиса 2008–2009 годов цифровая экономика стала одним из самых динамичных и перспективных сегментов.

Влияние цифровизации на управление бизнес-процессами широко исследуется в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. При этом вопросы цифровизации рассматриваются как с позиции глобальной трансформации общества, так и с позиции цифровой трансформации отдельных бизнес-процессов. Так, И.Н. Щепина, А.А. Бородина [1], Г.Г. Шинкарецкая [2], З.В. Басаев [3] рассматривают цифровизацию как фактор развития глобального информационного общества.

Е.В. Попов [4] и Б. Румана [5], М. Ценжарик, Ю. Крылова, В. Стешенко [6], В.В. Кобзев, А.В. Бабкин, А.С. Скоробогатов [7] раскрывают факторы, влияющие на изменение отдельных бизнес-процессов под влиянием цифровизации. В качестве сдерживающих цифровизацию факторов в работах отмечены: низкий уровень развития технологий и слаборазвитая цифровая инфраструктура, несовершенство системы подготовки персонала в сфере управления цифровыми бизнес-процессами.

Сама категория цифровизации представлена в работах авторов как внедрение цифровых технологий в экономические процессы, а также как перевод массивов информации из аналогового представления в цифровое. Особое внимание пониманию сущности цифровизации уделяется на институциональном уровне.

Многие ведущие международные организации, включая ОЭСР, ВТО, МВФ, ЮНКТАД, занимаются формализацией и систематизацией терминологии в области цифровизации, измерением уровня цифровизации и классификацией секторов экономики в зависимости от уровня цифровизации.

Разработкой универсальных подходов к систематизации категориального аппарата в сфере цифровой экономики занимаются также такие организации, как BCG, WBG, ITU.

Так, в соответствии с аналитическими отчетами BCG под категорией «цифровизация» понимается внедрение ИКТ всеми участниками национальной и мировой экосистемы¹. ITU аналогично позиции BCG формализует категорию цифровизации как внедрение инновационных разработок в сфере ИКТ в управленческие и производственные решения в различных аспектах деятельности². WBG рассматри-

¹ Россия 2025: от кадров к талантам. Boston Consulting Group. – URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent> (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный.

² Укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ в странах СНГ – Международный союз электросвязи, Бюро развития электросвязи. – URL: <https://www.itu.int-en-ITU-D-Regional-Presence-CIS-Documents-Events-Regional-Initiatives-R-confidence-in-ICT-Report-on-Building-confidence-and-security-in-the-use-of-ICTs-in-the-CIS.pdf> (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный.

вает категорию цифровизации несколько шире, чем BCG и ITU, понимая под цифровизацией не только внедрение ИКТ, но и принципиальное изменение структуры самой экономики, в сторону трансформации отдельных бизнес-процессов в сквозные цифровые процессы³.

Стратегические аспекты цифровизации бизнеса

Основой цифровой трансформации в России стали принятые в 2017 году Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы и НП «Цифровая экономика Российской Федерации», в которых заложены меры, направленные на стимулирование развития цифровых технологий и их применение во всех отраслях экономики.

Реализация НП «Цифровая экономика» предполагается в период с 2018–2024 годов с общим объемом финансирования 1,634 млрд рублей, при этом в качестве основных целевых показателей установлены⁴:

- увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в ВВП) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом;
- создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств;
- использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

НП «Цифровая экономика» включает шесть федеральных проектов с объемами финансирования, представленными на рисунке 1.

Рисунок 1 – Структура НП «Цифровая экономика»⁵

В соответствии с указанными документами «цифровая экономика» – это хозяйственная деятельность, основанная на использовании данных в цифровом формате с целью повышения эффективности производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. С указанной позиции потоки потребления цифровой информации классифицируются на следующие направления:

- бизнес – потребитель (B2C);
- бизнес – бизнес (B2B);
- бизнес – правительство (B2G);
- потребитель – потребитель (C2C);

³ World Bank Group. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/413921522436739705/pdf/EAEU-Overview-Full-RUS-Final.pdf> (дата обращения: 10.02.2023). – Текст: электронный.

⁴ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

⁵ Составлено авторами.

- потребитель – бизнес (С2В);
- государство – потребитель (G2С).

С точки зрения трансформации бизнес-процессов фирмы вызывает интерес исследование трех основных направлений потоков цифровой информации: В2С, В2В, С2В. При этом, по данным экспертов, объем сектора В2С занимает более 90 % цифровой экономики. Указанный сектор преимущественно представлен «электронной коммерцией», основные элементы экосистемы которой показаны на рисунке 2.

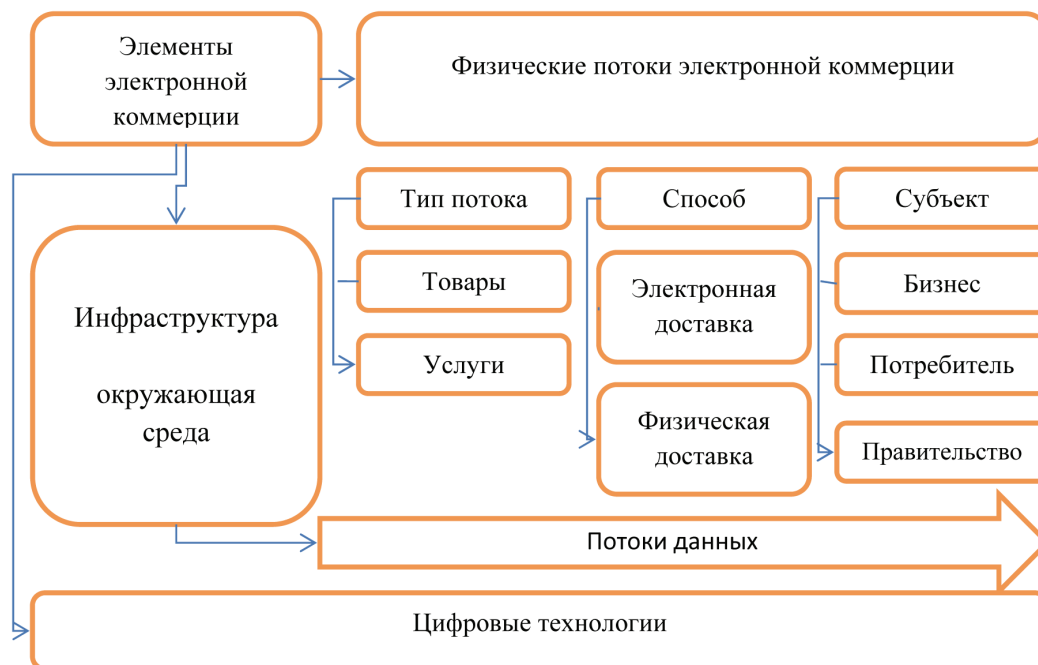

Рисунок 2 – Взаимосвязь элементов системы электронной коммерции⁶

Роль цифровых технологий, способных изменить бизнес-процессы в экосистеме электронной коммерции, в современных исследованиях представлена с трех основных позиций: роботизированная автоматизация процессов, искусственный интеллект/машинное обучение и блокчейны. В качестве приоритетных на современном этапе рассмотренными выше программными документами выступают технологии, показанные на рисунке 3.

Потенциальным преимуществом использования основных цифровых технологий выступает повышение эффективности, качества и согласованности бизнес-процессов за счет повышения скорости и точности обработки информации.

Цифровизация может также обеспечить лучшее представление о работе и результатах в режиме реального времени за счет интеграции структурированных и неструктурированных данных, обеспечения лучшего обзора данных организации и интеграции данных из других источников.

Направления цифровизации бизнес-процессов

Цифровизация преобразует исходную бизнес-модель предприятия и создает новые возможности для бизнеса за счет использования глобально распределенных оцифрованных активов и организационных ресурсов, объединяя нематериальные процессы разработки продуктов и планирования производства с физическим производством и операционной поддержкой.

Цифровая трансформация бизнес-процессов должна происходить по всей цепочке создания стоимости как внутренних для фирмы направлений, так и внешних (рисунок 4).

⁶ Составлено авторами.

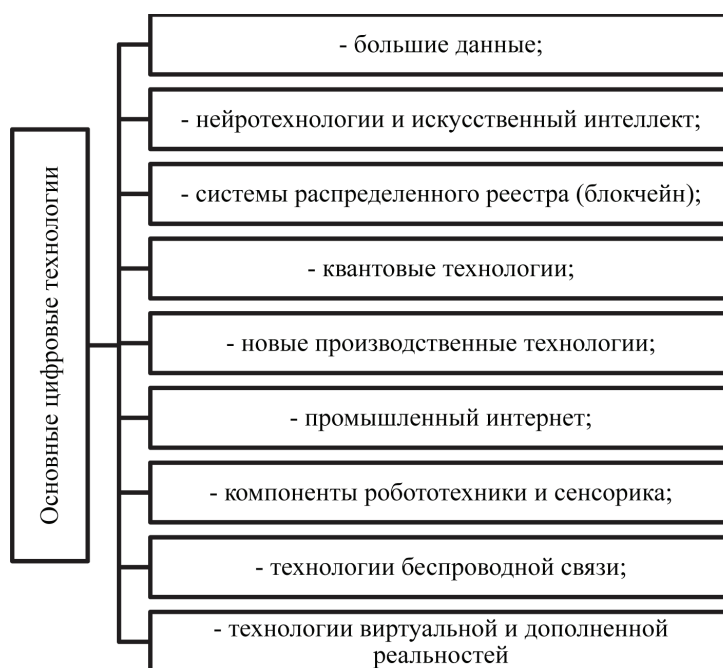

Рисунок 3 – Основные цифровые технологии⁷

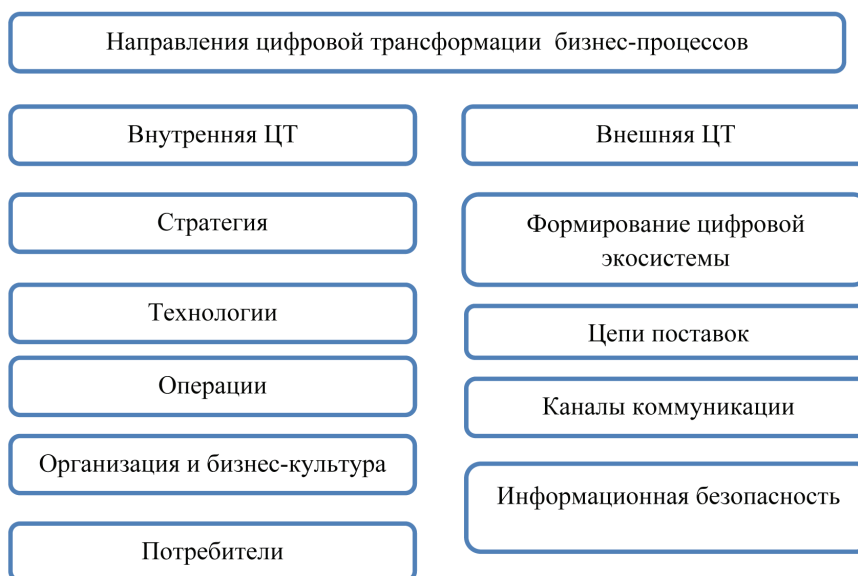

Рисунок 4 – Направления цифровой трансформации бизнес-процессов⁸

Цифровизация по своей сути включает бизнес-инновации, которые создают новые возможности для инновационного взаимодействия с клиентами, оптимизации процессов или создания новых бизнес-моделей. Соответственно, цифровая трансформация может осуществляться либо путем изменения существующей бизнес-модели с помощью цифровых технологий, либо путем создания новой, инновационной. При этом исследования показывают, что большинство организаций уделяют внимание постепенным изменениям и улучшению существующих бизнес-процессов в сочетании с внедрением новых технологий. Хотя ряд авторов признают, что для успешной цифровой трансформации предпочтительнее создание новых бизнес-моделей путем цифровизации. И в первом, и во втором случае цифровые технологии предлагают стартовые условия, необходимые для повышения эффективности бизнес-про-

⁷ Составлено авторами.

⁸ Составлено авторами.

цессов, обеспечивая повышение скорости и качества обмена, передачи информации, приобретения знаний, а также иницируют новые пути ведения бизнеса. Направления внутренней цифровой трансформации бизнес-процессов показаны на рисунке 5.

Как видно на рисунке 5, стратегия включает в себя отношение организаций к цифровой трансформации и является основой для проведения всех других мероприятий и изменений в процессе цифровой трансформации организации. Организации, которые имеют четкое цифровое видение и желание использовать преимущества, которые может принести трансформация, будут активно поощрять цифровые инициативы и направлять финансовые инвестиции на развитие цифровых проектов.

В своем исследовании Hess, Matt, Benlian и Wiesböck [8] выявили, что организационные стратегии различаются по направленности и охвату. Согласно Себастьяну и другим авторам [9], существует два основных направления, которые может охватывать цифровая стратегия: ориентация на клиентов и ориентация на цифровые решения. При этом в обоих направлениях бизнес-процессы будут изменены с точки зрения оптимизации для адаптации к потребностям клиентов или полностью оцифрованы с использованием новых и инновационных решений. Следовательно, цифровая стратегия это «бизнес-стратегия, которая включает в себя возможности, которые предоставляет цифровая экономика, и направлена на преобразование продуктов, процессов и организационных аспектов с использованием цифровых технологий».

Рисунок 5 – Направления внутренней цифровой трансформации бизнес-процессов⁹

⁹ Составлено авторами.

При этом для успешного развития бизнес-процессов и экономики в целом необходим совместный подход технических и управленческих навыков к использованию цифровых технологий, способствующий обеспечению более быстрого принятия решений, автоматизации ручных задач, внедрению инновационных продуктов, услуг. Кроме того, сокращение физических и ручных процессов с помощью программного обеспечения позволяет компаниям на основе оперативных данных более эффективно управлять рабочими процессами, выявлять области риска, оптимизировать затраты и взаимоотношения с поставщиками и потребителями.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Стремительное развитие цифровых технологий на современном этапе выступает актуальным трендом развития бизнеса во многих отраслях экономики, вызывая при этом трансформацию как отдельных бизнес-процессов, так и трансформации самой модели бизнеса.

Вопросы в сфере основных направлений развития цифровизации обсуждаются не только на уровне отдельных фирм. Формализации процессов цифровизации, а также систематизации терминологии измерением уровня цифровизации и классификацией секторов экономики в зависимости от уровня цифровизации уделяется большое внимание как на государственном, так и на международном уровне.

С точки зрения трансформации бизнес-процессов фирмы, потенциальным преимуществом использования основных цифровых технологий выступает повышение эффективности, качества и согласованности бизнес-процессов за счет повышения скорости и точности обработки информации, при этом цифровая трансформация бизнес-процессов должна происходить по всей цепочке создания стоимости как внутренних для фирмы направлений, так и внешних, что вызывает необходимость разработки стратегии цифровой трансформации бизнес-процессов с учетом внутренних и внешних факторов.

Список литературы

1. Щепина И.Н., Бородина А.А. Цифровая экономика как одна из моделей развития постиндустриального общества // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 97–105.
2. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. – 2019. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-globalnyy-trend-mirovoyekonomiki> (дата обращения: 14.12.2022). – Текст: электронный.
3. Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ekonomiki-rossiya-v-kontekste-globalnoy-transformatsii> (дата обращения: 14.12.2022). – Текст: электронный.
4. Попов Е.В., Семячков К.А. Компаративный анализ стратегических аспектов развития цифровой экономики // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-analiz-strategicheskikh-aspektov-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 18.12.2022). – Текст: электронный.
5. Румана Б., Ричард Х. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 143–172.
6. Ценжарик М., Крылова Ю., Стешенко В. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – № 36 (3). – С. 390–420. – DOI <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.303>.
7. Кобзев В.В., Бабкин А.В., Скоробогатов А.С. Цифровая трансформация промышленных предприятий в условиях новой реальности // П-Economy. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 7–27. – DOI <https://doi.org/10.18721/JE.15501>.
8. Hess T., Matt C., Benlian A. & Wiesböck F. Options for formulating a digital transformation strategy // MIS Quarterly Executive. – 2016. – Vol. 15, No. 2. – P. 123–139.
9. Sebastian I.M., Ross J.W., Beath C., Mocker M., Moloney K.G. & Fonstad N.O. How big old companies navigate digital transformation // MIS Quarterly Executive. – 2017. – Vol. 16, No. 3. – P. 197–213.

References

1. *Shchepina I.N., Borodina A.A.* Cifrovaya ekonomika kak odna iz modelej razvitiya postindustrial'nogo obshchestva // Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2019. – № 2. – S. 97–105.
2. *Shinkareckaya G.G.* Cifrovizatsiya – global'nyj trend mirovoj ekonomiki // Obrazovanie i pravo. – 2019. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-globalnyy-trend-mirovoyekonomiki> (data obrashcheniya: 14.12.2022). – Tekst: elektronnyj.
3. *Basaev Z.V.* Cifrovizatsiya ekonomiki: Rossiya v kontekste global'noj transformacii // Mir novoj ekonomiki. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ekonomiki-rossiya-v-kontekste-globalnoy-transformatsii> (data obrashcheniya: 14.12.2022). – Tekst: elektronnyj.
4. *Popov E.V., Semyachkov K.A.* Komparativnyj analiz strategicheskikh aspektov razvitiya cifrovoj ekonomiki // Vestnik PGU. Seriya: Ekonomika. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-analiz-strategicheskikh-aspektov-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya: 18.12.2022). – Tekst: elektronnyj.
5. *Rumana B., Richard H.* Opredelenie, koncepciya i izmerenie cifrovoj ekonomiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2018. – T. 13, № 2. – S. 143–172.
6. *Cenzharik M., Krylova Yu., Steshenko V.* Cifrovaya transformatsiya kompanij: strategicheskij analiz, faktory vliyaniya i modeli // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2020. – № 36 (3). – S. 390–420. – DOI <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.303>.
7. *Kobzev V.V., Babkin A.V., Skorobogatov A.S.* Cifrovaya transformatsiya promyshlennykh predpriyatij v usloviyah novoj real'nosti // П-Economy. – 2022. – Т. 15, № 5. – S. 7–27. – DOI <https://doi.org/10.18721/JE.15501>.
8. *Hess T., Matt C., Benlian A. & Wiesböck F.* Options for formulating a digital transformation strategy // MIS Quarterly Executive. – 2016. – Vol. 15, No. 2. – P. 123–139.
9. *Sebastian I.M., Ross J.W., Beath C., Mocker M., Moloney K.G. & Fonstad N.O.* How big old companies navigate digital transformation // MIS Quarterly Executive. – 2017. – Vol. 16, No. 3. – P. 197–213.

УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРИРОВАННОГО СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Веретёхин Андрей Васильевич¹,

канд. экон. наук,

e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru,

¹Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

В современных условиях глобальной цифровизации коммерческие организации проводят цифровые трансформации для поддержания конкурентоспособности и повышения успешности. Однако цифровизация является довольно сложным процессом, который не всегда приводит к желаемому результату. По данным различных консалтинговых компаний, полученным независимо друг от друга, менее 30 % стратегических цифровых инициатив компаний увенчиваются успехом. В то же время обоснованная и рационально проведенная цифровизация может положительно влиять на финансовые показатели. Целью работы является рассмотрение системы управления цифровыми трансформациями коммерческой организации с применением интегрированного структурно-функционального подхода, предполагающего выделение элементов системы и связей между ними. В работе изложены отдельные теоретические положения подхода, имеющие практическое значение для управления коммерческой организацией. Анализ практик проведения цифровых трансформаций показал недостаточную проработанность этого процесса и подчас игнорирование компаниями как отдельных элементов системы управления (например, целей и стратегии), так и их взаимосвязей. В настоящем исследовании обоснована необходимость выстраивания системы управления цифровыми трансформациями коммерческой организации на основе интегрированного структурно-функционального подхода, а также представлена соответствующая авторская модель управления.

Ключевые слова: управление развитием, менеджмент организации, цифровые трансформации, цифровизация, коммерческая организация, структурно-функциональный подход, модель управления

MANAGEMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF A COMMERCIAL ORGANIZATION BASED ON AN INTEGRATED STRUCTURAL-FUNCTIONAL APPROACH

Veretyokhin A.V.¹,

candidate of economic sciences,

e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru,

¹V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

In today's global digital environment, commercial organizations are digitally transforming themselves to remain competitive and increase their success. However, digitalization is a rather complex process. According to consulting companies less than 30 percent of companies' strategic digital initiatives are successful. At the same time, reasonable and rationally conducted digitalization can have a positive impact on financial metrics. The purpose of the article is to consider the management system of digital transformations of a commercial organization using an integrated structural and functional approach involving the allocation of system elements and the connections between them. The paper outlines certain theoretical provisions of the approach, which are important for the commercial organization management. The analysis of digital transformation practices showed the lack of this process thoughtfulness. Sometimes companies ignore both the individual elements of the management system (e.g., objectives, strategy), and their connections. The study substantiates the need to construct a management

system for digital transformations of a commercial organization based on an integrated structural and functional approach, and also presents the corresponding author's management model.

Keywords: development management, management of organization, digital transformation, digitalization, commercial organization, structural and functional approach, management model

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-85-90

Введение

Современным трендом развития социально-экономических систем выступают цифровые трансформации, которые проникли во все сферы человеческой деятельности, включая и хозяйственную. Коммерческие организации вынуждены следовать этому тренду, чтобы отвечать веянию времени и запросам общества. Тем самым компании пытаются поддержать свою конкурентоспособность и повысить успешность. В то же время для проведения цифровых трансформаций требуются достаточные (по количеству и качеству) ресурсы и определенные компетенции [1]. Как результат, далеко не все коммерческие организации, осуществляющие цифровизацию, достигают желаемого эффекта. По данным Forbes и McKinsey, полученным независимо друг от друга, менее 30 % стратегических цифровых инициатив компаний увенчиваются успехом¹. Исследования ведущих международных и российских консалтинговых компаний, а также ученых и практиков, специализирующихся в сфере цифровизации, выявляют иногда достаточно скромные успехи в цифровых инновациях даже у производственных корпораций-гигантов. Так, внедрение широко разрекламированных, в свое время амбициозных проектов General Electric (в 2011 г.), Lego (в 2014 г.), Procter & Gamble (в 2012 г.), Ford (в 2014 г.), не только не принесло ожидаемых результатов, но даже привело к падению курса акций компаний [2]. Эти неудачи были вызваны, среди прочего, недостаточно продуманными отдельными составляющими проектов по цифровизации. В то же время взвешенная, хорошо обоснованная цифровизация бизнеса может положительно влиять на финансовые показатели коммерческих организаций [3].

Таким образом, цифровые трансформации, их структурно-функциональные элементы и управление ими имеют как научный, так и практический интерес.

Целью работы является рассмотрение системы управления цифровыми трансформациями коммерческой организации с применением интегрированного структурно-функционального подхода, предполагающего выделение отдельных элементов системы и их связей.

Теория и практика применения структурно-функционального подхода

Структурно-функциональный подход активно развивается и применяется человечеством в управлении различными объектами на протяжении длительного времени. Одним из первых письменно зафиксированных примеров соблюдения этого подхода является построение войск, которое разработал и внедрил в управление Александр Македонский (IV в. до н.э.). Считается, что впервые основные теоретические положения структурно-функционального подхода к управлению промышленным предприятием были сформулированы и обоснованы в работах А. Чандлера [4]. С тех пор подход интенсивно используется как на практике, так и в научных трудах. При этом он постоянно совершенствуется и модернизируется согласно веяниям времени. Например, структурно-функциональный подход достаточно часто интегрируется с программно-целевым методом. В современных исследованиях осуществляются различные варианты подхода, и сфера его применения постоянно расширяется [5].

В настоящей работе используется интегрированный структурно-функциональный подход, в котором объект исследуется как объединение взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, обладающих определенными свойствами-функциями, т.е. выполняющих свои задачи [6]. Причем объект, как система, является частью другой системы. Набор этих элементов будем рассматривать как интегриро-

¹ De la Boutetiere H., Montagner A., Reich A. Unlocking success in digital transformations // McKinsey & Co, 2018. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/people-and-organizational-performance/our-insights/unlocking-success-in-digital-transformations> (дата обращения: 13.10.2022). – Текст: электронный.

ванный и комплексный, т.е. содержащий сами элементы, их связи, а также взаимосвязи с элементами внешней системы.

Следует отметить, что в структурно-функциональном анализе социально-экономической системы или ее организационно оформленной составной части – подсистемы, выделяются элементы системы/подсистемы, каждый из которых вносит свой вклад в деятельность организационной единицы системы, т.е. является функциональным. Современная коммерческая организация – довольно сложная социально-экономическая система, имеющая несколько подсистем, которые в научной литературе определяются по разным классификационным признакам. В частности, в теории моделей хозяйственной деятельности корпораций достаточно распространено представление организации как системы, состоящей из следующих моделей: управления, организационно-правовая и операционная (в том числе набор бизнес-моделей). При рассмотрении компании, с точки зрения совокупности ее основных сфер деятельности, можно, например, выделить такие подсистемы: организационная, производственная, финансовая, маркетинговая, кадровая. В зависимости от цели исследования определение элементов системы может быть различным. Однако важно, чтобы они вместе со своими взаимосвязями составляли единое целое. Развитие системы происходит перманентно путем перехода к качественно новой целостности. Таким образом, система управления коммерческой организацией постоянно определяет новые цели развития и разрабатывает планы их воплощения. Материализация планов развития приводит организацию в качественно новое состояние. Отметим, что в современных условиях тотальной цифровизации задача управления коммерческой организации состоит в выборе такой стратегии цифровых трансформаций и путей их реализации, которые способствуют повышению конкурентоспособности.

Вместе с тем сама коммерческая организация является частью экономической системы общества. Как результат, цифровые трансформации компании менеджерам необходимо проводить обоснованно, чтобы не нарушать нужные для существования организации связи и отношения, не разрушать важные структурные единицы как в самой компании, так и вне ее. В этом случае сохраняется динамическое равновесие системы (коммерческой организации) как элемента общественной системы.

На практике у руководителей компаний есть выбор: либо создавать новые цифровизированные элементы, либо встраивать цифровые технологии в уже существующие процессы и операции.

В управлении цифровыми трансформациями менеджеры руководствуются, прежде всего, стратегией развития собственной компании. При этом возможен один из следующих трех вариантов:

- компания имеет отдельно разработанную стратегию цифровизации;
- стратегия цифрового развития является частью общей стратегии компании;
- в стратегии определены только бюджеты направлений развития без конкретизации и, тем более, привязки к цифровизации.

Последнее характерно для российских компаний. Как следствие, цели по цифровизации у некоторых фирм также не конкретизированы и/или довольно расплывчаты. В то же время исследования передовых практик показывают важность выбора реалистичных, достижимых задач для цифровизации. При этом подчеркивается необходимость учитывать чаяния потребителей, достижения лидеров отрасли и конкурентов, а также среднеотраслевые показатели [7]. Таким образом, выбор цели является важным этапом управления цифровизацией коммерческой организации.

Научно-технический прогресс вызвал бурный рост разнообразия цифровых технологий. Как результат, цифровые продукты уже достаточно распространены в быту и производстве [8]. Вместе с тем каждый из современных цифровых инструментов (ЦИ) имеет свои достоинства. Хотя им присущи и ограничения. Например, для компаний сдерживающими факторами цифровых трансформаций, в том числе, являются высокая цена ЦИ, недостаточное количество (или даже отсутствие) сотрудников определенных специальностей, санкционные ограничения, сложности в трансформации существующих бизнес-моделей, риск недополучения выгоды и т.п. Эти факторы можно объединить в экономические, технологические, организационные и экологические группы [9, с. 7]. Все это значительно усложнило процедуру выбора и осуществления цифровых трансформаций организации.

Революционные технические изменения приводят к тому, что даже уже используемые в компании цифровые технологии требуют постоянного обновления, а значит, бюджета, модернизации или замены оборудования и перманентного цифрового развития персонала. Последнее, отчасти, решается

менеджерами в рамках корпоративной цифровой культуры, которая должна быть разработана и обязательно неформально внедрена в организации.

Следует отметить, что для регионов РФ характерно цифровое неравенство [10]. В результате коммерческие организации страны имеют различные начальные условия для старта и проведения цифровизации. Этот факт, с авторской точки зрения, обуславливает необходимость, при выборе целей цифровых трансформаций, среди прочего, учитывать цифровые достижения региональных компаний-лидеров и цифровую региональную инфраструктуру. На современном этапе затраты российских компаний, проводящих цифровые трансформации, сравнительно высоки, поскольку осуществляемые проекты по цифровизации являются достаточно капиталоемкими из-за требуемых инфраструктурных вложений [11].

Таким образом, чтобы избежать ненужных потерь и неудач, управление цифровыми трансформациями должно быть обоснованным и логически выстроенным, т.е. структурированным. При этом в системе управления коммерческой организации необходимо учитывать особенности цифровых технологий, цели и возможность их внедрения, включая, среди прочего, ограничения (ресурсные, инфраструктурные и др.). Система должна содержать функционально важные для выполнения цифровизации элементы и их взаимосвязи. Иными словами, систему управления цифровыми трансформациями коммерческой организации целесообразно выстраивать на основе интегрированного структурно-функционального подхода. В то же время на практике компании не всегда этому следуют.

Модель управления цифровыми трансформациями коммерческой организации в современных условиях

На основании приведенных выше данных можно выделить основные элементы системы управления цифровыми трансформациями коммерческой организации, их взаимосвязи, а, следовательно, сконструировать ее модель. Модель можно использовать как шаблон для конструирования эффективной и логически обоснованной системы управления. Виртуальное использование модели в виде симулятора (возможно, компьютерного) позволяет сравнительно недорого и быстро представить все выгоды и угрозы, связанные с тем или иным видом цифровых трансформаций коммерческой организации. Модель также помогает спрогнозировать риски, учесть имеющиеся ограничения, запланировать ресурсы, необходимые для каждого этапа осуществления цифровизации. Таким образом можно протестировать и оценить необходимость и возможность осуществления различных видов цифровизации, а также выбрать наиболее подходящий цифровой инструментарий.

Модель управления цифровыми трансформациями коммерческой организации в контексте интегрированного структурно-функционального подхода представлена на рисунке 1. Модель состоит из элементов, отвечающих основным этапам цифровых трансформаций компании, и их связей (сплошная линия). Кроме того, указаны ограничения, представляющие собой угрозы целостности элемента (т.е. исполнению этапа цифровизации). Через ограничения осуществляется взаимосвязь элементов модели и внешней системы. В случае достижения ограничением предельно допустимого значения задействуется связь, обозначенная штрих-пунктирной линией, и целостность системы управления сохраняется. Каждый элемент модели, в свою очередь, включает взаимосвязанно реализуемые основные функции управления (планирование, организация, мотивация, контроль, координация).

Модель является циклической и отражает перманентное цифровое развитие системы (коммерческой организации), которое происходит путем перехода в качественно новое состояние и, соответственно, придает системе иные свойства и обеспечивает ее новую целостность в рамках следующей ступени развития. На рисунке для обозначения этого перехода использована линия со стрелкой формата «штрих». В модели применен итерационный подход к обновлениям и улучшениям, а также к адаптации под изменения. Это обеспечивается связями элементов № 2, 3 и 4, обозначенными штрих-пунктирными линиями.

Внедрение в коммерческих предприятиях предложенной модели позволит осуществлять обоснованное управление цифровыми трансформациями.

Рисунок 1 – Модель управления цифровыми трансформациями коммерческой организации в контексте интегрированного структурно-функционального подхода²

Заключение

Управление цифровыми трансформациями, как, впрочем, и они сами, играет важную роль в современной хозяйственной деятельности коммерческих организаций. В то же время в промышленных компаниях менеджеры всех уровней иногда испытывают некоторые сложности при осуществлении цифровых трансформаций из-за имеющихся ограничений ресурсного, организационного и инфраструктурного характера. Это повышает требования к обоснованию управления цифровизацией.

Настоящее исследование показало целесообразность применения интегрированного структурно-функционального подхода в управлении цифровыми трансформациями коммерческой организации. Однако на практике компании не всегда этого придерживаются. Как результат, недостаточно продуманный подход к цифровизации приводит к ненужным потерям и неудачам.

В работе предложена модель управления цифровыми трансформациями коммерческой организации в контексте интегрированного структурно-функционального подхода. Модель состоит из элементов, отвечающих основным этапам цифровизации, их взаимосвязей и ограничений целостности. Внедрение авторской модели позволит менеджменту осуществлять обоснованное управление цифровыми трансформациями своих компаний.

Приведенные в работе данные будут полезны в научных изысканиях по развитию структурно-функционального подхода в менеджменте, а также на практике, для руководителей коммерческих организаций, в управлении цифровизацией компании. В дальнейших исследованиях предполагается изучить передовые практики построения «умных» цифровых организаций.

Список литературы

1. Ксенофонтова Х.З. Новые требования рынка труда к компетенциям персонала промышленных компаний в условиях цифровизации экономики // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2022. – № 2 (41). – С. 89–96. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-2-89-96.
2. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стешенко В.И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36, вып. 3. – С. 390–420.

² Составлено автором.

3. Черкасова В.А., Слепушенко Г.А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика. – 2021. – № 25 (2). – С. 128–142. – DOI 10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142.
4. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise. – Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1962. – 488 p.
5. Shan Y. The Functional Approach: Scientific Progress as Increased Usefulness: Chapter in the New Philosophical Perspectives on Scientific Progress. 1st ed. Routledge Studies in the Philosophy of Science. – N.Y.: Routledge, 2022. – DOI 10.4324/9781003165859.
6. Миллер А.Е., Давиденко Л.М. Структурно-функциональный подход к исследованию технологической интеграции // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 59–69. – DOI 001:10.25513/1812-3988.2019.17(3).59-69.
7. Гилева Т.А., Бабкин А.В., Гилев Г.А. Разработка стратегии цифровой трансформации предприятия с учетом возможностей бизнес-экосистем // Экономика и управление. – 2020. – № 26 (6). – С. 629–642. – DOI 10.35854/1998-1627-2020-6-629-642.
8. Бутковская Г.В., Ивлиев А.А. Маркетинговые технологии развития цифровых продуктов в автомобильной индустрии // E-Management. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 74–84.
9. Gómez-Bengochea G., Jung J. A literature review on firm digitalization: drivers and impacts // Estudios sobre la Economía Española. – 2022. – № 2022-20. – 53 p.
10. Басова Е.А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 1–17. – DOI 10.15838/tdi.2021.4.59.4.
11. Темников А.О., Подшивалова М.В. Цифровая трансформация промышленности: выгоды, затраты и риски // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 122–131. – DOI 10.14529/et220212.

References

1. Ksenofontova H.Z. Novye trebovaniya rynka truda k kompetenciyam personala promyshlennykh kompanij v usloviyah cifrovizacii ekonomiki // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie. – 2022. – № 2 (41). – S. 89–96. – DOI 10.21777/2587-554X-2022-2-89-96.
2. Cenzharik M.K., Krylova Yu.V., Steshenko V.I. Cifrovaya transformaciya kompanij: strategicheskij analiz, faktory vliyaniya i modeli // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2020. – Т. 36, вып. 3. – S. 390–420.
3. Cherkasova V.A., Slepushenko G.A. Vliyaniye cifrovizacii biznesa na finansovye pokazateli rossijskih kompanij // Finansy: teoriya i praktika. – 2021. – № 25 (2). – S. 128–142. – DOI 10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142.
4. Chandler A.D., Jr. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprise. – Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1962. – 488 p.
5. Shan Y. The Functional Approach: Scientific Progress as Increased Usefulness: Chapter in the New Philosophical Perspectives on Scientific Progress. 1st ed. Routledge Studies in the Philosophy of Science. – N.Y.: Routledge, 2022. – DOI 10.4324/9781003165859.
6. Miller A.E., Davidenko L.M. Strukturno-funkcional'nyj podhod k issledovaniyu tekhnologicheskoy integracii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». – 2019. – Т. 17, № 3. – S. 59–69. – DOI 001:10.25513/1812-3988.2019.17(3).59-69.
7. Gileva T.A., Babkin A.V., Gilev G.A. Razrabotka strategii cifrovoj transformacii predpriyatiya s uchetom vozmozhnostej biznes-ekosistem // Ekonomika i upravlenie. – 2020. – № 26 (6). – S. 629–642. – DOI 10.35854/1998-1627-2020-6-629-642.
8. Butkovskaya G.V., Ivliev A.A. Marketingovye tekhnologii razvitiya cifrovyh produktov v avtomobil'noj industrii // E-Management. – 2021. – Т. 4, № 1. – S. 74–84.
9. Gómez-Bengochea G., Jung J. A literature review on firm digitalization: drivers and impacts // Estudios sobre la Economía Española. – 2022. – № 2022-20. – 53 p.
10. Basova E.A. Cifrovoye neravenstvo rossijskih regionov: sovremennyye problemy i puti preodoleniya // Voprosy territorial'nogo razvitiya. – 2021. – Т. 9, № 4. – S. 1–17. – DOI 10.15838/tdi.2021.4.59.4.
11. Temnikov A.O., Podshivalova M.V. Cifrovaya transformaciya promyshlennosti: vygody, zatraty i riski // Vestnik YuUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment». – 2022. – Т. 16, № 2. – S. 122–131. – DOI 10.14529/et220212.

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Баранов Дмитрий Никитич¹,

e-mail: Gex561@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу потенциала применения цифровых технологий в организации социально-трудовых отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) на отраслевом уровне. Показано, что наибольший потенциал для внедрения в процессы организации социально-трудовых отношений имеют такие виды сквозных технологий, как искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и система больших данных. Их интегрированное внедрение на отраслевом уровне позволит оптимизировать и автоматизировать трудовые и социальные процессы в трудовых коллективах на предприятиях ЖКХ. Применение цифровых технологий обеспечит трансформацию социально-трудовых отношений в процессе постановки трудовой задачи работнику, контроля качества и своевременности ее исполнения, позволит сформировать публичный рейтинг как отдельного работника, так и предприятия ЖКХ в целом, а также позволит оптимизировать организационные процессы в сторону их автоматизации, увеличения прозрачности отношений в трудовом коллективе и снижения риска оппортунистического поведения. Активное распространение смарт-контрактов должно качественно преобразовать сложившуюся систему взаимодействия между работником и работодателем в сфере ЖКХ и автоматизировать систему оплаты труда.

Ключевые слова: цифровые технологии, социально-трудовые отношения, блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные

THE POTENTIAL OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Baranov D.N.¹,

e-mail: Gex561@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of the potential for the use of digital technologies in the organization of social and labor relations in the field of housing and communal services (HCS) at the industry level. It is shown that such types of end-to-end technologies as artificial intelligence, the Internet of things, blockchain and big data systems have the greatest potential for implementation in the processes of organizing social and labor relations. Their integrated implementation at the industry level will allow optimizing and automating labor and social processes in labor collectives at housing and communal services enterprises. The use of digital technologies will ensure the transformation of social and labor relations in the process of setting a labor task for an employee, monitoring the quality and timeliness of its implementation, will form a public rating of both an individual employee and the housing and communal services enterprise as a whole, and will also optimize organizational processes towards their automation, increase transparency of relations in the labor collective and reduction of the risk of opportunistic behavior. The active distribution of smart contracts should transform qualitatively the existing system of interaction between an employee and an employer in the housing and communal services sector and automate the wage system.

Keywords: digital technologies, social and labor relations, blockchain, artificial intelligence, Internet of things, big data

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-91-98

Введение

В современных условиях происходят кардинальные сдвиги в области социально-экономических отношений, связанные с развитием цифровых технологий. Одним из приоритетов развития народного хозяйства в Российской Федерации является формирование цифровой экономики. Важнейшей сферой, обеспечивающей жизнеспособность российских городов, является жилищно-коммунальное хозяйство, где имеется большой потенциал для внедрения цифровых технологий. Качество предоставления услуг предприятиями ЖКХ во многом зависит от сложившейся социально-трудовой атмосферы в коллективе. В связи с этим весьма важным является формирование эффективной системы организации социально-трудовых отношений в рамках предприятия ЖКХ. При этом возникает вопрос: какой потенциал имеют цифровые технологии в процессе организации социально-трудовых отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства?

1. Сквозные технологии, имеющие наибольший потенциал для интеграции в социально-трудовые отношения в сфере ЖКХ

Для ответа на этот вопрос в рамках данной статьи необходимо провести анализ потенциала применения цифровых технологий в организации социально-трудовых отношений в ЖКХ, а также построить потенциальные модели организации социально-трудовых отношений с учетом применения цифровых технологий.

В Концепции «Умный город» указано, что ключевыми цифровыми технологиями, которые имеют наибольший потенциал применения в жилищно-коммунальном хозяйстве, являются искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные и блокчейн-платформа [1]. При этом нужно отметить, что каждая из этих технологий в процессе реализации гибкой системы оплаты труда в организациях ЖКХ имеет свой функционал и будет эффективна в интегрированном виде. Цифровые технологии, задействованные в предлагаемой к внедрению системе оплаты труда в сфере ЖКХ, представлены на рисунке 1.

Данные рисунка 1 показывают, что ключевыми технологиями в процессе внедрения единой электронной системы управления ЖКХ должны стать система блокчейн, интернет вещей, искусственный интеллект и большие данные. Каждая из этих систем выполняет определенный набор функций в процессе управления жилищно-коммунальным хозяйством и предлагаемой к внедрению в хозяйственную практику организаций ЖКХ системе социально-трудовых отношений. Так, блокчейн-платформа осуществляет комплекс функций по фиксации данных и расчетам по заработной плате работников ЖКХ. Посредством использования блокчейн-платформы рационально осуществлять фиксацию поставленных перед руководителями структурных подразделений и работниками трудовых задач, осуществлять фиксацию нормативных сроков, а также результатов выполнения поставленной задачи, обеспечивать цифровой документооборот. В процессе трансформации сложившейся системы социально-трудовых отношений ЖКХ посредством использования блокчейн-платформы возможен переход от трудовых договоров с работником на заключение с ним смарт-контрактов, которые позволяют увеличить прозрачность трудовой деятельности, а также снизить отрицательное воздействие человеческого фактора в процессе оценки результатов труда работника.

Другой системой, которая актуальна в процессе работы системы управления жилищно-коммунальным хозяйством, является интернет вещей. Использование данной технологии предполагает формирование единой сети датчиков, которые будут интегрированы со смартфонами работников сферы ЖКХ и единой системой управления ЖКХ [2]. Технология интернета вещей позволяет считывать и подтверждать результаты выполнения поставленной перед работником ЖКХ трудовой задачи на объекте, что снижает риск оппортунистического поведения со стороны работника и руководителя и позволяет увеличить качество предоставляемых услуг.

В процессе функционирования единой системы управления жилищно-коммунальным хозяйством необходимым является использование технологии искусственного интеллекта, которая позволяет автоматизированно осуществлять обработку больших массивов информации и предоставлять конечные результаты для принятия управленческого решения. Так, например, полученные данные посредством

использования технологии интернета вещей и данных, внесенных в систему блокчейн, позволяют искусственному интеллекту автоматизированно вычислить степень индивидуального трудового участия работника и произвести расчет заработной платы и объема необходимых выплат органам государственной власти исходя из заложенных показателей эффективности трудовой деятельности по данной должности.

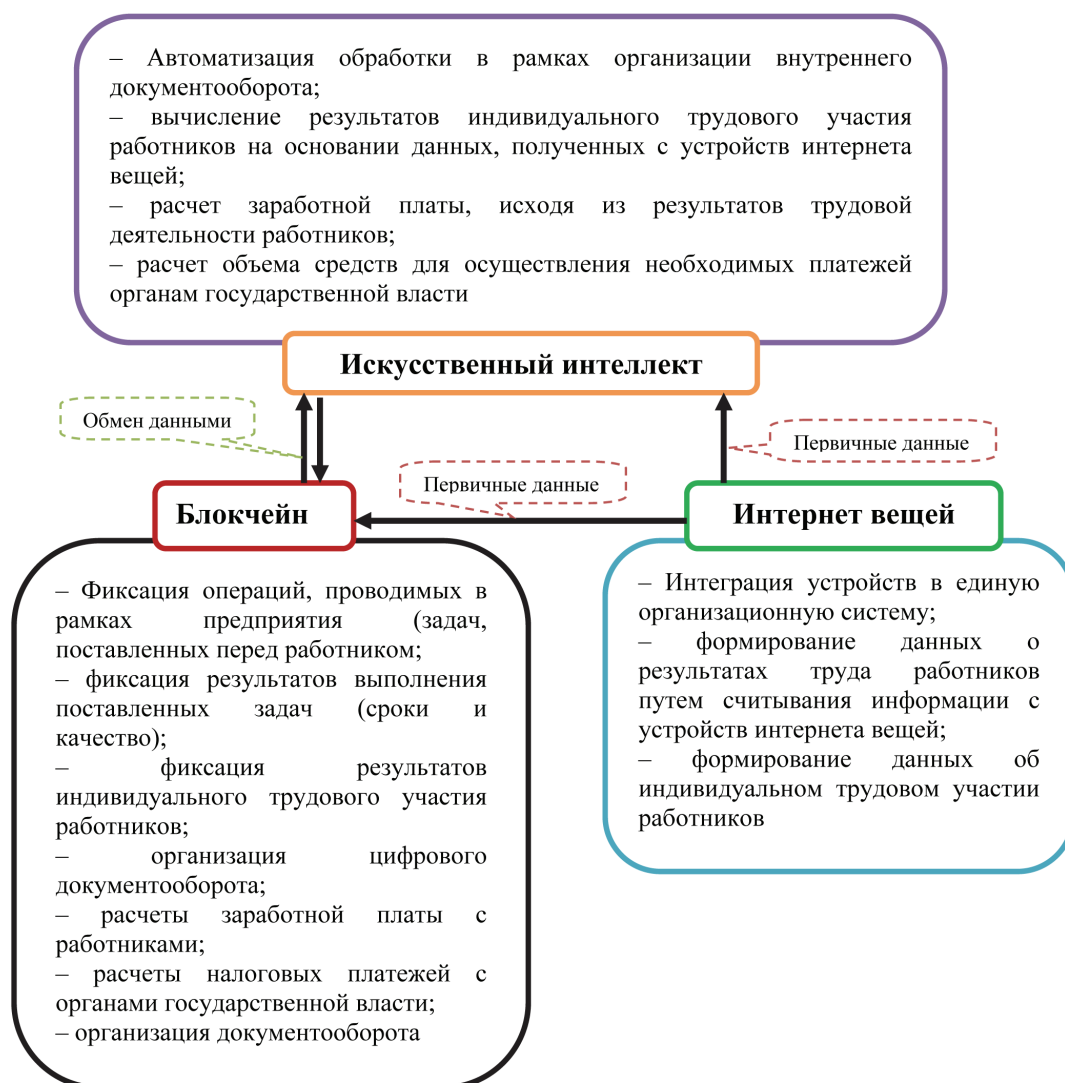

Рисунок 1 – Цифровые технологии, задействованные в предлагаемой к внедрению системе социально-трудовых отношений в сфере ЖКХ¹

Для обеспечения хранения больших массивов информации, характеризующей работу всей системы жилищно-коммунального хозяйства, актуальным является использование технологии больших данных, которые будут интегрированы блокчейн-платформой, искусственным интеллектом и интернетом вещей в единую систему на отраслевом уровне.

2. Модели организации социально-трудовых отношений с использованием цифровых технологий в сфере ЖКХ

Использование приведенных выше технологий в совокупном, интегрированном виде, с целью обеспечения эффективного функционирования единой отраслевой системы управления жилищно-ком-

¹ Разработано автором.

мунальным хозяйством позволит увеличить прозрачность и эффективность деятельности организаций ЖКХ, а также снизит транзакционные издержки [3; 4]. Однако, для эффективного функционирования предлагаемой к внедрению системы социально-трудовых отношений в сфере ЖКХ с использованием цифровых технологий, необходимо построение модели постановки трудовой задачи перед работником с использованием цифровых технологий в рамках единой системы управления жилищно-коммунальным хозяйством (рисунок 2).

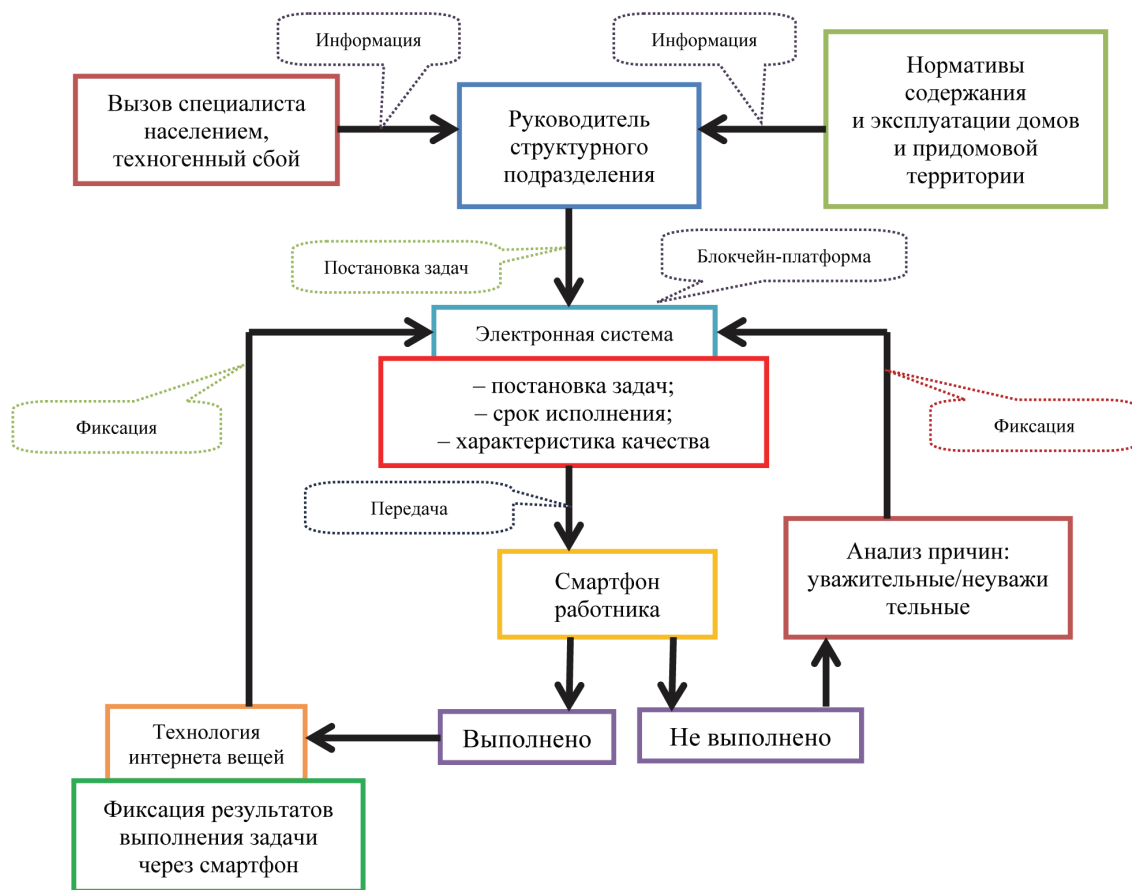

Рисунок 2 – Модель постановки трудовой задачи перед работником с использованием цифровых технологий²

Данные рисунка 2 показывают, что руководитель структурного подразделения управляющей компании в сфере ЖКХ ставит трудовую задачу перед работником исходя из плановых работ, которые закреплены в нормативно-правовых актах, регламентирующих эксплуатацию многоквартирных домов и придомовой территории и в случае техногенного сбоя. Руководитель структурного подразделения управляющей организации ставит задачу перед работником, используя единую систему управления жилищно-коммунальным хозяйством. В этой системе он осуществляет постановку трудовой задачи, срок ее исполнения, характеристики качества и форму электронной отчетности о выполнении поставленной задачи. Эти данные передаются на смартфон работника – исполнителя, который приступает к выполнению поставленной трудовой задачи.

Если работник не выполнил задачу в поставленный срок, то происходит анализ причин, которые способствовали невыполнению поставленной задачи, и дальнейшая фиксация в единой системе управления жилищно-коммунальным хозяйством. Если причины невыполнения поставленной задачи носят объективный характер, то это не отражается на трудовом рейтинге работника, если же работник не выполнил задачу без уважительных причин, то это фиксируется в его рейтинге эффективности труда.

² Разработано автором.

Если работник выполнил поставленную задачу в отведенный срок, то происходит фиксация результатов его труда с помощью использования технологии интернета вещей посредством умных датчиков (если они установлены), либо через смартфон. Результаты его труда также фиксируются в единой системе управления жилищно-коммунальным хозяйством.

Исходя из результатов, занесенных в единую систему управления жилищно-коммунальным хозяйством, по итогам года формируется рейтинг работника, если это предусмотрено контрактом и занимаемой должностью. Этот рейтинг формируется исходя из показателей эффективности труда работника, по которым определяется уровень его заработной платы на будущий год [5; 6]. Для проведения эффективной, непредвзятой оценки эффективности труда работника жилищно-коммунального хозяйства с использованием цифровых технологий необходима модель, описывающая алгоритм его проведения (рисунок 3).

Рисунок 3 – Модель, характеризующая алгоритм проведения оценки эффективности труда работника сферы ЖКХ с использованием цифровых технологий³

Данные рисунка 3 показывают, что в результате фиксации результатов выполнения поставленных задач в единой системе управления жилищно-коммунальным хозяйством по итогам года система автоматически рассчитывает рейтинг работника и выводит результат в личном кабинете. Работник через личный кабинет имеет возможность ознакомиться с итогами аттестации его трудовой деятельности, рассчитанной в рамках закрепленных показателей эффективности его труда [7; 8].

В случае, если работник согласен с результатами оценки его труда, система автоматически проводит расчет переменной части оплаты труда на будущий год. Кроме того, система, с учетом уровня заработной платы, полученной в результате проведения оценки эффективности его труда, формирует смарт-контракт на будущий год.

В случае несогласия работника с результатами оценки эффективности его труда работник аргументированно оспаривает приведенные показатели. Для рассмотрения его аргументов на уровне организации ЖКХ формируется аттестационная комиссия, которая оценивает достоверность представленных материалов и трудовой ситуации. Комиссия имеет полномочия по коррекции показателей эффективности труда работника в сторону повышения. В случае, если работник обосновал некорректность оценки результатов его труда, комиссия проводит коррекцию показателей эффективности труда работника в единой системе управления жилищно-коммунальным хозяйством в сторону их повышения. Од-

³ Разработано автором.

нако, если работник представил некорректное обоснование заниженных показателей оценки эффективности его труда, то комиссия выносит решение о сохранении результатов автоматизированной оценки труда работника.

Состав аттестационной комиссии определяется исходя из локальных нормативно-правовых актов организации ЖКХ, однако, примерный состав членов комиссии должен включать в себя следующие должности: директор, главный бухгалтер, экономист, юрист, руководитель структурного подразделения, ведущий специалист в сфере, в которой происходит оценка труда работника, представитель профсоюзной организации. Аттестационная комиссия является коллегиальным органом, в котором решения принимаются простым большинством. Председателем комиссии является директор организации ЖКХ, который определяет регламент. Функции членов аттестационной комиссии в зависимости от занимаемой должности представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Функции членов аттестационной комиссии в зависимости от занимаемой должности⁴

Должность	Характеристика выполняемой функции
Директор	Осуществляет организацию работы по проведению аттестации работника. Осуществляет руководство и контроль за проведением работ по аттестации работников на всех ее этапах. Выполняет функции председателя аттестационной комиссии
Главный бухгалтер	Выполняет функции председателя аттестационной комиссии во время отсутствия директора. Готовит информацию аттестующей организации о кодах статистической отчетности (ОКПО, ОКОГУ, ОКВЭД, ОКАТО) для оформления результатов их аттестации
Экономист	Курирует вопросы экономического характера в процессе оценки деятельности работника. Совместно с главным бухгалтером готовит информацию аттестующей организации о кодах статистической отчетности (ОКПО, ОКОГУ, ОКВЭД, ОКАТО) для оформления результатов их аттестации
Юрист	Курирует вопросы юридического характера в процессе оценки деятельности работника
Руководитель структурного подразделения	Представляет общую характеристику работника, результатов его труда. Проводит объективную оценку значимости работника в деятельности организации ЖКХ
Ведущий специалист	Осуществляет оценку объективности сопоставления результатов автоматизированной оценки результатов труда работника
Представитель профсоюзной организации	Осуществляет контроль за соблюдением социально-трудовых прав работников в процессе проведения аттестации. Контролирует реализацию принципов проведения аттестации: коллегиальность, гласность, открытость, обеспечивающие объективное отношение к работникам, недопустимость дискриминации при проведении аттестации

Данные таблицы 1 показывают, что в процессе проведения аттестации работника организации ЖКХ каждая должность в составе аттестационной комиссии имеет свой функционал, однако, в процессе принятия решений каждый из членов комиссии имеет равный вес. Аттестационная комиссия в процессе осуществления своей работы имеет право по просьбе работника сферы ЖКХ рассмотреть возможность внесения изменений и дополнений в его рейтинговые показатели на основе достоверности представленных работником сведений, которые оспаривают данные, занесенные в единую систему управления жилищно-коммунальным хозяйством.

Если условия контракта работника ЖКХ в силу специфики занимаемой должности не предполагают выплаты переменной части заработной платы и прохождения процедуры квалификационной аттестации, то результаты выполнения поставленной задачи фиксируются в его индивидуальном трудовом рейтинге.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что внедрение новой парадигмы социально-трудовых отношений на предприятиях ЖКХ, которая была предложена нами в рамках настоящей статьи, будет эффективной в случае использования в этом процессе цифровых технологий. В современных условиях важным является формирование на федеральном уровне единой системы управления жилищно-комму-

⁴ Разработано автором.

нальным хозяйством. Это позволит сделать организационные процессы, происходящие в организациях ЖКХ, более транспарентными. Ключевыми технологиями, обеспечивающими функциональность единой системы управления ЖКХ, должны стать технология интернета вещей, блокчейн-платформа, искусственный интеллект и большие данные, которые работают как единый интегрированный механизм, выполняя каждая определенный функционал. Высокий потенциал имеют смарт-контракты, которые в перспективе вытеснят традиционный трудовой договор, заключаемый на бумажном носителе.

Положительной стороной, предлагаемой к внедрению единой системы управления ЖКХ, является формирование рейтинга как организаций ЖКХ, так и их работников, что, с одной стороны, упростит процедуру выбора поставщика услуг для потребителей, а с другой – создаст мотивацию для организаций и работников к увеличению качества предоставляемых услуг.

Использование единой системы управления ЖКХ в процессе определения заработной платы делает необходимым применение цифровых технологий в процессе постановки трудовой задачи, обеспечения контроля ее качества и сроков ее выполнения. По итогам года результаты трудовой деятельности работника ЖКХ искусственный интеллект в рамках единой системы управления ЖКХ сводит в единую систему заданных показателей эффективности труда работника, формируя его рейтинг, по которому определяется переменная часть оплаты его труда. В результате система автоматически формирует смарт-контракт на будущий год с заработной платой, определенной по итогам аттестации. В случае, если работник не согласен с результатами автоматической оценки эффективности его труда, то он может оспорить полученные показатели посредством прохождения аттестации специально созданной аттестационной комиссии.

Внедрение цифровых технологий в организацию социально-трудовых отношений в сфере ЖКХ позволит оптимизировать организационные процессы в сторону их автоматизации, увеличения транспарентности отношений в трудовом коллективе, снижения риска оппортунистического поведения и ряда других полезных эффектов.

Список литературы

1. Слепцова Е.В., Такахо Б.Р. Особенности рынка труда в условиях цифровой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynka-truda-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 15.12.2022). – Текст: электронный.
2. Сутело Н.П. Применение методов материальной мотивации труда на предприятии жилищно-коммунального хозяйства // Кадровик. – 2020. – № 9. – С. 120–125.
3. Сутело Н.П. Анализ эффективности применения системы оплаты труда на предприятии жилищно-коммунального сектора // Кадровик. – 2020. – № 7. – С. 95–104.
4. Григорьева И.В., Хабазина Л.Н. Алгоритм формирования системы оплаты труда работников организации по результатам их труда // Вестник РУК. – 2019. – № 2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algorithm-formirovaniya-sistemy-oplaty-truda-rabotnikov-organizatsii-po-rezultatam-ih-truda> (дата обращения: 28.10.2022). – Текст: электронный.
5. Думенко Е.В. Особенности материального стимулирования персонала организаций сферы ЖКХ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-materialnogo-stimulirovaniya-personala-organizatsiy-sfery-zhkh> (дата обращения: 28.10.2022). – Текст: электронный.
6. Колесник Е.А. Стратегия занятости населения в цифровой экономике // Дискуссия. – 2022. – Вып. 111. – С. 50–58.
7. Кузьмина Л.А. Изменение содержания труда и занятости под влиянием нового технологического уклада // Евразийский союз ученых. – 2021. – № 1-6 (82). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-soderzhaniya-truda-i-zanyatosti-pod-vliyaniem-novogo-tehnologicheskogo-uklada> (дата обращения: 27.10.2022). – Текст: электронный.
8. Спирина Л.И. Система оплаты труда персонала управляющих организаций сферы жилищно-коммунального хозяйства на основе ключевых показателей эффективности // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-oplaty-truda-personala-upravlyayuschih-organizatsiy-sfery-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva-na-osnove-klyuchevyh-pokazateley> (дата обращения: 28.10.2022). – Текст: электронный.

References

1. *Slepцова E.V., Takaho B.R.* Osobennosti rynka truda v usloviyah cifrovoj ekonomiki // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. – 2020. – № 12-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynka-truda-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya: 15.12.2022). – Tekst: elektronnyj.
2. *Suptelo N.P.* Primenenie metodov material'noj motivacii truda na predpriyatii zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva // *Kadrovik*. – 2020. – № 9. – S. 120–125.
3. *Suptelo N.P.* Analiz effektivnosti primeneniya sistemy oplaty truda na predpriyatii zhilishchno-kommunal'nogo sektora // *Kadrovik*. – 2020. – № 7. – S. 95–104.
4. *Grigor'eva I.V., Habazina L.N.* Algoritm formirovaniya sistemy oplaty truda rabotnikov organizacii po rezul'tatam ih truda // *Vestnik RUK*. – 2019. – № 2 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-formirovaniya-sistemy-oplaty-truda-rabotnikov-organizatsii-po-rezultatam-ih-truda> (data obrashcheniya: 28.10.2022). – Tekst: elektronnyj.
5. *Dumenko E.V.* Osobennosti material'nogo stimulirovaniya personala organizacij sfery ZHKKH // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-materialnogo-stimulirovaniya-personala-organizatsiy-sfery-zhkh> (data obrashcheniya: 28.10.2022). – Tekst: elektronnyj.
6. *Kolesnik E.A.* Strategiya zanyatosti naseleniya v cifrovoj ekonomike // *Diskussiya*. – 2022. – Vyp. 111. – S. 50–58.
7. *Kuz'mina L.A.* Izmenenie sodержaniya truda i zanyatosti pod vliyaniem novogo tekhnologicheskogo ukhlada // *EvrAzijskij soyuz uchenyh*. – 2021. – № 1-6 (82). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-soderzhaniya-truda-i-zanyatosti-pod-vliyaniem-novogo-tehnologicheskogo-ukhlada> (data obrashcheniya: 27.10.2022). – Tekst: elektronnyj.
8. *Spirina L.I.* Sistema oplaty truda personala upravlyayushchih organizacij sfery zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva na osnove klyuchevyh pokazatelej effektivnosti // *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*. – 2015. – № 1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-oplaty-truda-personala-upravlyayuschih-organizatsiy-sfery-zhilishchno-kommunalnogo-hozyajstva-na-osnove-klyuchevyh-pokazatelej> (data obrashcheniya: 28.10.2022). – Tekst: elektronnyj.

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ¹

Корчагин Рудик Левович¹,

e-mail: kor4.ru@ya.ru,

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Технологическое предпринимательство имеет важнейшее значение для развития страны, обеспечения технологического суверенитета и импортозамещения. Для этого необходимо принятие технологическими предпринимателями обоснованных управленческих решений. Существует большое число научно обоснованных и эмпирических подходов, методов принятия решений, однако мало изучено, как принимаются управленческие решения технологическими предпринимателями на практике. В статье изложены результаты анкетного опроса технологических предпринимателей об особенностях принятия ими решений. Отмечается, что они имеют достаточно высокий уровень осведомленности в теории и методах принятия решений, но на практике используют простейшие приемы. Информационное обеспечение принятия решений также ограничено наиболее доступными бесплатными источниками. Делается вывод о том, что необходимо в рамках программ акселерации более полно и качественно обучать потенциальных технологических предпринимателей обоснованию решений (с учетом специфики их деятельности). Проведенное исследование технологических предпринимателей показало дефицит компетенций и ресурсов в сфере принятия управленческих решений.

Ключевые слова: управленческие решения, технологические предприниматели, анкетный опрос, информационное обеспечение, цифровые технологии

FEATURES OF MANAGEMENT DECISION-MAKING BY TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURS

Korchagin R.L.¹,

e-mail: kor4.ru@ya.ru,

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Technological entrepreneurship is essential for the development of the country, ensuring technological sovereignty and import surpass. This requires the adoption of sound management decisions by technological entrepreneurs. There are a large number of scientifically based and empirical approaches, decision-making methods, but little has been studied how managerial decisions are made by technology entrepreneurs in practice. The article presents the results of a questionnaire survey of technology entrepreneurs about the features of their decision-making. It is noted that they have a fairly high level of awareness in the theory and methods of decision-making, but in practice they use the simplest techniques. Information support for decision-making is also limited to the most accessible free sources. It is concluded that within the framework of acceleration programs, it is necessary to train potential technology entrepreneurs to justify decisions more fully and efficiently (taking into account the specifics of their activities). The conducted research of technological entrepreneurs showed a shortage of competencies and resources in the field of managerial decision-making.

Keywords: management decisions, technology entrepreneurs, questionnaire survey, information support, digital technologies

DOI 10.21777/2587-554X-2023-1-99-107

¹ Работа выполнена в рамках соглашения № 075-15-2022-1195 от 30.09.2022, заключенного между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Введение

Современные вызовы опережения импорта, создания широкого спектра современных российских технологий обуславливают исключительную стратегическую важность технологического предпринимательства. Как известно, оно обеспечивает коммерческую реализацию передовых научно-технических разработок, соединяет инновационное предложение и инновационный спрос наиболее рациональным путем. Под технологическими предпринимателями принято понимать тех предпринимателей, основная деятельность которых состоит в коммерциализации инноваций и внедрении новых технологий [1], небольшие предпринимательские фирмы, базирующиеся на собственной инновационной разработке [2]. Особенность технологического предпринимателя – он не просто создает новые технологии, но и осуществляет их коммерческое внедрение, что определяет его роль в экономическом развитии страны на инновационной основе.

Мировой опыт свидетельствует, что значительное число технологических предпринимателей – необходимое условие инновационного развития национальной экономики. Даже ведущие глобальные компании нуждаются в ежегодном приобретении большого числа технологических стартапов, созданных предпринимателями. Так, в 2010–2020 годах только “Google”, “Facebook”, “Amazon”, “Apple”, “Microsoft” купили около 400 технологических стартапов [3]. Поэтому российское технологическое предпринимательство в сложившейся в 2022 году обстановке приобрело совершенно особое значение для повышения уровня технологической самообеспеченности в новой реальности.

Успех технологических предпринимательских проектов в самой существенной степени зависит от качества принимаемых управленческих решений. Оно, в свою очередь, определяется как личным управленческим талантом, так и компетентностью технологического предпринимателя в сфере научно обоснованных техник и методик принятия решений. Владение отработанными навыками и приемами анализа ситуации, выработки альтернатив, выбора наилучшего варианта действий из ряда возможностей обеспечивают более успешные действия в сложной внешней среде.

Безусловно, проблематика принятия управленческих решений давно и достаточно активно изучается российскими и зарубежными исследователями. Вопросам технологического предпринимательства в литературе также уделяется определенное внимание. Однако библиографический поиск показывает, что особенности принятия решений технологическими предпринимателями эмпирически исследованы крайне слабо, в особенности в России, чья экономика по многим параметрам отличается от зрелых рыночных государств.

В часто цитируемом исследовании С. Сарасвати речь идет об особенностях принятия решений предпринимателями вообще. К ним относятся, в частности, отсутствие регламентирующих документов, более редкая постановка конкретных количественных целей, принятие высокого уровня риска, спонтанность [4]. Действительно, чем крупнее компания, тем более, как правило, формализованы процессы принятия решений, конкретизированы ключевые показатели эффективности, которые должны быть достигнуты, чаще используются сложные методы обоснования решений (например, имитационное моделирование или предиктивная аналитика).

Российские исследователи С.Ю. Хомаев и А.С. Рыбак пришли к сходным выводам. Строгие количественные методы принятия решений в предпринимательстве практически не находят применения, доминирует групповое обсуждение различных альтернатив в ходе собраний, совещаний с последующим выбором руководителя, хотя этот процесс и документируется [5]. В сфере технологического предпринимательства существуют, конечно, специализированные труды с рекомендациями по организации и управлению бизнесом, где излагаются, в том числе, теория, методика, кейсы принятия решений [6]. Однако остается неисследованным, насколько часто они применяются действующими технологическими предпринимателями в своей повседневной практике.

В частности, Д. Рапп (*D. Rapp*) и М. Олбрич (*M. Olbrich*) отмечают, что высокая неопределенность и низкая структурированность управленческих ситуаций в предпринимательских проектах инновационного типа сильно ограничивают возможность применения жестких нормативных моделей принятия решений, таких как экономико-математическое моделирование [7]. Однако сами авторы отмечают, что это на момент выполнения цитируемого исследования – гипотетический тезис, требующий дальнейших эмпирических подтверждений.

Среди немногочисленных зарубежных эмпирических работ можно выделить статью А. Камуффо (A. Camuffo) и др. на материалах 116 итальянских технологических стартапов. Исследователи обучали технологических предпринимателей более точным формализованным методам обоснования своих решений взамен применявшегося ранее подхода «проб и ошибок». Показано, что количественная аналитика данных и процессов повысила качество принимаемых решений и, как следствие, – вероятность успеха стартапа [8].

Среди российских работ по технологическому предпринимательству можно встретить исследование таких тем, как происхождение основателей стартапов [9], факторы сдерживания и ускорения академического технологического предпринимательства [10], его потенциальный вклад в экономическое развитие [11] и др. Однако в существующих исследованиях практически не раскрыто, как российские технологические предприниматели принимают управленческие решения. Это обусловило выбор цели исследования – выявить особенности принятия решений российскими технологическими предпринимателями.

1. Методы и процедуры изучения особенностей принятия решений технологическими предпринимателями

Для того чтобы выявить особенности принятия решений технологическими предпринимателями, был выбран метод анкетного опроса, т.к. интересующая автора информация могла быть получена практически только этим путем. Разработанная анкета охватывала основные составляющие процесса принятия решений – методы их обоснования, уровень компетентности предпринимателей в данной сфере, факторы выбора того или иного метода или технологии, используемое информационное обеспечение. Также представляет интерес, знакомы ли технологические предприниматели с инновационными цифровыми подходами к обоснованию управленческих решений, такими как предиктивная аналитика или анализ больших данных (таблица 1).

Анкетирование проводилось частично в очной форме, частично – через заполнение анкеты участниками опроса на сервисе “Google Forms”. Учитывая особенности технологических предпринимателей как специфической группы людей, их ограниченное количество, выборка формировалась методом «снежного кома». Автор принимает участие в работе Школы технологического предпринимательства «Инсайт» (на базе Кемеровского государственного университета), программах акселерации технологических предпринимательских проектов, благодаря чему были установлены деловые контакты с рядом технологических предпринимателей. Им были направлены предложения принять участие в опросе, а также порекомендовать коллег, которые тоже могли бы ответить на вопросы анкеты. Таким путем и был сформирован круг респондентов.

Как известно, технологические предприниматели серьезно дифференцированы по стадиям жизненного цикла, начиная от предпосевной стадии (потенциальные предприниматели, желающие открыть бизнес) до «компаний-единорогов» с капитализацией более 1 млрд долл. США [11, с. 218]. Очевидно, что первые еще практически не столкнулись с вопросами принятия управленческих решений, а вторые – чрезвычайно редки и малодоступны для опроса.

Таблица 1 – Анкета для опроса технологических предпринимателей по проблемам принятия управленческих решений¹

Вопрос	Варианты ответа
1. Изучали ли Вы когда-либо специально технологии и методы принятия управленческих решений? (возможен выбор нескольких вариантов)	1.1. Нет, никогда 1.2. Самостоятельно изучал информацию в книгах, интернете. 1.3. Изучал в вузе (отдельные дисциплины, спецкурсы). 1.4. Проходил специальные обучающие мероприятия (семинары, курсы и др.)
2. Какие методы принятия решений Вы знаете (назовите наиболее распространенные варианты)	Свободные формулировки
3. Какие методы принятия решений Вы применяете в своей повседневной деятельности? (назовите наиболее распространенные варианты)	Свободные формулировки

¹ Составлено автором.

4. По каким критериям Вы выбираете для себя методы принятия решений?	4.1. Простота. 4.2. Точность. 4.3. Наличие компетенций и ресурсов по его использованию. 4.4. Безальтернативность (задачу невозможно решить иным методом)
5. Как Вы планируете количественные результаты деятельности (выручка, прибыль и т.п.)	5.1. Личная оценка. 5.2. Экспертная оценка. 5.3. Экономико-математическое моделирование. 5.4. Сравнение с отраслевыми показателями, банковскими ставками и т.п. 5.5. Не планируются
6. Какие информационные источники используются для принятия решений? (возможен выбор нескольких вариантов)	6.1. Открытые данные интернета, СМИ. 6.2. Материалы, учетные данные, отчетность самой компании. 6.3. Специализированные отраслевые обзоры, базы данных. 6.4. Экспертные оценки. 6.5. Результаты исследований, моделирования, выполненные специально для лица, принимающего решения. 6.6. Данные и материалы партнеров (заказы, запросы и т.п.)
7. Какие современные цифровые технологии и методы принятия решений Вам известны? Какие из них Вы применяете? (возможен выбор нескольких вариантов)	7.1. Форсайт. 7.2. Использование больших данных (Big Data). 7.3. Предиктивная аналитика. 7.4. Нейротехнологии. 7.5. Другие (укажите, что именно). 7.6. Никакие

Поэтому в данном исследовании рассматривались технологические предприниматели, находящиеся на посевной стадии (стадии создания высокотехнологичной компании до получения первой выручки). В целом в опросе во всех формах (очной и заочной) приняли участие 79 технологических предпринимателей посевной стадии, из них 77 (или около 97,5 %) корректно заполнили анкеты, ставшие основой для эмпирического анализа.

2. Уровень компетенции технологических предпринимателей в сфере принятия решений и используемые ими методы

Исходной основой для принятия управленческих решений является личная компетенция технологического предпринимателя в этой сфере, которая может быть получена в рамках обучения в университете, самообразования, прохождения специальных обучающих мероприятий. Безусловно, можно даже при наличии управленческого образования по известному выражению «забыть все, чему учили в вузе», но все же именно знания и навыки технологического предпринимателя по принятию решений будут влиять на его действия в этой сфере.

Опрос показал, что большинство технологических предпринимателей имеют определенные компетенции по принятию решений. Почти все (69 чел. или около 89,6 %) изучали ту или иную информацию в сфере принятия решений по материалам интернета, книг, статей по менеджменту, т.е. использовали наиболее доступный и дешевый путь самообразования. Только 8 чел. или около 10 % респондентов никогда специально не интересовались теорией и технологиями принятия управленческих решений. Около 30 % опрошенных технологических предпринимателей (22 чел.) отметили, что проблематика принятия управленческих решений изучалась ими в период обучения в вузе. По-видимому, это те, кто получал образование в сфере экономики и менеджмента. Однако лишь 15 чел. (около 20 % респондентов) отметили участие в специальных обучающих мероприятиях.

Следовательно, в основном компетенции по принятию решений формируются у технологических предпринимателей стихийно, чаще всего происходит обращение к ресурсам интернета, как наиболее доступным. Однако информация здесь сильно различается по качеству, и неспециалист может получить в ходе поиска не лучшие рекомендации. Более серьезно изучали принятие решений технологические предприниматели, имеющие экономико-управленческое образование. Лишь незначительная часть опрошенных затронула ресурсы (время, деньги) нахождение специальных обучающих мероприятий.

В таблице 2 представлены данные о тех методах принятия решений, которые лучше всего известны технологическим предпринимателям и чаще всего применяются в работе. Поскольку в целом было

названо достаточно большое число методов (но многие – только по несколько раз), чтобы не загромождать исследование, в таблице 2 приведены только те из них, которые назывались 10 раз и более (более чем 10 % от общего числа опрошенных технологических предпринимателей).

Данные таблицы 2 указывают на значительное расхождение между известными и реально используемыми методами. Технологические предприниматели в принципе знают довольно большое число методов обоснования и принятия управленческих решений, включая математические, игровые, экспертные, методы прогнозирования, мозговые штурмы. Их назвало большинство респондентов (более 50 %). Это наиболее распространенные и известные виды методов принятия решений, которые входят во все учебные курсы, литературу по теме, сразу же обнаруживаются при поиске в интернете.

Однако ряд перспективных методов для принятия решений в неформализованных ситуациях, характерных для технологического предпринимательства, например, Дельфи, деревья решений, диаграммы Исикавы менее известны опрошенным в принципе, не говоря уже о возможности их последующего применения. Еще более показательным, что такие важнейшие методы обоснования и принятия управленческих решений, как, например, карта рисков, управленческая диагностика, методы, связанные с исследованием рынка и маркетингом, также практически не упоминаются в опросе. Это указывает на явный недостаток компетенций и навыков.

Таблица 2 – Упомянутость и применимость методов принятия решений технологическими предпринимателями (по результатам опроса)²

Наименование метода	Упомянут		Используется	
	кол-во чел.	процентов	кол-во чел.	процентов
SWOT-анализ	56	72,7	26	33,8
Дельфи	19	24,7	2	2,6
Дерево решений	38	49,4	14	18,2
Диаграмма (закон) Парето	63	81,8	8	10,4
Интуиция	76	98,7	57	74,0
Лист баланса	51	66,2	12	15,6
Личный опыт	73	94,8	55	71,4
Математическая оптимизация (и сходные формулировки)	64	83,1	4	5,2
Матрица Эйзенхауэра	21	27,3	7	9,1
Метод аналогий и ассоциаций	11	14,3	2	2,6
Методы прогнозирования	70	90,9	5	6,5
Мозговые штурмы	75	97,4	41	53,2
Морфологический анализ	43	55,8	12	15,6
Обсуждение, групповой консенсус	66	85,7	59	76,6
Пробы и ошибки	71	92,2	61	79,2
Различные случайные методы*	73	94,8	27	35,1
Схема Исикавы	30	39,0	2	2,6
Теория игр	57	74,0	1	1,3
Теория решения изобретательских задач	11	14,3	2	2,6
Шляпы мышления	16	20,8	8	10,4
Экспертные оценки	74	96,1	18	23,4

* Эта категория объединила все упоминания методов, связанные с так называемым флипизмом (выбор альтернативы на основе более или менее случайного фактора типа подбрасывания монеты)

Что касается применения конкретных методов, то лидерами стали наиболее простые, чтобы не сказать примитивные подходы, включая метод «проб и ошибок», неформализованные групповые обсуждения и интуицию. Их назвали более 50 % опрошенных технологических предпринимателей. Без-

² Составлено автором.

условно, полностью отрицать роль интуиции и групповых обсуждений нельзя, особенно учитывая сложность процессов технологического бизнеса, плохую формализуемость и необходимость генерации совершенно нестандартных вариантов действий. Неслучайно, видимо, более половины респондентов применяли мозговой штурм.

Но в целом результаты указывают на то, что технологические предприниматели исповедуют «менеджмент здравого смысла», имеющий множество ограничений, т.е. подход с низкой степенью управленческого профессионализма, игнорированием признанных технологий и методов. Следовательно, достаточно часто технологическими предпринимательскими проектами управляют не профессионально, а дилетантски (даже при наличии доступных информации и обучающих программ).

Классические методы принятия решений известны большинству технологических предпринимателей, но применяются довольно редко, как в силу дефицита управленческих компетенций, так и стереотипа, что они пригодны для крупного устоявшегося бизнеса, а на малом предприятии, тем более инновационном, нет альтернативы интуиции и обучению на опыте. Состоятелен же этот стереотип далеко не всегда, поскольку сложно переоценить важность, например, анализа рынка для запуска нового проекта.

Показательно также распределение ответов на вопрос о том, как именно выбираются конкретные методы принятия решений. Для более половины предпринимателей значим такой критерий, как «простога» (41 чел. или 53,3 %), «наличие компетенций и ресурсов» (47 чел. или 61,0 %), т.е. качество и обоснованность решения в какой-то степени приносится в жертву экономии времени, ресурсов и скорости действий. Поскольку «цена» неверно принятого решения на старте технологического бизнеса очень высока, такую «экономия» сложно считать рациональной. Только 22 опрошенных технологических предпринимателя сделали при выборе методов принятия решений ставку на качество, т.е. точность (около 28,6 %).

Важный аспект любого бизнес-плана, проекта – это подход к планированию количественных показателей его деятельности, являющихся индикаторами достижения целей (выручка, прибыль и др.). 52 опрошенных предпринимателя (67,5 %) указали, что вообще не планируют ключевые показатели эффективности, 19 (24,7 %) используют личную оценку (по сути, произвольное субъективное установление желаемых значений без какой-либо серьезной аналитики и прогнозирования). Только 4 предпринимателя (5,2 %) ориентируются на какие-либо внешние бенчмарки, еще 2 – на экспертные оценки (2,6 %), моделирования не проводит никто.

С одной стороны, технологические предприниматели могут считать, что на посевной стадии планировать выручку слишком рано. С другой стороны, налаживать производство, рассматривать каналы вывода продукции на рынок следует все же с учетом определенного прогноза по точке безубыточности, выручке и другим важнейшим финансовым параметрам бизнес-модели. Вообще говоря, уже при разработке бизнес-модели на предпосевной стадии обязательным является определение источников доходов, включая проработку вопросов ценообразования. Поэтому данный аспект практики принятия решений технологическими предпринимателями также пока находится на недостаточно высоком профессиональном уровне.

3. Информационная база принятия решений технологическими предпринимателями и использование современных цифровых технологий

Еще один немаловажный аспект практики принятия управленческих решений – качество и состав используемой для их обоснования информации. Распределение ответов технологических предпринимателей на соответствующий вопрос анкеты представлено в таблице 3. Практически все технологические предприниматели ожидаемо используют собственные внутренние материалы, а также открытые данные, публикуемые в интернете. Гораздо реже технологические предприниматели задействуют профессиональные ресурсы (такие как отраслевые обзоры, аналитику, базы данных), что сужает информационное обеспечение управленческих решений.

Таблица 3 – Информация, используемая технологическими предпринимателями для принятия решений³

Источники информации	Кол-во чел.	Проценты
Открытые данные интернета, СМИ	75	97,4
Материалы, учетные данные, отчетность самой компании	76	98,7
Специализированные отраслевые обзоры, базы данных	21	27,3
Экспертные оценки	4	5,2
Результаты исследований, моделирования, выполненные специально для лица, принимающего решения	1	1,3
Данные и материалы партнеров (заказы, запросы и т.п.)	19	24,7

Меньшинство опрошенных также ориентируются на информацию партнеров (например, конкретные заказы и запросы на технологии), что указывает на недостаточные деловые связи внутри предпринимательских экосистем. Практически не находят применения специально выполненные по заказу технологических предпринимателей экспертные оценки и результаты исследований, что связано как непосредственно с нехваткой ресурсов, так и недооценкой важности информационного обеспечения лиц, принимающих решения.

Заключительный вопрос анкеты затрагивал степень знакомства с наиболее «продвинутыми» цифровыми технологиями поиска и выработки управленческих решений, например, предиктивной (предсказательной) аналитикой. В результате опроса было установлено, что практически все технологические предприниматели знают о существовании и возможностях таких технологий, но почти никто не пользуется ими на практике. Только по два респондента заявили о применении нейротехнологий и больших данных. Это указывает на значительный потенциал внедрения наиболее перспективных цифровых технологий в практику принятия решений технологическими предпринимателями с генерацией нетривиальных перспективных вариантов их действий.

Заключение

Проведенное исследование технологических предпринимателей показало дефицит компетенций и ресурсов в сфере принятия управленческих решений, что находит отражение в используемых методах, информационной базе, подходах к планированию проектов. Большинство технологических предпринимателей в определенной степени знакомы с современными теорией, технологией, методами принятия решений, но в ограниченной степени используют их в своей повседневной деятельности. Применяются наиболее простые и наименее затратные подходы к принятию решений, тогда как экспертные оценки, математическое моделирование, теория игр, известны предпринимателям, но используются довольно редко.

По большей части технологические предприниматели используют интуицию, групповые обсуждения, обучение на опыте, путем проб и ошибок. Выбираются не более точные и продуктивные, а более простые и менее затратные методы. Это объясняется не только нехваткой ресурсов (компетенций, времени, денег), но и стереотипом, что более сложные и точные методы мало приемлемы на стадии создания технологической компании. Верен же этот стереотип далеко не всегда, в частности, вряд ли можно считать правильным отказ от планирования выручки на данной стадии.

Информационная база обоснования управленческих решений также достаточно проста, она сводится в большинстве случаев к внутренним материалам технологического предпринимательского проекта и открытым данным интернета, СМИ. Мало используются профессиональные маркетинговые исследования, прогнозы, экспертные оценки, что может приводить к ошибочным действиям. Наиболее современные цифровые технологии, которые могут обеспечить конкурентные преимущества (например, предиктивная аналитика), известны технологическим предпринимателям, но практически не используются ими.

³ Составлено автором.

Таким образом, подходы к принятию решений технологическими предпринимателями остаются не вполне профессиональными, что объясняется как дефицитом компетенций, ресурсов, так и стереотипными представлениями о том, что на старте предпринимательского проекта следует полагаться на интуицию и творчество. Представляется, что необходимо развивать компетенции технологических предпринимателей по принятию решений в рамках программ обучения, акселерации, а также формировать условия для использования ими прорывных технологий, например, больших данных, при формировании управленческих решений.

Список литературы

1. *Chebo A., Wubatie E.* Commercialization of technology through technology entrepreneurship: the role of strategic flexibility and strategic alliance // *Technology analysis & strategic management*. – 2020. – Vol. 32, No. 13. – P. 1378–1399.
2. *Meil P., Salzman H.* Technological entrepreneurship in India // *Journal of entrepreneurship in emerging economies*. – 2017. – Vol. 9, No. 1. – P. 65–84.
3. *Prado T., Bauer J.* Big Tech platform acquisitions of start-ups and venture capital funding for innovation // *Information Economics and Policy*. – 2022. – Vol. 59. – Article no. 100973.
4. *Sarasvathy S.* The Downside of entrepreneurial opportunities // *Management*. – 2014. – Vol. 7, No. 4. – P. 305–315.
5. *Ховаев С.Ю., Рыбак А.С.* Особенности принятия управленческих решений в малом бизнесе // *Российское предпринимательство*. – 2017. – Т. 18, № 20. – С. 2951–2964.
6. *Trott P., Hartmann D., Duin P., Scholten V., Ortt J.* *Managing technology entrepreneurship and innovation*. – London: Routledge, 2016. – 258 p.
7. *Rapp D., Olbrich M.* On entrepreneurial decision logics under conditions of uncertainty: an attempt to advance the current debate // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. – 2020. – Vol. 9. – Article no. 9.
8. *Camuffo A., Cordova A., Gambardella A., Spina C.* A scientific approach to entrepreneurial decision making: evidence from a randomized control trial // *Management Science*. – 2020. – Vol. 66, No. 2. – P. 564–586.
9. *Толмачев Д.Е., Чукавина К.В.* Технологическое предпринимательство в российских регионах. Образовательные и географические траектории основателей стартапов // *Экономика региона*. – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 420–434.
10. *Куракова Н.Г., Цветкова Л.А.* Технологическое предпринимательство в региональных университетах России: факторы сдерживания и ускорения // *Экономика науки*. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 170–187.
11. *Земцов С.П.* Технологическое предпринимательство как фактор развития России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2022. – № 1. – С. 212–223.

References

1. *Chebo A., Wubatie E.* Commercialization of technology through technology entrepreneurship: the role of strategic flexibility and strategic alliance // *Technology analysis & strategic management*. – 2020. – Vol. 32, No. 13. – P. 1378–1399.
2. *Meil P., Salzman H.* Technological entrepreneurship in India // *Journal of entrepreneurship in emerging economies*. – 2017. – Vol. 9, No. 1. – P. 65–84.
3. *Prado T., Bauer J.* Big Tech platform acquisitions of start-ups and venture capital funding for innovation // *Information Economics and Policy*. – 2022. – Vol. 59. – Article no. 100973.
4. *Sarasvathy S.* The Downside of entrepreneurial opportunities // *Management*. – 2014. – Vol. 7, No. 4. – P. 305–315.
5. *Hovaev S.Ju., Rybak A.S.* Osobennosti prinjatija upravlencheskih reshenij v malom biznese // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. – 2017. – Т. 18, № 20. – С. 2951–2964.
6. *Trott P., Hartmann D., Duin P., Scholten V., Ortt J.* *Managing technology entrepreneurship and innovation*. – London: Routledge, 2016. – 258 p.
7. *Rapp D., Olbrich M.* On entrepreneurial decision logics under conditions of uncertainty: an attempt to advance the current debate // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. – 2020. – Vol. 9. – Article no. 9.
8. *Camuffo A., Cordova A., Gambardella A., Spina C.* A scientific approach to entrepreneurial decision making: evidence from a randomized control trial // *Management Science*. – 2020. – Vol. 66, No. 2. – P. 564–586.

9. *Tolmachev D.E., Chukavina K.V.* Tehnologicheskoe predprinimatel'stvo v rossijskih regionah. Obrazovatel'nye i geograficheskie traektorii osnovatelej startapov // *Jekonomika regiona.* – 2020. – Т. 16, вып. 2. – S. 420–434.
10. *Kurakova N.G., Cvetkova L.A.* Tehnologicheskoe predprinimatel'stvo v regional'nyh universitetah Rossii: faktory sderzhivaniya i uskorenija // *Jekonomika nauki.* – 2021. – Т. 7, № 3. – S. 170–187.
11. *Zemcov S.P.* Tehnologicheskoe predprinimatel'stvo kak faktor razvitija Rossii // *Zhurnal Novoj jekonomicheskoj associacii.* – 2022. – № 1. – S. 212–223.

**Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте.
Серия 1. Экономика и управление
№ 1 (44)' 2023**

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Демиденко В.К.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 14.03.2023.

Печ. л. 13,5. Усл.-печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 8,5.

Объем 5,25 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 22-0018.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8(495) 783-68-48, доб. 53-53.